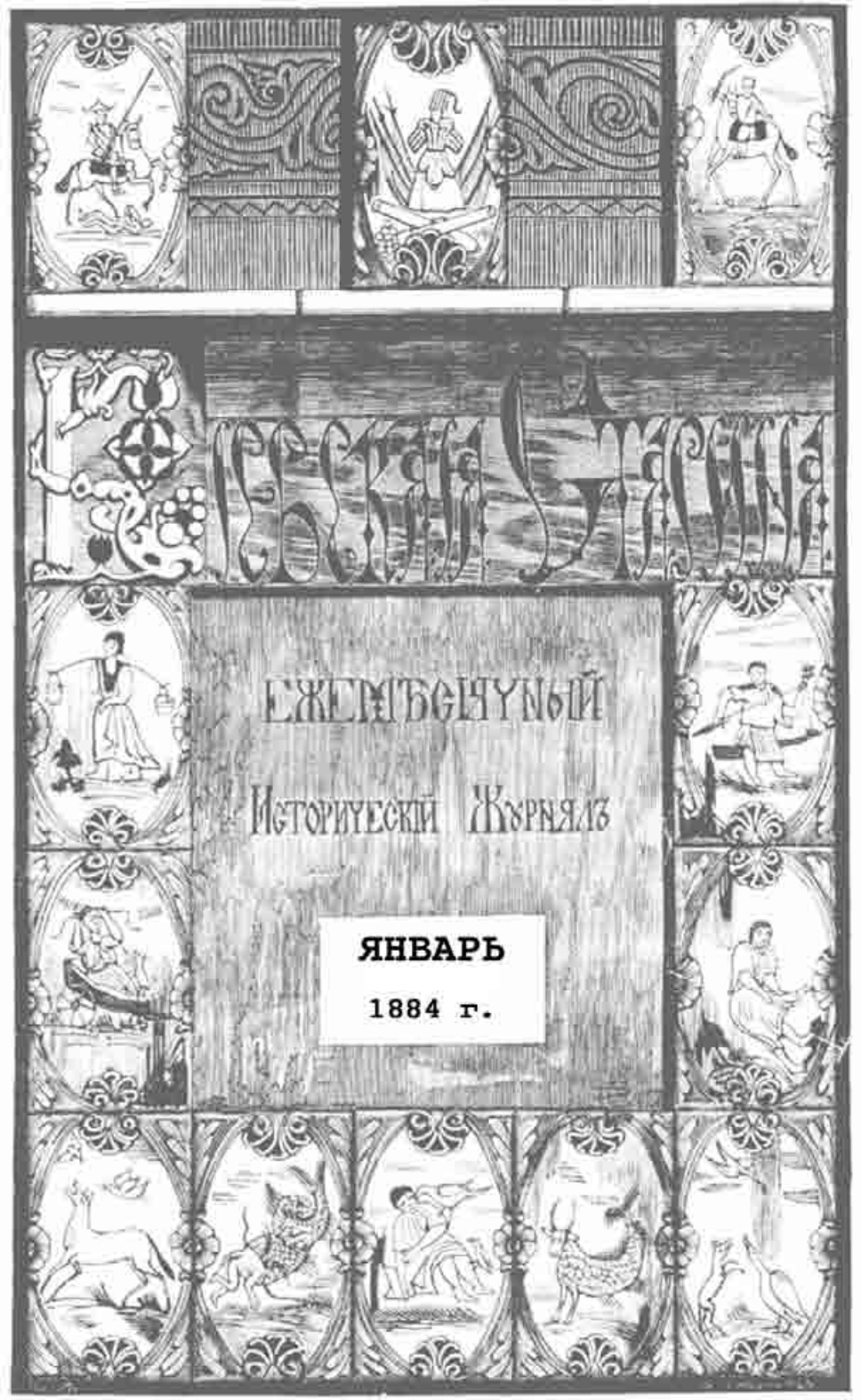
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ЯНВАРЬ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1884 г.

стр.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). **Н. Ѳ. Сумцова** 1

II. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (*Очерки I—III*). **В. Горленка** . . . 21

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Марковичи). **Ал. Лазаревскаго** . . 50

IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). **И. Левицкаго**. . . . 83

V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИПИЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. **В. Ястребова**. 111

VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ. 135

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІИ. **Н. С—ко**. 143

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1883 г.—*В. Г—ко.*—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева, Харьковъ. 1883 г.—*Его-же.*—в) Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта В. П. Жуковскаго. Кіевъ, 1883 г.—*Его же.*—в) Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г. 149

XIX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—1772 гг.—*А. Скальковскаго.*—б) Волынская бывальщина.—*П. О.*—в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.—*К. Кошовика.*—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Послѣднія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Панкратьеву.—Сообщ. *А. А—скій.*—з) Пѣсенный отголосокъ давно минувшей эпохи.—Сообщ. *М. Крашановскій* . . 159

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1884 г. продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ЯНВАРЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го декабря 1883 года.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“
ВЪ 1884 ГОДУ.

Журналъ „**Кіевская Старина**“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, вспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в.*, *Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго*, *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому*, *Письма С. Т. Аксакова*, *Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу*. *Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы*, *Двѣ интермедіи 1619 г.*, *сооб. М. Т—въ*, *Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и*

малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, *Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный доселѣ гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго*, *Я. Г.*, *Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. І. и проч.

Сверхъ того, въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Съ январской книжки начата печатаніемъ повѣсть П. Нечуя (Левицкаго); *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, равно пойдутъ и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О зміевыхъ валахъ*, В. Б. Антоновича, *Іоанникій Галятовскій*, Н. Ѳ. Сумцова, *Малороссійскія города XVII и XVIII ст.*, Д. И. Багалѣя, *Послѣдніе кіевскіе войты*, И. М. Каманина, *Дневникъ князя Б. И. Куракина*, сподвижника Петра I-го, *Мемуары гетманича Петра Апостола* и *Записки* б. кіев. губерн. предводителя дворянства *П. Д. Селецкаго*. Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Кисиля*.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіяся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**“, *Кіевъ*, *Софійская площадь*, *д. № 11-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ началѣ XVII вѣка южно-русскіе писатели въ своей ученой дѣятельности постоянно имѣли въ виду народныя потребности и нужды. Научная дѣятельность развивалась преимущественно въ Острогѣ и въ Вильнѣ подъ защитой братствъ. Въ большей части дошедшихъ до насъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ начала XVII ст. языкъ простой, ясный, сильный, довольно близкій къ народной рѣчи; въ нихъ много живости, бойкости, исторической документальности. Таковы: „Перестрога", Посланія Іоанна Вишенскаго, „Ѳриносъ" М. Смотрицкаго и нѣкот. друг.

Около половины XVII ст. украинская наука поселяется въ мрачныхъ аудиторіяхъ кіево-могилянскаго коллегіума. Въ количественномъ отношеніи она сильно разростается; въ качественномъ отношеніи падаетъ, понижается. Въ южно-русской литературѣ, развившейся подъ вліяніемъ могилянскаго коллегіума, слишкомъ много пустословія, витіеватости, искусственности. Сочиненія главныхъ писателей этой эпохи: Барановича, Галятовскаго, Гизеля, Радивиловскаго, наглядно показываютъ, до какой степени оскудѣнія можетъ дойти научная мысль, протянутая черезъ узкія, тенденціозно сколоченныя школьныя рамки.

Трудно выдѣлить Галятовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южнорусскихъ писателей. Его „Души" наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія" валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой" и „Фундаментами", нужно сопоставить эти маленькія, дѣльно написанныя книжки съ объемистыми сочиненіями Барановича, Гизеля и Радивиловскаго, чтобы оцѣнить превосходство Галятовскаго надъ этими писателями;

по умственнымъ дарованіямъ и начитанности, Галятовскій болѣе всякаго другаго можетъ быть названъ представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII ст. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежатъ перу Галятовскаго. Въ Галятовскомъ южная Россія нашла талантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлаго и опытнаго бойца за южнорусскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII в. ея проявленіе,—православіе.

Личность Галятовскаго до послѣдняго времени оставалась въ тѣни: сочиненія его не были подробно обслѣдованы. Причина—крайняя скудость письменныхъ, документальныхъ свѣдѣній о Галятовскомъ. Въ силу этой скудости, изслѣдователь не можетъ ни освѣтить достаточнымъ количествомъ фактовъ личность этого писателя, ни объяснить его политическую дѣятельность въ связи съ современнымъ ему состояніемъ южной Россіи [1]).

О мѣстѣ и времени рожденія Галятовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего не извѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянской коллегіи. Здѣсь онъ увидѣлъ свѣтъ науки, точнѣе сказать, ея блѣдный отблескъ, пробившійся черезъ дремучія дебри схоластики. Къ Галятовскому болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, идетъ названіе питомца кіевской коллегіи, такъ какъ онъ всосалъ въ себя всѣ ея духовные соки, и хорошіе, и дурные.

Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи съ 20 годовъ XVII ст. Насадителями школьной науки и литературы тутъ явились кіево-печерскіе архимандриты: Плетенецкій, Копыстенскій и въ особенности Петръ Могила. Петръ Могила въ юго-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Галятовскомъ 1) Въ его сочиненіи «Stary kościoł. 1678; 2) Письмахъ Лазаря Барановича. Изд. 2. 1865 г.; 3) Памятникахъ кіевск. временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ, 1846 г. II. 223—226; 4) Актахъ южной и западной Россіи, т. IX, XI и XII; 5) ненапечатанныхъ письмахъ Галятовскаго къ царю, хранящихся въ библіотекѣ московскаго общества исторіи и древностей подъ № 98; 6) Исторіи русской іерархіи, Амвросія, въ 6 томѣ, и 7) Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета. М. Евгеній, Аскоченскій, Костомаровъ, Вишневскій новыхъ свѣдѣній о жизни Галятовскаго не представили.

западную русскую образованность внесъ западно-европейскія схоластическія начала, подѣйствовавшія на южно-русскую національную мысль, какъ „смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ“. Греческія и протестантскія вліянія были устранены. Кіевскій коллегіумъ построенъ всецѣло по образцу іезуитскихъ коллегій. Нѣкоторые изслѣдователи, панегиристы Петра Могилы, полагаютъ, что „всѣ заимствованія Могилы изъ іезуитской педагогики ограничивались лишь формами, которымъ сообщался другой духъ и характеръ [1])“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ области умственныхъ отношеній и интересовъ содержаніе и форма сливаются нераздѣльно и одно другое обусловливаетъ и опредѣляетъ. Съ заимствованіемъ внѣшнихъ формъ іезуитской педагогіи незамѣтно было воспринято въ русскую жизнь и схоластическое латинское содержаніе, выразившееся въ напыщенномъ *„казаньѣ“*, вытѣснившемъ скромную *„гомилію“*, въ стремленіи высшаго духовенства поработить мірянъ, въ усиленіи сервиліума, въ особомъ толкованіи ученія о времени пресуществленія св. Даровъ.

Кіево-могилянская коллегія выдѣлилась изъ ряда братскихъ школъ характеромъ своей педагогіи. Отличительными чертами педагогіи кіевской коллегіи служатъ съ дидактической стороны строгій схоластическій методъ преподаванія всѣхъ наукъ и преобладаніе латинскаго языка, а со стороны воспитательной строгая школьная дисциплина.

Въ коллегіи было восемь классовъ: 1) фара, или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) риторика, 7) философія и 8) богословіе.

Въ первое время существованія коллегіи, во время обученія въ ней Галятовскаго, фара была элементарнымъ, приготовительнымъ классомъ; учили въ ней только латинскому и славянскому чтенію и письму. Въ XVIII столѣтіи занятія въ фарѣ значительно усилились.

Въ инфимѣ ученики начинали говорить по латыни, переводили съ латинскаго языка на русскій и обратно, писали небольшія классныя упражненія, или экзерциціи. Наставникомъ Галятовскаго въ инфимѣ былъ Лазарь Барановичъ.

---

[1]) Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1870 г., VII. 473.

Въ грамматикѣ и синтаксимѣ ученики одолѣвали грамматику Альвара, трудились надъ оккупаціями, или домашними письменными упражненіями въ латинскомъ языкѣ, говорили исключительно по латыни.

Трудно сказать, что въ первыхъ четырехъ классахъ коллегіи преподавалось, кромѣ латинскаго языка: русскій и греческій языки, повидимому, были на заднемъ планѣ; съ ариѳметикой, священной исторіей и краткимъ катехизизомъ въ низшихъ классахъ коллегіи знакомили лишь слегка. Строго говоря, все обученіе вертѣлось на латинской грамматикѣ. „Одну и ту-же грамматику, что писалъ краковскій профессоръ математики Брожка (Броціусъ) въ сочиненіи „Gratis, или Разговоръ гражданина съ священникомъ, іезуиты разбили на множество частей—инфиму, грамматику, синтаксиму. А это простымъ и неразсудительнымъ родителямъ кажется превосходнымъ: думаютъ они, что сынъ ихъ, слушая науки въ 1, 2, 3 и 4 школѣ (т. е. классахъ), уже сдѣлался греческимъ или римскимъ императоромъ или полководцемъ, или получилъ премію, или схватилъ какой-нибудь образокъ; а развѣ этого мало?... При этомъ не замѣчаютъ, что во всѣхъ этихъ классахъ одна наука, одна только грамматика [1])“.

Самый учебникъ латинскаго языка, составленный Альваромъ, отличался, по словамъ Брожки, крайней темнотою. Альваръ въ іезуитскихъ школахъ держался отъ XVI до XIX ст. Въ кіево-могилянской академіи и въ семинаріяхъ по этому отупляющему учебнику учились болѣе ста лѣтъ. Въ великорусскихъ семинаріяхъ въ XVIII в. грамматика Альвара пользовалась уваженіемъ и восхвалялась до небесъ. Наставники семинаріи изображали эту грамматику въ видѣ дерева и писали ему похвалу: „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сый премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви“ и т. д. [2]).

Поэзія и риторика во время Галятовскаго преподавались въ одномъ классѣ и въ теченіи одного года. Въ XVII ст. предметы

[1]) Пекарскій, Кіев. наука, въ «Отечеств. Запискахъ» 1862. II, 563.
[2]) Знаменскій, Духовныя школы, 437.

эти раздѣлились на два класса и проходились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ піитикой понималось искусство плести вирши (ars pangendi versus); подъ риторикой—игра въ прозаическія словесныя формы, наборъ механическихъ рецептовъ, какъ составлять періоды, писать письма и ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни. Въ поэзіи и риторикѣ ученики уже заявляли свою ученость виршами и орацiями въ школѣ и внѣ школы. По словамъ Ѳеофана Прокоповича, грубый XVII в. благоговѣлъ передъ такими пустяками, какъ схоластическія вирши и орацiи [1]).

Миѳологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитой обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ наставникахъ и воспитанникахъ, что, кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ миѳологическихъ примѣненій даже такія сочиненія, которыя легко могли-бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній. Такъ, Сильвестръ Коссовъ на 10 страницѣ своего Патерика (1635) сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ [2]). Изъ кіевскихъ ученыхъ и писателей второй половины XVII в. Галятовскій обнаруживаетъ найбольшую наклонность къ миѳологіи. Въ „Ключѣ“ прообразами Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ.

Наставникомъ Галятовскаго въ риторикѣ былъ Л. Барановичъ, о чемъ говоритъ самъ Галятовскій въ началѣ „Стараго Костела“.

Ученики первыхъ 6-ти классовъ составляли младшее братство, *sodales minoris congregationis;* ученики двухъ высшихъ классовъ—старшее братство, *sodales majoris congregationis*. Первые назывались учениками, вторые студентами; существенное отличіе двухъ высшихъ классовъ состояло въ наукахъ. Здѣсь преподавались философія и богословіе, дававшіе воспитанникамъ острое оружіе, которымъ они отражали нападенія иновѣрныхъ враговъ. Коллегіальская философія была въ полномъ смыслѣ философія схоластическая,

---

[1]) Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1870, Авг. 468.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ, I. 135 и примѣч. стр. 332.

ancilla theologiae. Аристотель процвѣталъ въ коллегіи и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона, а Франція Декарта. Дошедшія до нашего времени руководства по философіи, относящіяся къ XVII в., составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, заключавшая теорію доказательствъ, или силлогистическихъ умозакюченій. Логика примѣняла законы мышленія къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Физика трактовала о матеріи и формѣ вещей, природѣ и свойствѣ видимыхъ предметовъ, времени и пространствѣ и о душѣ. Метафизика учила о безтѣлесныхъ существахъ. По замѣчанію историка кіевской коллегіи, „суровая строгость и головоломная сухость философской науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины, они уважали ее, даже поставляли себѣ за честь отличиться діалектическими тонкостями, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душей привязанныя къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты“ [1]).

Богословіе въ кіевской коллегіи читалось съ величайшей обширностью и отчетливостью. Полный курсъ богословія оканчивали въ 4 года. Въ виду религіозныхъ споровъ, волновавшихъ юго-западный край, преподаваніе богословской науки неизбѣжно приняло характеръ полемическій. И въ богословской наукѣ господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формами своей методики. Образцомъ богословствованія считался Ѳома Аквинскій.

Старинная кіево-могилянская академія не развивала мышленія. Вниманіе учащихся было обращено на формы, а не на сущность предметовъ. Все коллегіумское образованіе клонилось къ тому, чтобы приготовить искусныхъ льстецовъ и умѣлыхъ полемистовъ. Преподаваніе богословія не столько утверждало учениковъ въ истинахъ христіанства, сколько пріучало ихъ къ религіозному ханжеству и внѣшней обрядности, укрѣпляло ихъ въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ. Преподаваніе піитики и реторики развивало въ ученикахъ наклонность къ составленію панегириковъ, которые вредно

[1]) Аскоченскій, Кіевъ, I. 139.

дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ,—первыхъ пріучали къ постыдному ласкательству, во вторыхъ развивали неумѣренное самомнѣніе и гордость.

Дурныя стороны кіево-могилянской педагогіи, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ, префектъ, профессоры, преподаватели, тайные и явные визитаторы, цензоры, инспекторы, авдиторы, школьный senatus и populus—чрезвычайно длинная вереница начальствующихъ и подчиненныхъ, весьма сложная организація началъ зависимости и повиновенія. Всѣ пріемы кіево-могилянской педагогіи какъ будто были расчитаны на то, чтобы вытравить въ учащихся чувство дружбы, товарищества и любви. Ученики, соперничая другъ съ другомъ, писали сочиненія de loco, de pane, de calceis, de candela, de indusio, и написавшій лучшее сочиненіе садился, съ вѣдома и при содѣйствіи начальства, впереди своего побѣжденнаго товарища, отнималъ у него булку или получалъ право завладѣть его свѣчей. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ кіево-могилянской академіи въ высшей степени было развито шпіонство. Учителя слѣдили за учениками, ученики другъ за другомъ, подглядывали, подслушивали, шептали въ уши начальства и выслуживались [1]).

Изъ сочиненій Галятовскаго видно, что онъ основательно усвоилъ коллегіумскую премудрость. Нужно допустить, что Галятовскій въ академіи слышалъ о многихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ. Для его живаго, любознательнаго ума на первое время достаточно бы однихъ именъ авторовъ, однихъ указаній на нихъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться этими указаніями для самообразованія.

---

[1]) О внутренней жизни коллегіумскихъ учениковъ, времени занятій, развлеченіяхъ, наградахъ и наказаніяхъ, играхъ, мированьѣ см. въ статьѣ Липчевскаго въ «Трудахъ кіевской духовной академіи», 1870, августъ.

Южно-русскіе ученые XVII ст.: Бронскій, Смотрицкій, Копыстенскій, Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, постоянно дѣлаютъ указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисѣ“ насчитывается 60 пособій автора, во „Ѳриносѣ“ 145, въ „Палинодіи“ 142. Указанія ня пособія находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр. Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей; другіе, напримѣръ Смотрицкій и Галятовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галятовскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кіевскомъ ученомъ мірѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели.

Почти на каждой страницѣ сочиненій Галятовскаго находятся ссылки на священное писаніе. Подобно другимъ схоластическимъ писателямъ XVII вѣка, Галятовскій часто беретъ не цѣлый библейскій текстъ, заключающій въ себѣ полную мысль, а отрывочныя мѣста, нерѣдко даже отдѣльныя слова. Къ апокрифическимъ разсказамъ Галятовскій относится съ полнымъ довѣріемъ и охотно ими пользуется.

Галятовскому были извѣстны „De vita contemplativa“ Филона (I вѣка), сочиненія Іосифа Флавія († 93), Діонисія Ареопагита, Климента Александрійскаго и Иринея ліонскаго (II вѣка). Составляя сочиненіе о „Мессіи правдивомъ“, Галятовскій пользовался преимущественно сочиненіемъ христіанскаго писателя II в. Юстина: „Разговоръ съ Трифономъ“. Галятовскій дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ первой части „Разговора“, гдѣ говорится, почему христіане не исполняютъ Моисеева закона, и беретъ кое-что изъ второй и третей частей, трактующихъ о воплощеніи, крестной смерти Спасителя и о томъ, что вѣрующіе во Христа, по пророчествамъ, наслѣдуютъ обѣтованія Божіи.

Изъ духовныхъ писателей III—XI вѣковъ Галятовскому были извѣстны: Оригенъ († 254), сочиненіе священника Ипполита „De nativitate Christi“, которое въ старое время ученые, въ томъ числѣ Галятовскій, ошибочно приписывали Кипріану Коринѳскому, „De fine soeculi“ мученика Меѳодія († 303), книги Тертулліана про-

тивъ Маркіона, изданныя въ 208 г., іерусалимскіе патріархи IV в. Кириллъ и Іоаннъ, Клавдіанъ, Лактанцій, блаженный Іеронимъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Аѳанасій Александрійскій († 373). Аѳанасію Александрійскому Галятовскій, съ общаго голоса ученыхъ XVII вѣка, приписывалъ составленіе символа вѣры Quicunque, составленнаго въ V вѣкѣ Вигиліемъ Мансійскимъ [1]). Галятовскому были извѣстны сочиненія кесарійскаго епископа Евсевія Памфила († 340) и епископа Гипанскаго Августина († 403). Въ „Мессіи“ Галятовскій указываетъ на сочиненіе Августина „De cantico novo ad Catechumenos“, какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ. Въ другомъ мѣстѣ „Мессіи“ упоминается сочиненіе Августина о Рождествѣ, вѣроятно, „De genesi contra Manicheos, lib. 2“ [2]). Галятовскій въ „Мессіи“ кое-что заимствовалъ изъ сочиненія александрійскаго епископа Кирилла († 444) „о святой вѣрѣ христіанской“, именно, изъ 6 книги (о крестномъ знаменіи) и изъ 8 и 9 (пророчества). Кромѣ того, Галятовскій пользовался сочиненіями церковнаго писателя V вѣка Юліана Померія (на него ссылки въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“), Созоменомъ († 450) и Ѳеодоритомъ († 457), продолжавшими церковную исторію Евсевія, сочиненіемъ Флавіана „Libellus fidei Theodosio imp. id petenti oblatus“, сочиненіемъ Іоанна Кассіана († 448) (Collationes Patrum“ [3]), „Adversus Eutychen et Nestorium de duabus naturis et una persona“ Боэція († 526), „De duabus Christi naturis“ папы Геласія († 596), „Poematum libri II praemissa ad Gregorium Turonensem epistola dedicatoria“ Фортуната († 600) [4]), сочиненіями Григорія Двоеслова (конца VI вѣка), іерусалимскаго патріарха Софронія († 636) и Іоанна Златоустаго (рѣдкія ссылки). Почти во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчается „Лимонарь“ Іоанна Моска (VII вѣка). Въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчается знаменитый авторъ „Historiae sive annalium Francorum“ Григорій Турскій († 595). Галятовскій ссылается на его трактатъ „De gloria Martyrum, lib. 2“. Въ „Мессіи“ находится ссылка на первую часть

---

[1]) Филаретъ, Истор. уч. объ отцахъ церкви §§ 112—117; Арсенія, лѣтоп. церк. соб. 135—159.

[2]) Cave, Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria. I. 175—183.

[3]) Cave, I. 410.

[4]) Cave, I 530, 497. Филаретъ, § 191.

„Ad Monimum“ Фульгенція († 593), гдѣ говорится о предназначеніи людей, однихъ на вѣчную славу, другихъ на муку вѣчную. Галятовскій пользовался сочиненіями Іоанна Дамаскина († 777), Павла діакона († 767), „Исторіей“ Никифора († 818), обозрѣвающей событія со смерти Маврикія до Константина, сына Ирины, сочиненіями Люидпранда и Свиды (конца X вѣка). По Ѳеофилакту болгарскому (конца XI вѣка) Галятовскій объяснялъ классическія мѣста Евангелія, касающіяся святаго апостола Петра. Особеннымъ вниманіемъ Галятовскаго, какъ и многихъ другихъ южно-русскихъ писателей, Смотрицкаго, Барановича, пользовался писатель первой половины X вѣка Симеонъ Метафрастъ. Ему приписываютъ 539 житій, изъ которыхъ только 122 составлены имъ, а остальныя 417 лишь обработаны.

Галятовскому были извѣстны сочиненія многихъ западно-европейскихъ схоластическихъ писателей XII—XV в.: „Dialogus adversus Iudeos“ испанскаго писателя XII в. Петра Альфонса, сочиненія Петра Клюнійскаго, Граціана, Ансельма Кентерберійскаго (XII в.), Альберта Великаго († 1280 г.). Попадается изрѣдка въ сочиненіяхъ Галятовскаго doctor angelicus et divinus Ѳома Аквинскій (р. 1224 г., † 1274 г.) и doctor subtilis Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (конца XIII ст.) [1]). Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ нѣсколько ~~разъ упоминается~~ „Зерцадло исторіи“ Викентія. Это Vincentius Bello vacensis Burgundus, болѣе извѣстный подъ именемъ Винкентія изъ Бове († 1264 г.), авторъ „Speculum quadruplex historicum“, гдѣ находится историческій обзоръ событій отъ сотворенія міра до 1254 г. [2]). Въ „Мессіи“, „Фундаментахъ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ Галятовскій пользуется сочиненіями Ѳомы Брукселенскаго или Кантипрата († 1263 г.), не смотря на то, что самъ-же въ „Фундаментахъ“ (стран. 66) указалъ на многія ошибочныя показанія Кантипрата о православіи. Однимъ изъ главныхъ источниковъ Галятовскаго при составленіи „Мессіи правдиваго“ были противоеврейскія сочиненія еврея выкреста Николая де Лиры или Лирануса († 1340 г.): „Disputatio contra perfidium Iudaeorum“ и „Tractatus contra Iudeum quendam“ [3]).

[1]) Филаретъ, § 259, 267, 294; Caue, I. 595, 493, 502; II. 297.

[2]) Rousselot, Études de la philosophie dans le moyen âge II. 177; Caue, II. 299.

[3]) Caue, II. 309, 22—23.

Изъ писателей XIV—XV ст. Галятовскому были извѣстны: константинопольскій патріархъ Каллистъ, Энній Сильвій Пикколомини († 1464 г.) и венгерскій хроникеръ Бонфинъ († 1502 г.)[1]).

Особенно большую начитанность обнаружилъ Галятовскій въ европейской богословской и исторической литературѣ XVI и XVII ст. Ему были извѣстны „Хроника баварскихъ герцоговъ" нѣмецкаго богослова, историка и естествовѣда Тритемія († 1516 г.), историческія сочиненія нѣмецкаго писателя Альберта Кранція († 1517 г. Кранцій упоминается и во „Θриносѣ" Смотрицкаго), „De veritate fidei christianae" испанскаго писателя Іоанна Людовика Вивеса († 1537 г.)[2]), сочиненіе Павла Іовія († 1552 г.) о посольствѣ въ Москву, составленное по разсказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова[3]), сочиненія чешскаго писателя Дубровія († 1553 г.), сочиненія знаменитаго въ XVI ст. нѣмецкаго историка, оффиціальнаго протестантскаго исторіографа Яна Слейдана[4]); сочиненіе французскаго ученаго XVI в. Жана Бодэна въ защиту вѣры въ существованіе демоновъ и вѣдьмъ[5]), превосходное сочиненіе Вейера, или Писцинаріуса „De praestigiis daemonum" 1563 г., гдѣ опровергается вѣрованіе въ демоновъ и вѣдьмъ[6]), „Исторія мусульманъ" нѣмецкаго гуманиста Леонклавіуса (Löwenklau, † 1593 г.), сочиненіе іезуита Турселина († 1609 г.) „Historiarum a condito mundo lib. X", которое въ голландскихъ университетахъ было принято, какъ учебникъ по исторіи[7]), сочиненія Корнелія и Ляпиде, о которыхъ Θеофанъ Прокоповичъ отзывался очень неблагосклонно[8]). Въ „Ключѣ" и „Небѣ" встрѣчаются ссылки на сочиненіе Сигонія „о влосскомъ королевствѣ". Въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ былъ

---

[1]) Rieger, Slownik naucznу; Cave, II 176.

[2]) Cave, II 242, 237; Rieger, Slown. naucznу.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Исторія. I. 181.

[4]) Rieger, Slown. naucznу. Главное сочиненіе Слейдана о положеніи религіи и государства при Карлѣ V издавалось 80 разъ; сочиненіе о 4 главныхъ имперіяхъ издавалось 60 разъ.

[5]) Soldan, Geschichte d. Hexen processe. 261.

[6]) Объ этомъ соч. см. въ моей брошюрѣ «Очеркъ исторіи колдовства въ зап. Европѣ».

[7]) Rieger, Slown. naucznу. IV.

[8]) Мацѣевичъ, «Труды кіев. дух. акад.» 1871 г. IV. 210.

переводчикъ аристотелевой риторики Сигоній. Современники приписывали ему сочиненіе „De Senatu romano“, написанное Яномъ Замойскимъ [1]). Вѣроятно, и Галятовскій по ошибкѣ сочиненіе Замойскаго приписалъ Сигонію. Въ „Ключѣ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ довольно часто встрѣчаются ссылки на италіанскаго писателя конца XVI ст. Яна Ботера, котораго сочиненіе въ польскомъ переводѣ Ленчицкаго 1609 г. носитъ названіе „Relatiae powszechne abo nowiny pospolite“. Тутъ говорится 1) о космографіи, 2) гидрографіи, 3) монархологіи, 4) религіозныхъ сектахъ и 5) американскихъ суевѣріяхъ [2]). Кромѣ Галятовскаго, Ботеромъ пользовался еще Захарія Копыстенскій при составленіи „Палинодіи“ [3]). Беллярминъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго; за то Бароній встрѣчается чуть не на каждомъ шагу. Послѣ книгъ св. Писанія, „Анналы“ Баронія у Галятовскаго занимаютъ первое мѣсто. Въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества Галятовскій называетъ Баронія достовѣрнѣйшимъ историкомъ. „Я, говоритъ Галятовскій въ началѣ „Мессіи“, зъ латинскаго Бароніуша зупелного писалемъ, а въ польскомъ Баронѣушѣ не зупелномъ не все тое знайдешь“. Кромѣ Галятовскаго, на Баронія часто ссылаются Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ [4]), Евсевій Пиминъ (Петръ Могила) въ „Лиѳосѣ“ [5]), Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, Стефанъ Яворскій въ проповѣдяхъ. Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится два рукописныхъ экземпляра Бароніевыхъ лѣтописей въ польскомъ сокращеніи Скарги. Русскій переводъ относится къ концу XVII в. [6]). Въ синодальной библіотекѣ подъ № 729 находится „Баронѣуша наука“, переводъ съ малорусскаго языка [7]). Въ 1719 г. „Анналы“ Баронія были переведены съ польскаго языка на русскій, съ пропускомъ противныхъ восточной церкви толкованій, и напечатаны въ московской синодальной типографіи въ 2 частяхъ церковнымъ

---

[1]) Wisznewski, Histor. literat. IV. 168, 143.

[2]) Maciejowski, Piśmien. polskie. III. 72; Wisznewski, Hist. literat. VII, 561.

[3]) Русск. Историч. Библіот. IV.

[4]) Тамъ-же, 327.

[5]) Λιθος, abo kamien. 1610 г. стр. 3 и 4.

[6]) Востоковъ, Описс. рукоп. Румянц. музея.

[7]) Савва, Указатель. 160.

шрифтомъ, подъ заглавіемъ „Дѣянія церковныя и гражданскія". „Анналы" Баронія вышли въ 12 томахъ въ Римѣ въ 1588—1607 годахъ и имѣли много изданій. Въ 1646 г. онѣ были продолжены Одорапіемъ Райнольди. Продолженіе это было извѣстно Галятовскому.

Галятовскій обнаружилъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. Такъ, у него встрѣчаются ссылки на Длугоша († 1480 г.), Матвѣя Мѣховита († 1523 г.), Гваньини († 1614 г.), Кромера († 1589 г.), автора тридцатитомной, панегирической исторіи польскаго народа [1]), затѣмъ на „Всемірную исторію" Мартина Бѣльскаго († 1575 г.). Изъ польскихъ историковъ Стрыйковскій въ особенности часто встрѣчается у Галятовскаго. Ссылки на „Kronika polska" (1582 г.) Стрыйковскаго встрѣчаются во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго. При составленіи „Хроники" Стрыйковскій пользовался Длугошемъ, Мѣховитомъ, Кромеромъ, Бѣльскимъ, русскими и ливонскими лѣтописями и даже сербскими народными пѣснями [2]). Крупные польскіе проповѣдники конца XVI ст., Петръ Скарга и Яковъ Вуекъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Ianua linguarum" (1631 г.), переведеннаго на 12 европейскихъ и 4 восточныхъ языка, Комменній, переводчикъ Аристотеля Себастьянъ Петрицій († 1626 г.), біографъ М. Смотрицкаго и І. Кунцевича Суша († 1685 г.), польскій богословъ, профессоръ краковской академіи Адамъ Опатовичъ (XVII в.) [3]) были извѣстны Галятовскому. На Скаргу и Вуйка ссылаются нѣкоторые другіе южно-русскіе писатели, напр. Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи" [4]). Въ „Лебедѣ" и „Небѣ" упоминается нѣкогда весьма популярное въ Польшѣ и западной Россіи „Путешествіе въ св. землю" (1582 г.) Николая Радзивилла [5]). Въ „Мессіи" Галятовскій ссылается на сочиненіе „О жидахъ" Симона Сиренія. Сиренскій (Simon Sirenius Sacranus), докторъ философіи и медицины въ кра-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Руск. ист. I. 184; Wisznewski, Hist. liter. VII. 385—404; IX, 11, 168, 274; Кондратовичъ, Ист. польск. литер. II. 164.

[2]) Wisznewski, VI. 469—492; Maciejowski, I. 556—573.

[3]) Wisznewski, VI 423, 489, 598; VII. 155, 165. IX. 53, 54, 180, 208, 241, 303; VII. 452; VIII. 348; VI. 302.

[4]) Русск. Истор. библ. IV. 327.

[5]) Maciejowski, Pism. polskie III. 497; Wisznewski, VII. 566.

ковскомъ университетѣ, оставилъ сочиненіе „Zielnik, to jest opisanie własne imion, ksztaltu y mocy zioł, wszelakich drzew, krzewin... Przytem o ziemiach y glinkach róznych, o zwierzętach czworonogich, ptastwie, rybach (напечатано въ 1613 г. послѣ смерти Сиренія, † 1611 г.). На 1536—1540 страницахъ „Зельника“ находится собраніе свѣдѣній о евреяхъ [1]). Въ ряду многихъ сочиненій о евреяхъ, которыми пользовался Галятовскій при составленій „Мессіи“, заслуживаетъ вниманія „Rozmowa theologa katholickiego z rabinem żydowskim“ (напечатано во Львовѣ 1645 г.) западно-русскаго писателя первой половины XVII ст. Марка Короны. Цѣль „Розмовы“ та-же, что и цѣль „Мессіи“, обращеніе еврея къ надлежащему пониманію христіанской религіи. Что Галятовскій пользовался не только католическими, но и еретическими сочиненіями, выходившими въ Польшѣ, видно изъ ссылки его въ „Алфавитѣ“ на сочиненіе знаменитаго социніанскаго писателя Смальція, „De filio Dei“, подъ которымъ, нужно думать, Галятовскій разумѣлъ „De Christo vero et naturali Dei filio“ 1616 г. Смальцій жилъ въ Раковѣ и написалъ 29 сочиненій. Писалъ онъ по нѣмецки и по латыни. Въ Англіи при Кромвелѣ его катехизисъ былъ сожженъ рукой палача [2]). Галятовскій зналъ о еретичествѣ Смальція. Въ „Алфавитѣ“ въ числѣ еретиковъ находится и Смальцій.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчаются ссылки на римскихъ писателей, именно: на Овидія, Виргилія, Плинія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція, Валерія Флакка, Флора и Евтропія.

Изъ русскихъ сочиненій у Галятовскаго упоминаются: Патерикъ печерскій, словено-россійскій лексиконъ Памвы Берынды, Синопсисъ Ин. Гизеля и описанія разныхъ чудотворныхъ иконъ.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго можно насчитать до сорока совершенно неизвѣстныхъ писателей. Встрѣчаются ссылки на сочиненія какихъ-то раввиновъ Моисея, Самуила; встрѣчаются на поляхъ имена Корозеля, Карданія, Альтенстанга, Маіолуса, Іоанна Мѣрина (вѣроятно Іоаннъ Маро конца VI вѣка), Таксія, Лина, Тиріуса, Брадена и друг.

---

[1]) Grabowski, Starożytności. I. 403—413.

[2]) Maciejowskl, Ш. 815, 816.

[3]) Maciejowski, ibid. 508.

Можно вполнѣ повѣрить Галятовскому, замѣтившему въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ съ большимъ стараніемъ собиралъ книги по городамъ и монастырямъ. Лазарь Барановичъ, относительно добыванія книгъ, поставленъ былъ въ очень выгодное положеніе, какъ черниговскій архіепископъ и мѣстоблюститель кіевской митрополіи и, однако, онъ жаловался на недостатокъ книгъ [1]). Сравнительно съ Галятовскимъ, Барановичъ обнаружилъ весьма незначительное знакомство съ западной схоластической литературой. Масса прочитанныхъ книгъ свидѣтельствуетъ о любознательности Галятовскаго, о его научномъ усердіи. Такъ какъ большая часть сочиненій Галятовскаго вышла въ Черниговѣ и Новгородѣ-сѣверскомъ (въ типографіи Барановича), гдѣ не было богатыхъ книгохранилищъ, то нужно допустить, что Галятовскій и въ концѣ своей жизни, во время пребыванія въ Черниговщинѣ, сохранялъ тѣсныя научныя связи съ кіевской академіей и пользовался ея библіотекой. Несомнѣнно, онъ пользовался также библіотеками крупныхъ западно-русскихъ братствъ: виленскаго, луцкаго, слуцкаго, о чемъ самъ мимоходомъ упоминаетъ въ „Старомъ Костелѣ“. Въ этомъ сочиненіи Галятовскій заявляетъ, что свои доводы объ исхожденіи святаго Духа исключительно отъ Отца онъ извлекъ изъ разныхъ книгъ, отысканныхъ имъ въ библіотекахъ „Кіева, Чернигова, Львова, Луцка, Слуцка и другихъ городовъ“. Галятовскій замѣчаетъ, что приводимые имъ доводы списаны съ книгъ разными писцами и проситъ у читателя извиненія въ ошибкахъ въ обозначеніи тома или страницы пособія, ошибкахъ, происшедшихъ отъ переписчиковъ. Это заявленіе Галятовскаго интересно въ двухъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, гдѣ находились кладези книжной мудрости южно-русскихъ писателей, и затѣмъ уясняетъ, какъ пользовались южно-русскіе ученые этими кладезями мудрости. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о братскихъ книгохранилищахъ, и что этими книгохранилищами любознательные люди пользовались не только лично, но и черезъ переписчиковъ, которыми могли быть грамотные православные братчики.

Нельзя сказать, чтобы Галятовскій дѣльно и толково воспользовался прочитанными имъ книгами. Чтеніе было небрежное; кри-

[1]) Письма Лазаря Барановича, § 97.

тики у Галятовскаго не было. Писатели діаметрально противоположнаго направленія, напримѣръ Бодэнъ и Вейеръ, укладывались въ его головѣ спокойно, не споря другъ съ другомъ. Они не возбуждали въ Галятовскомъ какихъ либо спорныхъ религіозныхъ или общественныхъ вопросовъ. Кіевская коллегія пріучала учениковъ поклоняться авторитетамъ, безусловно вѣрить имъ; духъ критики и анализа всецѣло былъ подавленъ духовной субординаціей. Любознательные южно-русскіе ученые XVII вѣка постоянно учились усердно и вѣчно оставались учениками. Они говорили на профессорскихъ каѳедрахъ, издавали въ свѣтъ сочиненія, и все in verba magistri. Съ теченіемъ времени они накопляли знанія. Знанія наростали механическимъ путемъ, прилѣпляясь одно къ другому посредствомъ случайной, внѣшней связи. Галятовскій былъ самый начитанный человѣкъ своего времени, и, однако, область его свѣдѣній была незначительна, кругозоръ узокъ. Дѣло въ томъ, что Галятовскій читалъ книги съ предвзятой цѣлью, выбиралъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, напр. объ исхожденіи святаго Духа, или о главенствѣ римскаго папы. Мысль писателя вращалась въ рѣзко очерченной и ограниченной области религіозныхъ вопросовъ. Южно-русскіе писатели второй половины XVII столѣтія боялись и не желали выступать за предѣлы этихъ вопросовъ. Религіозные вопросы были потому въ особенности узки, что разсматривались отвлеченно, безъ отношенія къ живой народной массѣ. Схоластическому богослову не было никакого дѣла, какъ живое народное тѣло воспринимаетъ духовныя начала христіанскаго вѣроученія, какъ народъ относится къ этому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей духовной жизни. У южно-русскихъ ученыхъ, разсматривавшихъ религіозные вопросы an und für sich, и даже у Галятовскаго, при всей его начитанности, было мало узловъ знаній. Отсюда постоянныя повторенія, постоянныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же избитымъ предметамъ рѣчи.

Высшая школа имѣетъ важное значеніе въ жизни человѣка, получившаго въ ней образованіе, не только потому, что даетъ ему знанія, такъ сказать, закладываетъ фундаментъ прочныхъ свѣдѣній и опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь,—она вліяетъ на нравственный складъ человѣка черезъ свѣтлыя и просвѣщенныя личности

наставниковъ. Кромѣ того, между самими учениками возникаютъ товарищескія отношенія и связи, имѣющія большое значеніе въ исторіи ихъ духовнаго развитія, опредѣляющія ихъ общественныя симпатіи и антипатіи, придающія иногда на всю жизнь извѣстную окраску ихъ мнѣніямъ, сужденіямъ, внѣшнимъ формамъ отношенія къ людямъ.

Галятовскій въ кіевской академіи познакомился съ Барановичемъ, Гизелемъ и Пинацкимъ[1]). Отношенія Галятовскаго къ Симеону Полоцкому мало извѣстны, и трудно допустить, чтобы отношенія эти были близки. Симеону Полоцкому пришлось дѣйствовать совершенно въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ условія и обстановка, среди которыхъ работалъ Галятовскій. Но и въ Москвѣ, въ положеніи наставника царевичей Симеонъ Полоцкій сохранялъ связи съ друзьями своей молодости, преимущественно съ Барановичемъ. Другое дѣло Барановичъ и Гизель. Въ продолженіи всей жизни Галятовскаго, эти люди были его пріятелями, въ особенности Барановичъ. Безъ ошибки можно сказать, что Барановичъ создалъ всю служебную карьеру Галятовскаго, такъ сказать, вывелъ его въ люди. Покровительство Барановича частью проистекало изъ его добраго нрава, изъ желанія дать ходъ своему скромному и талантливому ученику, преимущественно изъ практическаго разсчета, изъ желанія имѣть подъ рукой способнаго и дѣятельнаго помощника, помощника мягкаго, покладистаго, усерднаго, услужливаго и скромнаго. Всѣми этими качествами Галятовскій вполнѣ обладалъ. Лазарь Барановичъ первоначально былъ наставникомъ Галятовскаго, впослѣдствіи его другомъ и покровителемъ. Окончивъ курсъ въ академіи, Галятовскій отправился на Волынь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волынь и переѣхалъ въ купятицкій монастырь, находящійся недалеко отъ Минска. Игуменомъ купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково, какъ любящій отецъ, принялъ Галятовскаго. Получивъ мѣсто ректора кіевской академіи, Барановичъ и Галятовскаго перевелъ въ Кіевъ преподавателемъ въ академію. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ черниговскимъ архіепи-

[1]) Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. II, 3, 509; Письма Лазаря Барановича, 51—83.

скопомъ. Онъ уѣхалъ въ свою епархію, предварительно выхлопотавъ Галятовскому мѣсто ректора академіи. Нѣкоторыя свѣтскія лица, ревнители просвѣщенія, въ особенности кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій, содѣйствовали Галятовскому въ полученіи ректорства. Занимая почетное мѣсто ректора академіи, Галятовскій вошелъ въ сношенія съ современными ему высшими духовными и свѣтскими лицами, съ кіевскимъ митрополитомъ, малорусскимъ гетманомъ, московскимъ царемъ. Для его дѣятельности и вліянія открылось довольно широкое поприще. Дѣятельность Галятовскаго прежде всего обратилась на устройство коллегіи, пострадавшей въ 1658 года отъ пожара. Галятовскій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о помощи. Въ шестидесятыхъ годахъ возникаетъ связь Галятовскаго съ московскимъ правительствомъ, утвердившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ поѣздку Галятовскаго въ Москву.

Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ съ 1654 г. потеряли временный, случайный характеръ. Кіевская митрополія весьма неохотно подчинилась Москвѣ. Московскимъ боярамъ стоило много труда уломать Сильвестра Коссова прислать къ присягѣ своихъ слугъ. Еще болѣе хлопотъ вышло у бояръ, по случаю возведенія крѣпости на горѣ около софійскаго собора, михайловскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви. Мѣстность эта принадлежала митрополиту, и Коссовъ въ гнѣвѣ заявилъ московскимъ воеводамъ: „Если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться“. Мало того, митрополитъ сказалъ: „Гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подъ его великаго государя высокою рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подъ чьею властью[1]).“ Не смотря на очевидную поддержку со стороны Богдана Хмельницкаго, Коссовъ долженъ былъ уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно устраненія и уничтоженія южно-русскихъ краевыхъ отличій, особенно церковныхъ. Слуги митрополита были приведены

[1]) Карповъ, Кіевскій митрополитъ и моск. правит. въ 1654. «Православное Обозрѣніе». 1871. Авг.—сент.

къ присягѣ. Церковныя земли были отобраны подъ крѣпость, съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія въ другомъ мѣстѣ. Представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха.

Въ 60-хъ годахъ кіевское духовенство еще сдѣлало одну попытку отстоять свои краевыя преимущества и привиллегіи. Брюховецкій предложилъ московскому правительству назначить въ Кіевъ митрополитомъ великороса. Извѣстіе объ этомъ предложеніи боярина-гетмана сильно взволновало малорусское духовенство. Въ 1666 году епископъ Меѳодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кіевѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита. „Если будетъ на то великаго государя изволенье, смѣло говорилъ епископъ Меѳодій, чтобъ отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шлятху и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы [1])“.

Въ оборонительномъ положеніи находилось не все малорусское духовенство, а лишь часть его. Нѣкоторые іерархи, напримѣръ, Лазарь Барановичъ, всегда склонялись на сторону Москвы. Малорусское духовенство изъ положенія оборонительнаго быстро перешло въ положеніе смиреннаго просителя, заискивающаго милостей и подачекъ. Къ этому положенію привело много обстоятельствъ, главнымъ образомъ сознаніе собственнаго безсилія передъ систематической московской политикой полнаго подчиненія Украйны и

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XI 210.

воспитанное кіевской академіей ласкательство и сервилизмъ. Наиболѣе дальновидные и сообразительные украинскіе іерархи поняли, съ какой стороны подулъ вѣтеръ, и не пытались плыть противъ общаго теченія, уносившаго Украйну подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Барановичъ, несомнѣнно обладавшій политическимъ умомъ и принимавшій близко къ сердцу интересы южно-русскаго народа, сдѣлалъ попытку выпросить у царя хотя что-нибудь изъ того, чего нельзя было отстоять ссылками на мѣстное обычное право. Попытка не была и не могла быть удачной, Барановичъ получалъ лишь щедрые дары. Дары эти имѣли характеръ временнаго награжденія, или жалованья. Галятовскій, какъ ученикъ и послѣдователь Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ только просилъ и просилъ, никогда и ни въ чемъ не прекословилъ, и его просьбы большей частью были принимаемы и удовлетворяемы.

Въ 1659 году декабря 31 дня дана была на имя игумена братскаго монастыря и ректора кіевскихъ школъ Іоанникія Галятовскаго царская жалованная грамота на монастырскія и академическія маетности[1]). Воспользовавшись пособіемъ со стороны московскаго правительства и со стороны кіевскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Галятовскій построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи ввѣренныхъ ему учрежденій, открылъ классы до риторики и самъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской.

Заботы и хлопоты по устройству братскаго монастыря и академіи не помѣшали Галятовскому выступить на литературное поприще.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Памятники, изданіе временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. 1846. II. 223—226.

КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ.

Весьма распространено мнѣніе, что запасъ произведеній народнаго малорусскаго творчества исчерпанъ собирателями и что сохранять и записывать болѣе нечего. Касательно историческихъ пѣсень и думъ въ этомъ сходятся почти всѣ. Нѣсколько личныхъ моихъ встрѣчъ поколебали во мнѣ эту увѣренность и въ поискахъ за послѣдними остатками старой исторической поэзіи я склоненъ терпѣть много неудачъ за небольшую удачу, въ возможность которой еще вѣрю. Поиски за историческими пѣснями дадутъ, быть можетъ, немного новыхъ открытій, за то многое уяснятъ, по свѣжимъ слѣдамъ, для *физіологіи* этого исчезающаго явленія, которое лѣтъ двадцать-тридцать назадъ представляло еще величественныя развалины. Процессъ совершившихся въ этихъ пѣсняхъ измѣненій, самые ихъ обломки помогутъ уяснить то, что исчезло. Предлагаемые очерки—листки изъ дневника такихъ поисковъ. Не сѣтуй, читатель, встрѣчая въ нихъ больше „описаній“, чѣмъ остатковъ исторической и бытовой кобзарской пѣсни,—знай, что въ этомъ сожалѣніи ты предъупрежденъ прежде всего мной самимъ.

I. Ярмарка въ Пирятинѣ.

...Удаленный отъ желѣзныхъ дорогъ, степной пирятинскій уѣздъ—съ виду еще порядочная глушь и я думалъ, что тамъ-то именно задержались еще кобзари и лирники. Проѣзжая лѣтомъ черезъ Пирятинъ, я разспрашивалъ о нихъ на базарѣ. Торговки ошеломлены были вопросомъ и не сразу собрались отвѣчать. Но какой-то „дідусь“, выбиравшій арбузъ изъ огромной горы и зеленыхъ и бѣлыхъ, вянувшихъ на пустынной площади, подъ лучами полуденнаго августовскаго солнца, вмѣшался въ нашу бесѣду и сказалъ.

— Та шляютця! У городі нема, а приходять зъ селъ. У субботу приходять, підъ праздникъ, або у праздникъ...

Въ сентябрѣ, восьмого числа, въ Пирятинѣ ярмарка, самая большая въ году, совпадающая съ храмомъ единственной городской церкви (Кладбищенская не въ счетъ). Когда-же и быть „людямъ Божіимъ“ въ своемъ „городѣ“, какъ не на этой ярмаркѣ? Я спѣшилъ въ Пирятинъ къ восьмому сентября и, на разсвѣтѣ этого дня, выѣзжалъ изъ ближайшей къ Пирятину, со стороны Прилукъ, станціи Махновки, торопясь на ярмарку.

Чаще и чаще между старыхъ вербъ почтовой дороги попадаются возы и пѣшеходы, стремящіеся „на ярмарокъ“. Скромный пирятинскій костюмъ „молодицъ“, ихъ черныя запаски и плахты, корсетка темнаго черкасину, черный, высоко повязанный головной платокъ и каемка бѣлой рубахи, виднѣющаяся надъ обутыми въ черевики ногами, бросается въ глаза. Солнце выходитъ изъ-за лѣсу въ розовыхъ лучахъ. На всемъ ихъ ласкающій, веселый свѣтъ. Самая пыль, покрывающая лице, руки, пальто, дорожную сумку, съ покоющейся въ ней—увы!—совсѣмъ еще чистой тетрадкой, самая эта пыль, въ розовыхъ утреннихъ лучахъ, принимаетъ какой-то золотистый и дымчатый оттѣнокъ. Идутъ и ѣдутъ «ярмаркови»... Вотъ большой, солидный возъ, запряженный парою сильныхъ, медленныхъ воловъ. На возу сложено что-то, прикрытое рядномъ, что везется на продажу. Хозяинъ, въ бѣлой, припылившейся сорочкѣ, мужественный и сильный, какъ его волы, трогаетъ кнутомъ *цобъ* по круторогимъ, при встрѣчѣ съ нами. Дѣвочка дочь примостилась сзади воза, свѣсивши босыя ножки. А посрединѣ, выше всѣхъ, свободная теперь отъ непрестаннаго домашняго труда и заботы, сидитъ, не старая еще и миловидная, хозяйка, душа семьи, *господиня*... На ней праздничное платье и старинный, не часто вынимаемый, зеленый съ краснымъ, платокъ, накинутый на плечи... Вотъ двѣ высокія, стройныя *дівчіны*, должно быть подруги, и парубокъ возлѣ нихъ. Наша телѣга неосторожно налетаетъ на эту группу и зазѣвавшійся парубокъ шарахнулся въ сторону. Смѣхъ и „регітъ“ высокихъ дівчатъ, конфузъ парубка и *дражніння* на цѣлый день... Остановка у шлагбаума передъ длинной, вымощенной камнемъ, греблей. По ней, щадя свои бока и уши, въ сухую погоду не ѣздитъ никто, объѣзжая стороною. Она

выстроена на земскій счетъ, т. е. на счетъ уѣзда, но, тѣмъ не менѣе, за проѣздъ взимается плата и у шлагбаума ругается съ крестьянами неизбѣжный арендаторъ еврей. За греблею—поворотъ на горку. Подъ горой сидитъ старый нищій и низко кланяется, прося милостыню. Можетъ быть въ этой сѣдой головѣ таится не одно преданіе, не одна пѣсня, легенда? Но не буду терять времени на остановки... На ярмаркѣ *ихъ* будетъ много!... Взъѣзжаемъ на гору и круто беремъ влѣво. Изъ какой-то боковой, сельской дорожки выѣзжаетъ, разомъ съ нами, цѣлый поѣздъ, возовъ тридцать, ѣдущихъ на ярмарку. До города всего версты три. Тутъ вся дорога усѣяна уже возами. Пѣшеходы, по два, по три, по десятку идутъ стороною, подъ вербами. Пыль такая, что продохнуть нельзя. Показываются деревья, мельницы, еврейское кладбище, въ сплошной дымкѣ пыли множество возовъ, скота, лошадей. Вдали видны ятки, бѣлые домики, громадный острогъ,—самое большое и лучшее зданіе въ городѣ, маленькая кладбищенская церковь... Мы на выгонѣ, гдѣ ярмарка.

Ряды съ лукомъ изъ-за Прилукъ, кожевники изъ Ични, гончарныя издѣлія—горшки, глечики, покрышки, кухлики, поливянныя миски, горы арбузовъ, хлѣбъ, ссыпанный въ кучи и тереза возлѣ кучъ, хлѣбъ въ мѣшкахъ на возахъ, продающійся на осеннія подати, крытый ятками „красный рядъ“, рядъ желѣзный, споры за мостовое, шинки по окраинамъ ярмарки, *снидання* подъ возами и на возахъ, опрокинутыя оглобли, проѣзжанье лошадей, черныя лица цыганъ, „крамниці“, оврагъ за ятками, гдѣ жарятъ на сковородахъ рыбу и кипятъ въ котлахъ раки... Побѣлѣвшіе клешни вкусныхъ страдальцевъ судорожно выпрамляются въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Рука равнодушнаго мучителя ихъ, вооруженная ложкой, поворачивается въ казанѣ, снимая пѣну съ кипящей воды; верхніе тонутъ въ кипяткѣ, а снизу выворачиваются готовые уже, ярко красные, горячіе и дымящіеся... Обхожу всю ярмарку вдоль и поперекъ. Разочарованье полное! Ни одного „Божьяго человѣка“, ни одной свитки, съ заманчиво возвышающейся сбоку полою, изъ подъ которой выглядываетъ бандура или лира. Останавливаю подаяніемъ простыхъ нищихъ и разспрашиваю ихъ. (Бываетъ, что прежніе лирники оставляютъ инструментъ, переставшій нравиться въ народѣ, и просто просятъ милостыню).

— Я старымъ осліпъ, пісень не знаю, я невченый, отвѣчаетъ одинъ.

— Не знаю ніякихъ, говоритъ другой. Хиба *Ісуса* та *Варвары?*

Иду рядами. На встрѣчу попадается высокій слѣпецъ-нищій съ поводыремъ. Онъ громко проситъ милостыню, останавливается, становится на колѣни и кланяется въ землю народу. Кобзари такъ не дѣлаютъ! Жиды-торговцы ловятъ мой унылый взглядъ:

— Ишто покупаете, спросите! Что вы желаете? Что вамъ нужно?

Сказать имъ развѣ, что я желаю незаписанныхъ думъ, что мнѣ нужно кобзаря?..

Посреди ярмарки, возлѣ *сидухъ* и „прожорнаго ряда“ (въ этихъ мѣстахъ, а также возлѣ ятокъ, въ самомъ бойкомъ пунктѣ, обыкновенно помѣщаются нищіе-слѣпцы) группа слѣпыхъ женщинъ-нищенокъ сидитъ кружкомъ, поджавши ноги и во все горло поетъ *Святу Пятницю.* Одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ маленькую деревянную мисочку, въ которую, время отъ времени, кто нибудь изъ стѣснившейся кругомъ толпы бросаетъ копѣйку или двѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ съ дѣтьми, двѣ—съ грудными. Вся эта компанія, во время остановокъ пѣнія, жадно ѣстъ подаваемые куски жареной рыбы, арбузовъ и проч., а хлѣбъ прячетъ въ торбы. Онѣ то перестаютъ пѣть, то принимаются снова, поютъ долго и дружно, при чемъ одна изъ женщинъ подхватываетъ при окончаніи каждаго куплета въ октаву вверхъ. Возлѣ нихъ сидитъ двое нищихъ. Одинъ худой и староватый, другой не старый брюнетъ, въ свиткѣ, брилѣ и новыхъ выбойчатыхъ штанахъ. Возлѣ него пучекъ возжей и веревокъ, его работа, которую онъ вынесъ продавать. Маленькій поводырь, которому не сидится молча, выкрикиваетъ звонкимъ голоскомъ:—„А ну віжокъ! Хто віжки купить, той до дому поіде, а хто ні—тому до завтра стоять!“—Есть-ли лирники на ярмаркѣ? спрашиваю слѣпого.—Нѣту.—А нѣтъ-ли въ уѣздѣ, въ селахъ?—Лирники есть, въ Тамаровкѣ, Баша Ѳедоръ, въ Ганзеровщинѣ, а кобзарей, такихъ какъ прежде были, нѣтъ. Есть теперь только въ Лохвицѣ, да въ прилуцкомъ уѣздѣ Остапъ Лабза, бывшій галаганскій крестьянинъ. Были и здѣсь. Былъ въ Крячковкѣ (откуда онъ самъ), старикъ, такъ умеръ, года четыре назадъ. Въ Вечоркахъ, возлѣ Березовой Рудки, жилъ Антонъ. И тотъ умеръ.

О „вечірскомъ Антонѣ“ слышно было давно. Къ несчастью никому не привелось узнать его и записать огромный, говорятъ, его репертуаръ. По всему, что я слышалъ о немъ, это была личность замѣчательная. Натура страстная и буйная, онъ не въ силахъ былъ мириться съ своей жалкой долей. Жизнь его была рядомъ постоянныхъ скитаній и въ родномъ селѣ онъ бывалъ рѣдко. Онъ пилъ запоемъ и, по разсказу Вересая, „усе шо заробить, чи холста, чи сорочку хто дасть, и бандуру навить свою, и ту пропье. Якъ зрана устане—вже й напився! Пьяный співае, а самъ плаче и усі за имъ плачуть: „чи мене мати, каже, або може батько прокляли!“... Онъ умеръ всего года три назадъ, безвѣстный, подобно множеству старыхъ кобзарей, и его звонкая, тридцатиструнная бандура замолкла на вѣки...

Современныя ярмарки—не чета старосвѣтскимъ, воспѣтымъ Квиткою, на которыхъ мѣста для торговли выбирались посредствомъ катанья паляницъ, парубки гуляли всесокрушающею *лавой* и увы! были кобзари, собиравшіе вокругъ себя народную толпу. Но въ характерныхъ сценахъ нѣтъ недостатка и теперь. Предо мною какой-то бродячій „фигаро“ изъ отставныхъ, вооруженный бритвою, „голитъ“ усѣвшагося возлѣ воза стараго дѣда. Онъ намазываетъ мыломъ огромную сѣдую растительность и брѣетъ однимъ взмахомъ до самаго корня, оставляя кой-гдѣ порѣзы. Старый дѣдъ, съ нависшими бровями, морщится, но терпитъ. Сынъ его, человѣкъ лѣтъ тридцати, внимательно слѣдитъ за операціей. По другую сторону сидитъ невѣстка. Въ душѣ стараго кокета видимо происходитъ борьба: его и шокируетъ комичность его положенія и хочется явиться домой, *до старои*, причепурившись и поразить ее молодымъ видомъ.

— Та ну-бо, годі вже чепурить! говоритъ онъ нерѣшительно брадобрѣю, стригущему въ это время подъ гребень его огромныя, висящія брови. „Воно завтра все одно знову поросте, а то ажъ шкура болить!“

Брови слетѣли, но когда очередь дошла до полъаршинныхъ усовъ, старый дѣдъ уперся: „э, ні! Усивъ не треба різать, ні!“... И спасъ старое козацкое украшеніе...

Славенъ городъ Пирятинъ! Вмѣстѣ съ несомнѣнными принадлежностями города, каковы острогъ и полицейское правленіе, онъ

представляетъ всѣ удобства сельской жизни. Тамъ счетомъ дома, крытые желѣзомъ, и чистота нравовъ такъ велика, что оба пола, безъ всякаго стѣсненія, купаются вмѣстѣ... Я посѣтилъ храмовое служеніе единственной церкви, той самой, можетъ быть, ѣхавши мимо которой, герой думы, Олексій, поповичъ пирятинский „шличка не здіймавъ“... Мнѣ показалось, что и нынѣшніе соотечественники „писаря військового, козака лейстрового“ не набожнѣе его: церковь была почти пуста. Въ ней было едва-ли не больше священнодѣйствующихъ, поющихъ и вопіющихъ, чѣмъ молящихся. Со временъ Олексія Поповича церковь несомнѣнно обновлена, о чемъ я пожалѣлъ, такъ какъ здѣсь, какъ и вездѣ на нашемъ югѣ, остатки стараго иконостаса и живописи свидѣтельствуютъ о большемъ вкусѣ и изяществѣ и представляютъ большой художественный интересъ... Золотые лучи солнца наискось пронизывали храмъ, озаряя свѣтлой дымкой столбы и волны ладана. У входа въ церковь—кучка нищихъ и странниковъ. Вотъ одинъ, котораго я обогналъ на дорогѣ: съ котомкой за плечами, въ истоптанныхъ сапогахъ и какомъ-то арестанскомъ сѣрякѣ, съ волосами желтаго цвѣта и такимъ-же лицомъ, одна изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ скитаньяхъ по обширному лицу Россіи. Основатель новой секты или кандидатъ въ арестантскія роты, онъ сегодня на храму въ Пирятинѣ, черезъ недѣлю—на праздникѣ святого въ Воронежѣ, а еще черезъ мѣсяцъ, въ осеннюю стужу, у воротъ какого нибудь далекаго новгородскаго монастыря...

Солнце спустилось низко, ярмарка стала разъѣзжаться. Потянулись по селамъ пѣшеходы съ покупками, возы съ привязанными сзади, купленными телицами, бычками, съ припряженными, вымѣнянными лошадьми. Тамъ на возу видна кадушка, тамъ колеса, тамъ жлукто, а кое-гдѣ и скрыня для дочки-невѣсты. Заторопились трезвые и пьяные къ завтрашней оранкѣ, молотьбѣ, поденщинѣ, къ кладкѣ табаку, копанью картофеля, рубкѣ капусты и другимъ осеннимъ работамъ. Попадаются хлопцы въ новыхъ, смушевыхъ шапкахъ, дівчата, бережно несущія чоботы, ситецъ или цвѣты. Молодые думаютъ о досвиткахъ, которые скоро начнутся, а старые объ осеннихъ податяхъ, что надо завтра нести сборщикамъ. А тамъ, въ тѣхъ селахъ, куда вьются полевыя дорожки, „дѣтвора“ высмотрѣла глаза, ожидая „ярмарковыхъ“. Кому привезутъ медяникъ, кому

картузъ, одному глиняного коника, а другой ситцу на сподничку. Они выкатили съ улицы на выгонъ и примостились на крылечкахъ вѣтряковъ. Хозяйки спѣшатъ домой, гдѣ полны руки вѣчной, непрестанной домашней работы и гдѣ ждутъ ихъ „маленькі“...

Потянулись съ ярмарки и бездомные *старці*, по два, по три въ рядъ, держась одинъ за другого, съ мальчуганами-поводырями, идущими впереди, зѣвая по сторонамъ и съ отдувшимися торбами. Нѣкоторые садятся подъ вербами на большой дорогѣ, гдѣ идетъ и ѣдетъ много народу и просятъ милостыню, громко причитая. Въ хуторкѣ, верстъ за пять отъ города, гдѣ столпилось возлѣ колодцевъ много возовъ и народу, я услышалъ заунывное скрипѣнье лиры. Молодой лирникъ Кондратъ Емченко изъ Харитоновки прилуцкаго уѣзда, пробренчалъ мнѣ, усѣвшись подъ плетнемъ, „Біду“, эту полу-грустную, полу-саркастическую лирницкую пѣсню, смѣсь шутки и стона, балагурства и наблюденій жизни. Я записалъ ее, такъ какъ встрѣчалъ въ сборникахъ только отрывки:

А надъ моремъ глибокимъ
Стоявъ теренъ высокий,
А зъ підъ того терена
Выйшла біда молода...
Одъ Харкова до Кракова,
Всюди біда однакова!..

А хто біды не знае—
Нехай мене спитае.
А я у біды бувавъ,
Такъ я біду розвідавъ.
Моя хата зъ краю,
Я біду зазнаю!

Пішла біда невелика
Та здибила чоловіка.
—Де ты въ чорта уродилась,
Що за мною учепилась?
—Въ Дубовому родилась,
Въ Вербовому хрестилась,
Въ Бериславі зросла,
У Пирятинъ заміжъ пішла.

Въ Бердичеві на торзі
Іде біда на козі
Въ червоному картузі;
—Сідай, бідо, на козу
Я тебе къ чорту 'двезу (2)
Ще й дорогу покажу...

Пішла біда въ школу,
Та зробила шкоду.
—Не йди, бідо, по мискахъ,
А бьють біду по вискахъ!
Пішла біда до мисника,
И тамъ дано налисника,
Пішла біда до грубы
И тамъ дано у груди,
Пішла біда до печи
И тамъ дано у плечи,
Пішла біда до Дениса,
Одъ Дениса выйшла лыса,
Пішла біда до Гаврила,
Одъ Гаврила носа гріла,
Пішла біда до Уласа—
А у Власа діжка мняса.
Пішла біда до Демьяна,
Одъ Демьяна выйшла пьяна,
Пішла біда до шевця,
Та й украла ремінця,
Сіла собі на столці,
Мостить собі постолці—
Сама біда засміялась
Що хороше обувалась...

—Не йди, бідо, лавками,
Бо бьють біду палками!
Пішла біда по лавкахъ,
Били біду по лапкахъ.
—Не йди, бідо, зъ старцями,
Не крадь торбы зъ сухарцями.
Стали старці змовлятися,
А де біду піймати
Зъ неи кожу зодрати...

А підъ нашимъ ярнимъ житомъ
Лежить біда зъ своимъ лихомъ.
То іхали за брусами,
Ледве взяли на сани.
Та повезли до Волохъ,
Проміняли за горохъ,
А Волохи каялись,
Шо гороху збавились:
—Біду къ чорту возьміть,
А горохъ намъ верніть!..

Не йди, бідо, за нами,
А бьють біду хвайдами!..
Де взявсь Мартинъ,
Хропъ бідою объ тинъ,
А Марина мимо йшла
И сорочку принесла.
А ще къ тому Марта
Горілочки кварту.
Де взявсь Омелько,
Якъ заплаче тоненько!
Де взявсь Гарасимъ,
По біді голосивъ,
Де взявсь Потапъ,
Начавъ бідушку латать...

Пішла біда въ Могилівъ,
Куповати волівъ,
Ходить біда изъ мислами
За волами, за яслами...
Пішла біда до Ніжена
И тамъ біда не здужала,
Пішла біда до Лохвиці
И тамъ дано прохвостиці.
Підъ церквою въ Тростянцю
Дано біді по яйцю,
(Снимая шапку и протягивая руку):
—Кому одно, а мені двое!

II. Варіанты думъ.

Репертуаръ лирниковъ большею частью ограничивается нѣсколькими духовными стихами и шуточными пѣснями. Но иногда они поютъ такъ называемые морализирующіе стихи и, если допроситься, полузабытые, слышанные отъ старыхъ „майстровъ“, отрывки думъ. Не слѣдуетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Но какъ найти этихъ лирниковъ по селамъ и захолустьямъ, гдѣ даже самые селяне не всегда укажутъ ихъ вамъ? Богъ знаетъ его, этого слѣпого, что у него гдѣ-то, въ хижѣ, лежитъ заброшенный *струментъ*, играть на которомъ онъ иногда уже и оставилъ, такъ какъ къ этой музыкѣ и къ этимъ пѣснямъ исчезъ вкусъ въ народѣ. Не поможетъ тутъ и земская статистика, съ ея подворнымъ описаніемъ селъ, гдѣ описывающіе, конечно, менѣе всего думали объ исторической пѣснѣ.

Списки думъ, слѣдующіе дальше, попали въ мою книжку случайно. Проѣзжая село Вейзбаховку, прилуцкаго уѣзда, я узналъ, что тамъ есть лирники, и нашелъ одного изъ нихъ—Ефима Перепелицу. Онъ живетъ въ своей хатѣ и занимается хозяйствомъ на своемъ двухдесятинномъ надѣлѣ. Съ лирою ходитъ только осенью. Пахать поле помогаютъ ему люди и, не хуже взрослаго, работаетъ на полѣ его тринадцатилѣтній сынъ, онъ-же и поводатарь. Въ противуположность отцу, у этого хлопца необыкновенно лучистые и ясные глаза, съ прелестнымъ дѣтскимъ взглядомъ. У него домовитый видъ „отецького сына“—работника и судьба, конечно, сулитъ ему не испытывать горькой отцовской доли, а жить „якъ люде“.

Дума „О сыновьяхъ и вдовѣ“ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ. Она записана въ уѣздахъ ахтырскомъ, зеньковскомъ, борзенскомъ, сосницкомъ, лохвицкомъ, прилуцкомъ и лубенскомъ. Кромѣ печатаемаго восьмого списка, у меня есть еще девятый, отъ лирника Вакуленка, изъ Прилукъ. „Иванъ Коновченко“ когда-то былъ также любимою думой. Лирникъ, диктовавшій мнѣ его, разсказывалъ, что еще недавно, на ярмаркѣ въ Яблоновкѣ, какой-то старикъ заставилъ его пропѣть „Коновченка“ два раза. Не удовольствовавшись этимъ, онъ повелъ его въ свою хату:—„Ще, каже, ты мени ii тамъ разъ проспіваешъ!“ Эти поэмы держала столѣтія въ народной памяти не одна сила ослабѣвающихъ историче-

скихъ воспоминаній. Онѣ питали и художественную потребность. Не даромъ молодежь прислушивалась къ „Коновченку"—этому воплю жажды жизни и подвиговъ, этой скорбной пѣснѣ о сраженной въ цвѣтѣ юности молодой силѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ набросковъ, гдѣ отразился весь пылъ и трепетъ севастопольской трагедіи, великій современный поэтъ,—Левъ Толстой, замѣчательно близко подошелъ къ простодушному созданію малорусской народной музы. Его Володя Козельцевъ, опьяненный успѣхомъ, охваченный безумной отвагой и сраженный пулей на бастіонѣ въ первый-же день своихъ подвиговъ, есть тотъ-же Ивась, сынъ вдовы Коновчихи, о которомъ не устаютъ распѣвать кобзари на Украйнѣ, втеченіе двухсотъ лѣтъ. Такъ индивидуальное творчество высочайшихъ талантовъ сходится съ массовымъ творчествомъ великаго поэта—народа.

О вдовѣ и сыновьяхъ.

То не сосна шуміла,
То бідная вдова зъ своіми дітками говорила,
А милосердного Творця на помощь просила:
—А хоть буду хлібъ одробляти,
Да не буду дітей у наймы посылати!
Охъ якъ трудно да важко важкій камінь изняти—
А ще трудніше и важче вдовиці мали дітки годувати!

Да жила бідная вдова проживала,
А ніякого супороку та вона не мала,
И до великого зросту сынівъ воспитала,
Чужимъ людямъ на потуранне у руки не подавала...

То не сива зозуля кувала,
То бідна вдова своімъ діткамъ щастя-долі, хортуны, прохала:
— «Охъ, милосердный Творче и всі святиі отці!
Поможіть мені малихъ дітокъ погодувати,
Изъ іхъ розума да й діждати!»

Уже бідна вдова сынівъ погодувала,
Уже бідна вдова сынівъ подожидала,
Уже бідна вдова сынамъ домы построіла
Уже бідна вдова отъ іхъ розуму діждала,
И сынівъ подружила.

Ой, якъ стали вони, удовиченки, роскішно проживати,
Стали неньку стареньку гіркими словами зневажати,
При старості літъ за хлібъ-сіль та докорятп:
—Ой иди-жъ ты, мати, на чужий двіръ та проживати,
А нехай мы будемъ сами знати,
Якъ се намъ господарство содержати!
Одинъ узявъ,—за білу руку веде,
А другий по-підъ боки веде,
Третій наздогоняе,
Та въ потилицю выпихае!

Вывели матіръ за нові ворота:
—Оце тобі, мати, шляхъ-дорога та широка!...
Пішла бідна вдова подовжъ улонькою,
Да зустрілася изъ сусідонькою:
— «Ахъ сусідо, сусідо, молода челядино,
Та чужая чужанино,
Прийми мене до смерти жити!
Буду я тобі ділечко робити,
Хату й сіни підмітати,
И добра твого доглядати».

Да взяла сусіда удовицю за білую ручицю,
Посадила сусіда удовицю у новую світлицю,
И за новую скамницю:
— «Иди-жъ ты, мати старая и чужая, въ мій домъ проживати,
Да не будешъ ты у мене ніякого супороку мати,
Не будешъ ты въ мене хаты й сіней підмітати,
А будешъ ты мені, молодій челядині, порядокъ давати».
Да жила жъ бідная вдова проживала ажъ тринадцять годовъ,
Ніякого супороку у сусіди не мала.

А въ тринадцятімъ годі ставъ грімъ погрімати,
Стала чорна хмара наступати,
Ставъ удовиныхъ синівъ громовымъ огнемъ Господь карати,
И въ полі и въ домі всю ходобу розбивати.
Стало ихъ подвіръя зеломъ и бурьяномъ заростати,
Стали ихъ люде превелико-марно зневажати,
Превелику злобу и сварку укидати,
Стали объ іхъ люде говорити:

—Ахъ вы, вдовиченки, десь вы въ себе хліба-солп вы не мали,
Шо вы свою матіръ, при старости літъ, на чужий двіръ изослали».

А старший братъ каже: «ходімо, братця, матери прохати,
Чи не перестане насъ Господь карати?
Охъ, дивитця, браття, який я бувъ собі домъ коштовный избудувавъ,
Та скоро свою матусю на чужій двіръ изославъ,—
Да заразъ мене Господь громомъ-огнемъ искаравъ,
А у полі и въ домі всю худобу поубивавъ.
Ходимо, братця, матери прохати,
Чи не перестане насъ Господь карати».
Підстарший братъ каже: радъ бы я, братця, матусю до себе забрати,
Да-къ боюся: жена вельми безбожная да й у мене.
И такъ сварка бувае що дня у мене».
Самый меньший братъ до матусі прихождае,
Изтиха словами промовляе:
— «А ходімо, ненько старая, у нашъ домъ проживати,
Не будешъ ты супороку ніякого у насъ мати.
Будемъ мы твою старисть чтити й поважати,
Не будемо, ненько старая, за хлібъ-сіль тобі докоряти,
Будемъ своихъ діточокъ та страхати...» [1])
А покіль сыны матіръ та упросили,—
И въ полі и въ домі ничого не зоздрілп.
А якъ стала бідна вдова на коліняхъ стоятп,
А до Бога руки здіймати:
»О, Господи! Якъ мені тяжко було маленькихъ ихъ хлібомъ годувати!
«О, Господи! перестань моихъ сынивъ карати!...»
Якъ стала бідная вдова въ ихъ домі проживати,—
Ставъ имъ Господь видимо помогати,
А й въ полі и въ домі всю худобу приспоряти [2]).

---

[1]) Въ варіантѣ Вакуленка:
Що єдина вдова на тп ихъ слезы не вважала,
Тільки вона единее у сердці поймила,
Що іхъ мали дітки пожаліла...

[2]) У Вакуленка здѣсь слѣдующая амплификація:
Меньший братъ въ сильно велику дорогу одъізжае,
Старшого брата словами ублаготворяе:
—Старший братъ, матусі не прогнівляй,
—Рано и позно молитвы ii почитай,
Подружжя, братъ, мое й свое зупиняй!
Старший братъ упьять же великее сердце-злость мівъ,
Возбратно матусі горко словами укоривъ,

А послухайте, браття, паны-молодці! —
Що хто отця и матку почитае,
И отцевськую молитву матусину не забувае, —
Да той изо дна моря выринае!
Аще хто отця и матки не почитае,
И отцевську молитву матусину забувае,
Да той на березі погибае,
А на віки вікоѣ!

Нравственно-поучительныя думы, обращаясь въ народѣ, нерѣдко принимали формы пѣсень. Слышанныя отъ кобзарей, въ пѣсни онѣ перекладывались по памяти, значительно видоизмѣняясь. То излагалось кратко содержаніе думы, то развивалась одна, запавшая въ память и особенно поразившая черта. Въ замѣткѣ о кобзарѣ Крюковскомъ [1]) я привелъ подобный перифразъ думы „О сестрѣ и братѣ". Вотъ отголосокъ „Вдовы и сыновей", записанный въ селѣ Тамаровкѣ, пирятинскаго уѣзда, отъ старухи:

У нецілю рано пораненьку
Выгоняе сынъ свою неньку:
—Иди, мати, прічъ одъ мене,
Будуть гости у мене,
Будуть въ мене кумы—побратимы
И рідниі браття!...
Плаче мати, иде улоньками,
Плаче слізоньками...
Зустрічае дочка матіръ:
Куди, мати, идешъ мандрувати?
Иди, мати, жити до мене,—

За руку вінъ бравъ,
Зъ хаты вывождавъ!..

А приснився меньшому брату у сильно великій далекій дорозі предивний сонъ.

Вінъ ставъ плаче-рыдае,
Своему браттю словами промовляе:
—О, мабуть, браття-товарищи,
Мабуть моій матусі у дома немае,
Шось мені у дорозі фортуна не пособляе!..

[1]) См. «Кіевская Старина», 1882 г. декабрь.

У мене дві хаты,
Будешъ моихъ дітей колыхати,
Иде сынъ своій неньки прохати:
—Иди, мати, жить у мене,
Худо жити безъ тебе!
Бодай тобі, сынку, хата згоріла,
Жінка вмерла, дитина зосталась!...
Пішовъ сынъ матери прохати!
—Иди, мати, жити до мене
Худо мені жити безъ тебе:
Вмерла жінка, дитина зосталась,
Да-къ нікому колыхати...

Иванъ Коновченко.

Ой вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,
Мѣла у себе сына одного Ивана Коновченка,
И вона изъ малыхъ літъ ждала и дожидала,
До великого зросту воспитала,
И чужимъ людямъ на потуранне въ руки не подавала...
Ой Филонъ, корсунский полковникъ, ставъ підъ городъ підходити,
Ставъ намети напинати,
Ставъ въ охотне війско у козаки выкликати:
—Охъ, кому то браття придокучило въ отця своего и въ паніматки проживати,
Шинкарці за чарку горілки хату и сіни підмітати,
А прошу я братя на Черкень долину у козацкое войско пойти погуляти,
А козацъкои славы и памяти достати!»
А скоро Иванъ Коновченко сее слово услыхае,
До въ своеи матусі старои благословленія просить, тай питае:
—Ахъ, прошу я, мати, на Черкень долину пойти погуляти,
Козацькои славы и памяти достати!
—Охъ не велю я тобі, сыну, дитя мое, на Черкень-долину ити гулятя,
Козацькои славы и памяти доставати,
А велю я тобі, сыну, дитя мое, у городі у Черкасі проживати.
Е въ тебе чотыри волы чабанні,
А ще пара коней воронні,
До ты будешъ у городі у Черкасі проживати,
И будешъ ты хліба пахати,

То будуть до тебе всі козаки заіжжати,
Будуть у тебе хліба-соль заживати,
И будуть тебе на пидпитки звати,
А будуть тебе дворяниномъ почитати.
—Ахъ, не желаю я, моя мати, а хліба пахати,
Хоть я буду, моя мати, и хлібъ пахати,
Будуть до мене козаки заіжжати и хлібъ и соль заживати,
А будуть мене, моя мати, гречкосіемъ прозывати.
—Охъ, якъ бы ты мені, мати, добре дбала,
До е въ тебе чотыри волы чабанні,
А ще пара коней воронні,
То ты-бъ до жида королевского одгонила,
И ты бъ имъ торгъ сочинила,
Пятьдесятъ червонцівъ доложила,
Да мені коня доброго купила,
Якъ моя козацкая молодецкая душа та любила.
—Ахъ сыну, дитя мое, Ивану Коновченку, ой вдовиченку,
Тридцять я літъ отцевськую худобу содержала,
Да все бъ то тобі на одного коня все позбувала!
—Ахъ, не желаю-жъ я, моя мати, а хліба пахати,
Свонхъ німецькихъ закаблуковъ ламати,
И свонхъ голубихъ жупановъ пиломъ напиляти.
А вже мені, моя мати, надокучило за плугомъ прохождати.
А за плугомъ прохождати, то болить спина,
А вже мені, моя мати, та борозна мені не мила!
—А скоро удова Коновчиха, по своему мужу Гриціха, до Божого храму одъізжала,
А козацькую усю зброю въ комору позамыкала,
И тільки забула на стіні шаблю булатную пищальную и семипьядную.
Да Иванъ Коновченко въ світлоньку вступае,
То ничого вінъ не забачае,
А тілько забачае вінъ на стіні шаблю булатную и пищаль семипьядную.
На плеча закидае и всіхъ козаківъ догоняе,
А протн старого и проти малого шапочку скидае,
И всі козаки возворочали, шапочки скидали,
Его дорожкою поздоровляли.
Ахъ покпль удова Коновчиха, по своему мужу Гриціха, изъ Божого храму пріізжала,
Уже сына Ивана Коновченка вдовиченка, уже въ домі не застала.

До вона горко кляла и проклинала,
И слезы свои проливала:
—Ахъ сыну, Иване Коновченку-удовиченку,
Бодай тебе три недоли не побили: перва недоля не побила, щобъ тебе пулями не стреляли,
А другая недоля щобъ тебе не побила, щобъ тебе шаблями не зрубали,
А третяя ще недоля не побила,
Штобъ тебе материни слези ни въ якій потрібці не споткали.
Да вдова Коновчиха, по своему мужу да Гриціха, мѣла въ себе вона чотыри волы чабаніі,
А ще й пара коней воронні;
До вона до жида королевського одгонила,
Торгъ имъ сочинила,
Пятдесять червінцівъ доложила,
Ему коня доброго купила,
А якъ его козацькая та молодецькая душа да й улюбила.
А рядовымъ козакомъ подавала,
И поклономъ его поздоровляла,
А рядовый козакъ его догоняе,
Одъ матусі старои поклономъ его поздоровляе,
Ажъ до ёго кінь добрый прибувае.
—Ахъ дивитеся, братья, я думавъ, що мені мати худо дбае,
Аже мені мати добре дбае,
Што мѣла вона въ себе чотыри волы чабаніі,
А ще пара коней воронні,
Да вона до жида королевського одгонила,
Торгъ имъ сочинила,
Пятдесятъ червонцівъ доложила,
Мені коня доброго купила,
А якъ же моя молодецькая козацькая душа да й улюбила.
Когда бъ мені Господь помігъ сей походъ исходити,
А й назадъ воротитця,
Да я буду при старості літъ свою матусю хлібомъ годувати.
А по смерти ей кости ховати.
Когдабъ мені Господь помігъ сей походъ исходити
И назадъ воротитця,
Да я буду при старости літъ ей хлібомъ кормити,
А по старости ей кости хоронити...
И до табору приізжае,
Филонъ корсунскій зъ намета выглядае,

Красную китайку простилае,
Ивана Коновченка на красний китайці сажае,
Разными дорогими наідками
И сладкими напитками кормить и наповае.
—Ой Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Позволь ты мені на Черкень долину пойти погуляти,
А козацькои славы и памяти достати!
—Ай Иване, Иване Коновченку, ой вдовиченку,
Ще-жъ ты дитя молодое и малое,
Ще-жъ ты ни на полі, ни на морі не бувало,
Ще-жъ ты никакого звычаю да не набралося!
—Ахъ Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Поймай же ты утя малое и тее старое,
Да й пусти ты на воду:
Чимъ лучче поплыве утя старое,
Чимъ тое малое?
—Ну, велю я тобі, Иване Коновченку, на Черкень долину ити гуляти,
Козацькои славы и памяти доставати...
До вінъ не много гулявъ, 4 часа и 4 минуты прогулявъ,
А не много вінъ війска потерявъ,
Шість тысячъ у смерть убивъ, а сімъ тысячъ смертельни раны завдавъ.
А восімъ тысячъ живыми у плінъ забравъ.
И Филонъ Корсунскій съ підъ намета выглядае,
Красную китайку простилае,
На красний китайці Ивана Коновченка вдовиченка сажае,
Дорогими наідками напитками кормить и напувае,
—Иванъ Коновченко вдовиченко сее заживае,
Иванъ Коновченко Филону, корсунскому полковнику, нарікае:
—Охъ Филоне, Филоне, корсунскій полковнику,
Позволь ты мені водки оковитой зажити.
—Ахъ Иване, Иване Коновченку и вдовиченку,
Не велю я тобі, Иване Коновченку, водки оковитои заживать,
Бо водка оковита вона тебе изъ світа зрадить,
И окрашенного світа та вона тебе збавить,
А велю я тобі, Иване Коновченку, вдовиченку на Черкень долину ити гуляти.
Козацькои славы и памяти побольше доставати,
У хорошій одежді прохождати.
А Иванъ Коновченко вдовиченко слова не слухае,
Бере чайний стаканъ да наливае,
Да выпивае,

На свого коня доброго сідае.
А Филонъ, корсунскій полковникъ, не слыхае,—
Бере й другій наливае,
На свого коня доброго на гриву схиляе,
Бере й третій наливае,
Да все выпивае...
Уже своему коневи доброму на гриву головоньку склоняе,
А по табору проізджае,
Проти старого и проти малого шапки не скидае,
А Филонъ, корсунскій полковникъ: Ахъ, не велю я тобі водки оковитой зажити,
Бо вона, водка оковита, вона тебе изъ світа израдить,
И окрашенного світа избавить,
Бо Турки-Вермени проклятні,
Вони пьяного чоловіка за чверть миль узрівають,
Вони одступлять и покиль вони тебе, пьяного чоловіка, заманять,
Да вонп тебе посічуть и порубають,
А Иванъ Коновченко сего не слыхае,
По табору проізджае,
Проти старихъ казаківъ и проти малихъ шапки не скидае,
А Турки-Вермени проклятне
За чверть мили пьяного чоловіка заздріли,
А на другую ще чверть мили одступили,
Покиль Ивана Коновченка заманили
И Ивана Коновченка посікли, порубали,
А хоть вони его посікли и порубали,
А вони его коня доброго не піймали...
А немного жъ то вони войска потеряли,
Шістнадцять тысячъ у смерть убивъ, а тридцять тысячъ смертельны раны завдавъ,
А пятнадцять тысячъ у плінъ забравъ [1]),
А его конь добрый по табору гуляе,
Попруги порвани и стремени крівави!...
А Филонъ изъ підъ намету выглядае,
Превеликую тоску-печаль то вінъ мае,
На всіхъ козаківъ гукае,
—Ахъ, вы хлопці козаки, пойдите, коня Ивана Коновченка поймайте,
Бо его конь добрый по таборі гуляе.

---

[1]) Раньше забравъ, а не въ живихъ оставивъ.

Попруги порвании и стремена крівавні...
А пойдите, браття, поймайте,
А его матусі старенькій поклонъ да подайте.
Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, усіхъ козаківъ на дорозі перестрічае
И всіхъ козакивъ перепитае:
—Ахъ, вы молодиі, козаки, а чи не бачили вы, чи не чули мого сына Ивана,
А мого сына Ивана Коновченка и вдовиченка?
Да всі козаки проізждають,
А правды не предъясняють,
Тілько бувъ то одинъ козакъ рядовый—прибувае и правду предъясняе,
—Ахъ, удово, удово, Коновчиха, по своему мужу Грициха,
Що вже твій сынъ оженився и на Черкень-долині одружився,
И взявъ собі жону пишную и гордую,
Що вона нікому словечка не мовить,
И ниякому лицарю головоньки не склонить.
—А слава жъ тобі, Господи, що мій сынъ оженився
И на Черкень-долині одружився,
Шо хоть вінъ жону взявъ собі пишную—гордую,
Що вона никому словечка не мовить,
И ниякому лицарю головки не склонить,
Да хоть буде при кому мені при старости літъ дожити,
А по смерти моій кости похоронити.
Ажъ Филонъ корсунскій полковникъ іде и хорошого (коня) веде,
Попруги порвании и стремени крівавні...
Да вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха, на дорозі стрічае, гірко кляне, проклинае:
—Ахъ Филоне, Филоне, курсунскій полковнику,
Бодай ты въ походъ не сходивъ и назадъ не воротився,
Якъ ты мого сына Ивана Коновченка израдивъ,
Зъ окрашенного світа ты мені его збавивъ.
—Ахъ, не плачь, вдова Коновчиха, по своему мужу Грициха,
И не плачь и не проклинай,
Мені молодому щастя долі не теряй,
А не я-жъ то его зрадивъ,
Зрадила его водка оковитая,
Вона его зрадила, зъ окрашенного світа да избавила.
Да вдова Коновчиха сорокъ день и сорокъ ночей одежи не скидала
И слезы проливала.

Івана Коновниченка вдовиченка поминала,
А віру турецьку віру, бесурманьску горко кляла и заклинала:
—Ахъ, ты віра турецька, віра бусурманьска,
Будь ты проклятая!
На срібло да на злато да богатая.
Вызволь, Господи, невольниківъ изъ неволи
На свою родину,
До отця да до пані матки!...

III. Кобзарь Братиця.

Его имя стало мнѣ извѣстнымъ по реферату, читанному въ покойномъ юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества. г. Иващенкомъ; авторъ сообщенія, напечаталъ со словъ Братицы три думы, одну псальму и одну сатирическую пѣсню. Отдѣломъ положено было тогда ознакомиться полнѣе съ репертуаромъ нѣжинскаго кобзаря. Но предположеніе это не осуществилось. Портретъ его, хотя очень несхожій, красуется на обложкѣ изданія г. Беца: „Историческіе дѣятели южно-русскаго края“ и позаимствованъ, кажется, изъ „Нивы“. Братиця знаетъ объ этомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ въ Нѣжинѣ „якійсь панъ патретъ зъ него знімавъ“.

— Хвалився мені вчисля, шо той патретъ надрюкувано.

— Шо-жъ вамъ за це?—питаю.

— Прислали, каже, шість корбованцівъ и „Ниву“ на цілий годъ.

— Я думавъ, шо ему поля дано пахать на рікъ, ажъ після розсказавъ вінъ мені, такъ воно зовсімъ ка-зна що!

Съ этимъ наивнымъ приговоромъ спекулятивному петербургскому журнальцу я не могъ не согласиться.

О терешковскомъ кобзарѣ я слышалъ отъ нищихъ: „тамъ старый кобзарь Павло, такий, якъ Остапъ (Вересай), ученый!“ Я догадывался, о комъ идетъ рѣчь и рѣшился его разыскать. Терешковка—маленькое глухое село макіевской волости, нѣжинскаго уѣзда, лежащее въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Павло Савичъ Братиця—старикъ небольшого роста, довольно полный, немпого рябой, съ сѣдыми баками, наружности необыкновенно добродушной и почтенной. Онъ считаетъ себѣ шестидесятый годъ. „Въ 42 году на десяту пятницю, сонце мінилося, а мені тоди бувъ 18-й годъ.

Такъ по тому я замічаю!“ Родомъ онъ изъ мѣстечка Мены, сосницкаго уѣзда, бывшій крѣпостной крестьянинъ гг. Танскихъ. Его перевели въ Терешковку тогда, какъ по какимъ то соображеніямъ помѣщика переводили людей изъ одного имѣнія въ другое. Учился онъ у кобзаря Бешка, въ Менѣ, а Бешко (умершій въ 1855 г.) учился у извѣстнаго Андрея Шута. Таковъ ученый формуляръ Братицы.

У него своя, плохая хатка, стоящая впрочемъ на панскомъ грунтѣ. Старуха жена его также слѣпа. Милостыню больше проситъ она. Самъ Павло рѣдко куда теперь ходитъ изъ дому: „Одно те шо старый, а друге-шо черезъ оці пашпорты не вільно... Якъ я его ніколи не бравъ!...“ Жена Павла ревниво охраняетъ пѣсенное богатство мужа. Она, какъ говорили мнѣ, не допускаетъ никого учиться у него, перенимать пѣсни и псальмы. Если какой лирникъ прійдетъ къ нимъ, она спроваживаетъ его, говоря:

— Адже-жъ ты бувъ у науці, такъ чого-жъ тобі тутъ треба учитьця?

Чѣмъ и какъ живетъ онъ?—Поля у него нѣтъ никакого, другой собственности также. Болѣе или менѣе значительныя подаянія отъ пановъ рѣдки. Между тѣмъ двумъ старикамъ надо пить-ѣсть, одѣваться и содержать маленькаго поводатаря, нужнаго имъ обоимъ. Поддерживаютъ его свои селяне, да кое что зарабатываетъ онъ на витьѣ веревокъ. Онъ почтителенъ и кротокъ со всѣми и пользуется уваженіемъ въ селѣ, что не всегда бываетъ съ нищими. Въ семьѣ Вербилы, мѣстнаго Креза и кажется кулака, живущаго въ большой просторной хатѣ, на краю села, „зъ приходу“, гдѣ я остановился, къ нему относятся уважительно и любятъ его. Вербило—бывшій прикащикъ, арендаторъ чьей-то земли, человѣкъ по мѣстнымъ понятіямъ очень богатый, имѣющій наймитовъ и наймичокъ... Но это черта почти общая: эти нищіе, убогіе люди, могикане исчезнувшаго, стараго строя жизни, какъ-то инстинктивно внушаютъ почтеніе къ себѣ въ народѣ, который какъ-бы чуетъ въ нихъ отблескъ чего-то высшаго. У самихъ кобзарей живетъ также это сознаніе и Братица не дѣлаетъ исключенія. Видя меня, записывающаго со словъ Павла цѣлый день, мои хозяева стали разспрашивать, для чего это мнѣ нужно?

— Для какой нибудь прахтыки? не то подозрительно, не то наивно допытывался длинный, рыжій Вербило.

— Та цімъ піснямъ більшъ двісті роківъ, отвѣчалъ за меня Павло. Та воно-жъ такъ колись люде на світі жили!..

Я совсѣмъ пораженъ былъ словами Братицы, что онъ знаетъ десять думъ и болѣе 50-ти псальмъ и пѣсень. (Въ сообщеніи г. Иващенко говорилось только о 29). Уже мнѣ мерещилась дума о Брюховецкомъ, которая была извѣстна черниговскимъ кобзарямъ, но нынѣ, кажется, окончательно затеряна. Объ одной эпохѣ Хмельницкаго Братица сказалъ пять думъ: „О молдавскомъ походѣ“ (Про городъ Сороку, какъ называлъ ее Павло), „О жидовскихъ откупахъ“, „О смерти Хмельницкаго и избранія Юрія гетманомъ“, „О Барабашѣ и Хмельницкомъ“ и „Про ляхівъ“ (О бѣлоцерковскомъ мирѣ). Хотя съ первыхъ строкъ всѣ онѣ показались мнѣ близкими къ печатнымъ текстамъ, но, не довѣряя своей памяти, и надѣясь встрѣтить что нибудь неизвѣстное, я записалъ ихъ всѣ. Велико было мое разочарованье, когда, провѣривши по сборникамъ, я убѣдился въ буквальномъ тожествѣ. Дѣло объяснилось очень просто. Братиця перенялъ отъ Бешка три думы („Озовськи браты“, „Барабашъ и Хмельницкій“ и „Козакъ Голота“). Таковъ былъ его репертуаръ при встрѣчѣ съ г. Иващенкомъ, записавшимъ отъ него эти думы. Впослѣдствіи, странствуя каждое лѣто въ Нѣжинъ, онъ попалъ въ передѣлку нѣкоему нѣжинскому обывателю, обладателю „Записокъ О Южной Руси“ и Сборника Метлинскаго. Этотъ послѣдній взялъ на себя роль кобзарскаго *майстра* и научилъ Павла еще четыремъ думамъ о временахъ Хмельницкаго по тексту Шута и кой чему изъ брошюрки о Вересаѣ. Съ тѣхъ поръ Братиця утверждаетъ, что онъ учился у Бешка *и у Шута* (жившаго въ Александровкѣ, въ 12 верстахъ отъ Мены). Можетъ быть это и такъ, но близость его текстовъ слишкомъ буквальна и могла быть сохранена только книжнымъ путемъ. На это обстоятельство указываетъ и то, что въ думѣ о смерти Хмельницкаго имя Выговскаго, по тексту Шута искаженное въ Луговскаго, исправлено на настоящее. Ученикъ не могъ быть болѣе свѣдущъ въ прошломъ, чѣмъ учитель.

Какъ-бы то ни было, но Братиця самъ создалъ себѣ эту легенду и, какъ случается иногда, кажется самъ въ нее увѣровалъ. Въ 52-мъ году, разсказываетъ онъ, въ Мену къ Бешку пріѣзжали

Кулишъ и Бѣлозерскій. Бешко зналъ пять думъ, учениковъ у него было до 30-ти. Записавши отъ Бешка, пріѣзжіе поѣхали къ Шуту. Послѣ того и молодые кобзари, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, стали учиться у Шута. За давностью онъ многое перезабылъ. Такъ теперь паны, „спасибі имъ!“—ему напомнили по книгамъ.

Думу о Коновченкѣ выучилъ онъ отъ Шута или отъ „Охромієвского Левка“, онъ не помнитъ. И она, за исключеніемъ двухъ-трехъ стиховъ, оказалась сходной съ текстомъ Метлинскаго. „Соколи“ изучены съ помощью нѣжинскаго обывателя. „Це Остапова, ціеі Шутъ не знавъ!“ говорилъ Павло, не думая скрывать источника своихъ свѣдѣній. Остальныя думы его были записаны раньше. Оставалось дѣлать розыски въ другихъ частяхъ его репертуара.

Изъ того небольшаго цикла пѣсень, которое занимаетъ среднее мѣсто между историческими и „божественными“, я записалъ отъ него одну пьесу: третій разсказъ о Почаевскомъ чудѣ [1]). Онъ относится къ тому-же событію—чудесному избавленію монастыря отъ турецкой осады (1675 г.) и отецъ Золізоръ или Залізо, здѣсь упоминаемый, тотъ-же святой Іовъ. Написанный куплетами, съ причудливымъ сочетаніемъ риѳмы, разсказъ несомнѣнно того-же происхожденія, какъ и всѣ почаевскіе псальмы, сочинявшіеся монахами-базиліанами и печатавшіеся въ почаевскомъ „Богогласникѣ“. Но отъ воздѣйствія-ли народа или отъ свойства самаго воспѣваемаго событія, онъ принялъ нѣкоторые черты величія. Въ „Каликахъ Перехожихъ“ Безсонова, разсказъ напечатанъ по списку В. И. Даля. Нашъ варіантъ очень близокъ къ этому тексту, но въ немъ рельефнѣе мѣстное обличіе, утраченное въ Далевскомъ спискѣ. Вотъ самая пьеса, выученная Павломъ отъ слѣпца изъ Синявки, не кобзаря, а просто нищаго:

Псальма Почаевской Богоматери.

Пасли пастирі
Овці на горі,
А увиділи образъ
Матіръ Божу на скалі.

[1]) Два первые см. въ «Малор. Лит. Сборникѣ» 59 г. и въ собраніи г. Лисенка.

На той скалі ступни знати,
Де стояла Божая Матн,
Тамъ воду беруть
И всімъ вірнимъ дають.

А пречистая Діво Марія
Де у Почаєві икона твоя?
Чудо твое надъ чудами
Издѣлалось надъ турками,—
Бо твоя сила
Ихъ побідпла!

Зъ града зъ Збаража въ Почаівъ прийшли,
Много парода-христіянъ знайшли.
Начали оганятись,
Могли-бъ вони ихъ усіхъ достати,
Раду складають,
И всімъ сее змовляють.

А въ вівторокъ рано браму обняли,
Законнику изъ плічъ главу зняли.
Вінъ береть па руки,
Несеть свою главу,
Матери Божій даеть славу;
Предъ образъ впадае
И духъ свій воздае.

А въ манастырі плачуть-рыдають,
Руці подносять, крижемъ падають:
«Пзмилуйся, Діво-Мати,
Не дай-же намъ погибати
Въ безщастній долі,
У турківъ у неволі!»

За единъ бо день, у турецькой землі,
Ставъ въ Почаєві чернець у неволі,—
Матіръ Божу ублагають...
Уже хотіли ихъ розігнати
Зли бусурмляни—мухомедане,
А Матіръ Божа всімъ сее изъявила,—
Омохвором вірнихъ покрыла:
«Не бойтеся, христіяне,
Не возьмуть вдсъ бусурмляне

У свои руки
У тяжкиі муки!›
А Золізоръ передъ Маріею ставъ,
На повітрі всімъ видимою,
Просить: «пані Рахиля,
Не одпущай, бо то святыня,
Яко цариця
И владычиця!›

Турки съ татарами сміло ступають,
На гору стрілы якъ дощъ пускають,
И вгоняются всіхъ мечами,
И мають ще стрілы за плечами,
То ихъ-же стрілы
Та назадъ летіли!..

Крикнувъ на військо турецькый Баша:
«Усі мы погибнемъ, бо недоля наша;
Назадъ стрілы усе вертають,
И насъ самихъ забивають,
Мы того чуда вікъ не виділи!»

Шо зъ того чуда всі дивувались,
Шо того чуда вікъ не виділи:
«Знать у неба Божая сила,
Полки войска наступили,
Насъ проганяють
И убивають!»

А у христіянъ турокъ питае:
«Шо то за пані у горі сяе?
И зъ нею військо все зъ мечами
Поступае услідъ за нами,
Не йдуть землею
Та все облаками?»

А христіяне имъ такъ сказали:
«Шо то Мати Божа стоить изъ ангелами,
Її образъ у монастырі
Славенъ, чуденъ Божой силі!»
Которі знають,
Усімъ сее зъявляють.

Страхомъ великимъ усі закричали,
Матіръ Божую Божкомъ назвали:

«На повітрі стоить Божко,
Прийшло зъ нею військо,
Та недоля наша,
Уже забитъ и Баша!»

Зли бесурмляне зъ міста рушали,
Зъ коней падали, корка лишали,
Изъ Почаіва утікали,
Невольниківъ оставляли:
Бо Маріина сила
Страшна имъ была!

Мати Божая, можная царице!
Всі-жъ мы упадемъ предъ тобою на лице,
Пребудь изъ нами у той часъ смерти,
Не дай-же намъ у гріхахъ померти.
Яко царице,
Всімъ заступнице!

Не привожу здѣсь собственно псальмъ, записанныхъ отъ Братицы. Произведенія этого рода не имѣютъ у насъ до сихъ поръ особаго сборника и я отлагаю свой запасъ именно для него. Только при значительномъ ихъ собраніи, въ родѣ собраній великорусскихъ стиховъ Варенцова и Безсонова, возможны какіе нибудь выводы о ихъ характерѣ, складѣ, внесенныхъ исторіей и народнымъ духомъ оригинальныхъ чертахъ, степени воздѣйствія и заимствованія у сосѣднихъ народовъ и т. под. Издатель монументальныхъ „Каликъ Перехожихъ“ г. Безсоновъ не любитъ малорусскихъ псальмъ и кантовъ. Ему не нравится ихъ усиліе въ немногихъ словахъ сказать многое, ни тѣ жарты, которые вноситъ въ нихъ малорусскій юморъ, ни постоянныя ихъ вторженія въ жизнь, доходящія до внесенія кантовъ въ праздничныя представленія въ дѣйствіяхъ и лицахъ, ни тѣсная связь ихъ съ народными праздничными пѣснями, въ родѣ Щедривокъ и Колядокъ [1]). Для насъ-же въ этой близости ихъ къ жизни, въ возможности прослѣдить связь съ жизнью старой школы, ихъ родоначальницы, интересъ и привлекательность этого рода произведеній...

---

[1]) См. предисловіе къ 4-му вып. «Каликъ-Перехожихъ».

„Онофрій“, „Іазарь“, „Двѣнадцать пятницъ“, „Варвара“, „Сынъ блудящій“, „Смотрися къ намъ смерте“, *проказаны*. А про Кирика не знаете? спрашиваю я Павла.—Хрінъ ихъ усі перезнае! — Хиба „Правду“ заспівать? Та іі не всі люблять! прибавляетъ онъ съ умѣшкой, играя словами. Его „Правда“ своеобразна и представляетъ черниговскій варіантъ этой замѣчательной пѣсни:

Шо тепера въ світі правды не зіськати,
А тая неправда звыкла правдовати. (2)
Теперъ святу правду підъ нозі потоптали,
А тую неправду медомъ-виномъ паповали.
Да теперъ-же свята правда да сидить у темниці,
А тая неправда зъ панами у світлиці.
Стоить правда у порога да слізно рыдае,
А тая неправда зъ панами пье-гуляе. (2)
Стоить правда у порога да тайненько сміетця,
А тая неправда за гроши берется. (2)
Хочеть правда царства, а неправда богатства! (2)
Шо хочеть правда та судомъ стати,
Шобъ святымъ хлібомъ-сілью панамъ судъ розсуждати. (2)
А неправда та хочеть, шобъ и суду не знати,
Абы срібромъ-злотомъ судьямъ очи засыпати.
Шо хочъ правда маленька—такъ вона важенька!..
Пішла правда нижче, а неправда повышче. (2)
Шо хочъ правда маленька, а неправда велика,—
Збавляе неправда усякого чоловіка. (2)
Ой, людей збавляе, а панівъ насыщае!..
Шо теперъ у въ правды та не міетця сплы,—
Стережися отець-мати свого рідного сына!
Шо вже конець віка, а конець приближиться,
Хоть рідного брата да теперъ стережися.
Остаються дітки, а безъ матери сиротки:
Немае имъ помочи а ни здесь, а ни відки. (2)
Шо горе баті и діточкамъ а безъ матери пробути:
Плачуть гірко рыдають, не можуть забути! (2)
Хто будеть на світі правду бережити,
Тому шлеть Богъ зъ неба довго въ світі прожити. (2)
А хто будеть на світі правду познавати,
Тому шлеть Богъ що въ Бога день благодати.
Самъ Господь Богъ правда, да погубить неправду,
Сокрушить гордыню, вознесе святыню!..

Репертуаръ „простацькихъ пісень“ у Павла великъ. Тутъ неизбѣжныя „Дворянка“, „Міщанка“, „Теща“, „Хома и Ярема“, „Чечітка“. Кромѣ того онъ постъ чумацкія и бурлацкія пѣсни, какъ „Побратався сокілъ“, „Нема въ світі гіршъ никому“, „Чайка“, „Ишовъ чумакъ зъ Дону“ и т. д. Практика у него прежде была большая. „Я такъ привыкъ до бандуры, що безъ неі я наче и не чоловікъ“, говоритъ онъ. Эта двадцатиструнная бандура служитъ ему уже тридцать лѣтъ. Она сдѣлана въ Веркіевкѣ. Старосвѣтскіе столяры, умѣющіе дѣлать бандуры, попадаются до сихъ поръ. Такой столяръ есть напр. въ Макіевкѣ. Онъ сдѣлалъ недавно молодому кобзарю Прокопу Дубу (съ которымъ Братиця прежде ходилъ вмѣстѣ) новую бандуру. Дерево (вербина) Прокопа, за работу— рубль. Злополучный Дубъ недавно погорѣлъ и теперь „тиняется дсь по світу“.

— А Овсій зъ Шняківки?

— Нема вже, умеръ!

— А Войцехъ, у Мені?

— То живый... Господи, всіхъ знаютъ, усіхъ поспсисували!

— Якоі-жъ мені вамъ ще проказать, говорилъ онъ грустно, коли вы всі знаете? Хиба оцю „пісенітницю?“ Це вже справді я на селі выучивъ, чоловікъ, Володька‘ зъ Дівиці, співавъ.

Это шутливая пѣсенька, мотивъ которой встрѣчается въ сборникахъ Головацкаго и Метлинскаго („Вдова“). У Братицы она законченнѣе и лучше. Когда онъ „проказывалъ“ ее, лицо его дышало удивительной добротой хорошаго дѣдушки...

А не знала удівонька, якъ у світі жить,
Да наняла ведмедика за плугомъ ходить,
А вовчика сіренького воливъ поганять,
А зайчика куценького передокъ водить,
А лисицю Горпинницю обідать варить.
Поступила ведмедику да горщокъ меду,
А вовчику сіренькому тому барана,
А зайчику куценькому тому качана,
А лисиці-Горпинниці курка печена...
Ведмедичокъ розсердився—плужокъ поламавъ,
А вовчикъ розсердився—волы розігнавъ,
А зайчикъ куценькій тай догадався,
Въ зелену пшеничеиьку тай заховався

А лисиця-Горпиниця собі догадалася,
Въ зелену дібрівоньку заховалася.
Несе вдова обідати — поспішаетця,
Сидить зайчикъ на могилі усміхаетця.
— Бідна-жъ моя головонька вдовиная,
Що лежить моя нивонька нераная!..

Въ черниговской губерніи кобзарей особенно много въ сѣверныхъ уѣздахъ и они пользуются между собратьями особеннымъ авторитетомъ. Такъ гласитъ сборникъ Метлинскаго, вышедшій въ 1854 году. Съ тѣхъ поръ утекло много воды и сошло съ лица земли не мало стародавнихъ рапсодовъ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ и теперь кобзари не рѣдки. Я встрѣтилъ одного на другой-же день по пріѣздѣ въ городъ и свелъ съ нимъ знакомство. Худой и высокій, въ постолахъ и яломкѣ, съ лицомъ блѣднымъ и скорбнымъ, съ своимъ крошечнымъ бѣлокурымъ поводыремъ, онъ могъ служить для художника интереснымъ типомъ кобзаря-древлянина. Для меня-же интересъ его былъ не великъ и всѣ пьесы его репертуара я могъ суфлировать ему самъ. Онъ самъ стѣснялся этимъ и, настроивъ бандуру, напѣвалъ „сільску пісеньку“:

На калину вітеръ віе —
Калина не спіе,
Парень дівку вірно любить,
Заняти не сміе...

На сѣверныхъ окраинахъ губерніи я не былъ, но кобзари, видѣнные мною въ окрестностяхъ Чернигова, принадлежатъ къ тому-же не интересному типу.

В. П. Горленко.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.[1]

5. МАРКОВИЧИ.

Марковичи выдвинулись въ ряды козацкой старшины вліяніемъ гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Родоначальникъ ихъ—Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ[2]). Здѣсь онъ женился на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка[3]) и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій", заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. Въ судебныхъ протоколахъ пирятинской ратуши за 1683 г. не разъ встрѣчается „панъ Маркъ Аврамовичъ обыватель прилуцкій, арандаръ ператинскій"[4]). „Арен-

---

[1]) См. «Кіевская Старина» на 1882 г., кн. 1, 3 и 8.

[2]) Архіепископъ Филаретъ ошибается (Опис. черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1669 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, которая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

[3]) Корнѣенко въ 1685 г. былъ прилуцкимъ войтомъ и затѣмъ сталъ писаться уже не Корнѣенкомъ, а Огроновичемъ; впослѣдствіи онъ переписалъ сыновей изъ мѣщанъ въ козаки и старшій изъ нихъ—Михайло Огроновичъ былъ при Скоропадскомъ прилуцкимъ полковымъ обознымъ. Отъ него и пошли настоящіе дворяне Огроновичи.

[4]) Книга протоколовъ пирятинскаго ратушнаго суда, за 1683—1729 гг., рукопись библіотеки коллегіи Павла Галагана.

дарскій" промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала иногда и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ преимущественно тѣ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество большею частью за людей очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотою дочь Настасья выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; только одна дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка—Андрея Кондзеровскаго. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ. Но сыновья его оставались все таки въ „поспольствѣ". Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, въ ноябрѣ 1708 г., стала гетманшей. Зять—гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г. Сохранилось интересное письмо Скоропадскаго о смерти тестя, писанное къ старшему сыну послѣдняго—Андрею, которое и приводимъ здѣсь: „Мы желали долгой жизни милому пану нашему, и надѣялись, что приключившаяся ему болѣзнь не будетъ смертельною; но неизбѣжный всѣхъ живущихъ рокъ рѣшилъ, чтобы долгъ смерти былъ заплаченъ, и да будетъ въ томъ воля Божья! Считаемъ васъ счастливымъ, что хотя при концѣ жизни застали вы пана родича, а мы очень сожалѣемъ, особенно Настуся—вѣчную жалость будетъ имѣть на сердцѣ, что не могли получить послѣдняго изъ живихъ устъ отца благословенія. И теперь она не можетъ ѣхать, чтобы отдать послѣдній свой долгъ и присутствовать при похоронахъ; а потому на васъ, съ други вашими братьями и сестрами, возлагаемъ обязанности совершенія похоронаго обряда, не задерживая онаго, если тѣло поставлено будетъ и въ склепѣ, такъ какъ покойникъ умеръ неизболѣлый и тѣло его будетъ повреждено при перевозѣ въ монастырь (Густынскій). А послѣ похоронъ можете остаться тамъ, сколько вамъ будетъ нужно. Мы же, за нашими занятіями, прибыть на похороны не можемъ; но о вѣчномъ упокоеніи, идѣже праведъ-

ныхъ дуси, милаго родича, позаботимся, чтобы и здѣсь по церквамъ, были установлены молитвы и жертва о душѣ его[1])".

Кромѣ дочерей, Маркъ Аврамовичъ оставилъ кажется пять сыновей, изъ которыхъ только старшій — Андрей имѣлъ въ это время урядъ глуховскаго сотника; младшіе же пока не имѣли никакихъ урядовъ. Сыновья поспѣшили подѣлить отцовское наслѣдство, причемъ обдѣлили младшаго брата — Федора, который жилъ при отцѣ и на которомъ подслѣдній сосредоточивалъ особенныя свои заботы. Маркъ Аврамовичъ высваталъ Федору дочь переяславскаго полковника Томары, обѣщавъ свату—все свое имѣніе отдать младшему сыну, причемъ обѣщаніе свое свидѣтельствовалъ публично предъ прилуцкимъ полковникомъ Носомъ и протопопомъ Магеровскимъ. Такъ разсказываетъ объ этомъ Федоръ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продолжая затѣмъ, что когда умеръ отецъ, то братья и сестры не исполнили отцовскаго завѣта и все имѣніе раздѣлили поровну, а „деньги пани гетманова Скоропадская всѣ забрала на Кондзеровскую, оставивъ ему, Федору, „на господарство" всего семь коней. Особенно жалуется Федоръ на старшаго брата, Андрея, который пользуясь своимъ старшинствомъ и вѣроятно, поддержкою сестры-гетманши, забралъ все, что было получше, себѣ.

Андрей Марковичъ, старшій изъ сыновей Марка Аврамовича, пользовался при Скоропадскомъ большимъ значеніемъ, пользуясь которымъ нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ половинѣ XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи. Начальное свое благосостояніе Андрей Марковичъ думалъ устроить женитьбою на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго, который пользовался особенною пріязнью Мазепы, крестившаго, между прочимъ, у Маковскаго дѣтей. Но прежде, чѣмъ Марковичъ могъ воспользоваться вліяніемъ тестя, судьба поставила его въ такое положеніе, о которомъ онъ конечно и не мечталъ: булава измѣнившаго Мазепы досталась Скоропадскому, которымъ всецѣло заправляла его жена—родная сестра Марковича. Впрочемъ нужно отдать справедливость и личной ловкости Марковича: какъ только пронеслась въ Малороссіи вѣсть о томъ, что Мазепа передался Карлу, Марковичъ,

[1]) Украинскій журналъ 1824 г., № 21, 130—132.

жившій въ это время при тестѣ, въ Кролевцѣ, немедленно поспѣшилъ къ Меншикову, шедшему для взятія Батурина. За эту „вѣрность“ награда дана была немедленно: Марковичъ пожалованъ былъ сотникомъ въ Глуховъ, тогда-же назначенный быть новою резиденціею новаго гетмана. А затѣмъ Марковича царь послалъ въ Царьградъ съ своими письмами къ тамошнему русскому послу; не смотря на трудный проѣздъ въ Турцію, порученіе это Марковичъ исполнилъ исправно. Отличіе шурина дало возможность Скоропадскому наградить его первою маетностью; въ январѣ 1709 г. Марковичу дано было сосницкое село Шабалиновъ, которое черезъ годъ утверждено было и царскою грамотою: „наше царское величество пожаловали глуховскаго сотника Андрея Марковича, велѣли ему дать... грамоту на мельницы подъ г. Кролевцомъ, прозываемыя Дулины, да на село Шабалиновъ, для того, что служитъ онъ многіе годы во всякой вѣрности и, во время измѣны вора и измѣнника Мазепы, ни къ какимъ его воровскимъ умысламъ не приставалъ, а былъ всегда при нашихъ войскахъ противъ непріятелей нашихъ вѣрно и радѣтельно, и во время взятія Батурина на приступѣ былъ-же; за ту его службу пожалованъ глуховскимъ сотникомъ“ [1]). Но сотничій урядъ конечно не удовлетворялъ Марковича; гетманъ съ своей стороны готовъ былъ все сдѣлать для шурина, который былъ любимымъ братомъ его жены; но затрудненіе заключалось въ томъ, что Скоропадскій не пользовался властью своихъ предшественниковъ: полковничьи уряды перестали зависѣть отъ власти гетмана, такъ какъ Петръ Великій, послѣ измѣны Мазепы, сталъ замѣщать эти должности по своему личному усмотрѣнію. Приходилось, значитъ, самому гетману искать предстательства у приближенныхъ царя, которыхъ для этого Скоропадскій не упускалъ задобривать „маетностями“. Въ это время Скоропадскому уже удалось разъ выхлопотать полковничій урядъ для Черныша, который былъ женатъ на дочери его жены отъ перваго брака съ Голубомъ. Сталъ хлопотать гетманъ и за Марковича, чтобъ доставить ему лубенскій перначъ; хотя хлопоты эти были и не трудные, потому что дѣло шло о человѣкѣ, засвидѣтельствовавшемъ свою „вѣрность“ въ самое смутное время, но тѣмъ не менѣе хлопоты длились нѣсколько лѣтъ.

[1]) Арх. генер. канц., № 2523.

А между тѣмъ Марковичъ наживалъ себѣ богатства полученіемъ отъ гетмана болѣе, или менѣе цѣнныхъ маетностей. Пока добился онъ полковничества, Скоропадскій, кромѣ Шабалинова, далъ Марковичу: въ октябрѣ 1709 г.—греблю у с. Каменя, въ апрѣлѣ 1711 г.—с. Евдоконье въ стародубскомъ полку и въ іюнѣ 1713 г.—с. Токари и хуторъ на р. Артополоти. Наконецъ получено было и полковничество; въ универсалѣ Скоропадскаго 1714 г., читаемъ: „лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества по слабости здоровья и на мѣсто его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагеръ нашъ, при чемъ и полковая старшина, съ рядовымъ товариствомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагрѣ нашемъ; и мы, гетманъ, исполняя монаршее повелѣніе и снисходя при томъ на общее всѣмъ полчанъ тамошнихъ прошеніе, вручили ему п. Андрею Марковичу тотъ урядъ полковничества лубенскаго“ [1])... Въ этомъ универсалѣ интересно упоминаніе, что будто и лубенская старшина просила гетмана о назначеніи Марковича полковникомъ; но если и просила, то есть полное основаніе сомнѣваться въ искренности такой просьбы: не любили козаки, когда въ полковники къ нимъ попадалъ чужой человѣкъ, не имѣвшій своего тамъ хозяйства; знали они, что станетъ онъ наживать себѣ хозяйство на ихъ счетъ. Такъ оно сталось и съ Марковичемъ, который за тринадцатилѣтнее свое управленіе лубенскимъ полкомъ, нажилъ себѣ богатыя маетности; а маетности полковникъ наживалъ въ то время исключительно почти насиліемъ, которыя преслѣдовались въ исключительныхъ лишь случаяхъ; а Марковичъ этихъ преслѣдованій и совсѣмъ не боялся, имѣя защитницею свою сестру—гетманшу, которая, пользуясь безличіемъ мужа, заправляла Малороссіею, насколько оставлено было еще въ то время власти гетману. Впрочемъ лубенская старшина, потерпѣвъ четыре года, рѣшилась было въ 1718 г. заявить свой протестъ противъ насилій полковника, „но когда о томъ Марковичъ провѣдалъ и объявилъ гетману, зараз помянутую старшину, вмѣнивши за бунтовщиковъ, съ походу отъ службы, завернено и предано за крѣпкій караулъ Ѳеодору Протасьеву, потомъ нещадно бито кіями, и уряды, такожъ и мает-

[1]) Дневн. записки Як. Марковича, I, 449.

ности у нихъ поотбирано съ крайнимъ прочаго имѣнія разореніемъ“ [1]). И пришлось лубенцамъ терпѣть; не только пока живъ былъ Скоропадскій, но и послѣ его смерти не было надежды освободиться отъ Марковича; овдовѣвшая гетманша не потеряла значенія, пользуясь, какъ свойствомъ съ Толстыми [2]), такъ и пріязнью Вельяминова, тогдашняго правителя Малороссіи. Но съ паденіемъ Толстыхъ, рушилось значеніе гетманши, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ считалъ Толстыхъ въ числѣ своихъ враговъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1727 г. отставленъ былъ Толстой (зять Скоропадскаго) отъ уряда нѣжинскаго полковничества, а въ іюлѣ стали въ Глуховѣ уже поговаривать, что не сдобровать и Марковичу [3]). Дѣйствительно, пріѣхавшій въ Глуховъ, осенью 1727 г., Наумовъ, привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ Марковича состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до посылки въ Глуховъ сенатора Наумова, ѣхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшины къ избранію въ гетманы Апостола [4]). Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ въ то время Меншиковымъ, случайно вспомнившемъ о братѣ Скоропадской, которая за свойство съ Толстыми попала въ немилость временщика. При назначеніи Наумова министромъ Малороссіи, для него составлена была въ иностранной коллегіи инструкція, которую предварительно поднесли Меншикову на просмотръ; и—его свѣтлость, въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей, дополнить зелѣлъ: „кромѣ жидовъ“; при томъ-же разсуждать изволилъ, что полковникъ лубенскій, шуринъ гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его—отставить“ [5]).

Такъ случайно, рѣшена была отставка Марковича, о „тягостяхъ“ котораго для полчанъ Меншиковъ, какъ видно, давно уже зналъ. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ

---

[1]) Русск. Арх. 1864 г., 494.

[2]) Сынъ Петра Андреевича Толстого, извѣстнаго сподвижника Петра Великаго, былъ женатъ на дочери Скоропадскаго, отъ втораго его брака съ Настасьей Марковной.

[3]) Зап. Марк. I, 231.

[4]) Архивъ пр. сената, Баранова, т. I, №№ 2352 и 2460.

[5]) Соловьевъ, XIX, 131.

хотѣлъ сдѣлать любезность будущему гетману Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была извѣстна и въ Москвѣ.

Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: „отлучить отъ полка полковника лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ". Къ этому указу Наумовъ присоединилъ и свой—„дабы всякъ на Марковича жалобы за обиды, имъ оказанныя, заносилъ, не посягая и не закрывая" [1]). Жалобщиковъ явилось множество; во главѣ ихъ стояла лубенская старшина, которая не могла не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для мести противъ полковника и подала Наумову пространное описаніе своихъ обидъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ образованъ лубенскій полкъ, говорилось въ этой жалобѣ, на чинъ полковничій выбирались вольными голосами, люди достойные изъ своихъ полчанъ и никогда отъ нихъ не было народу отягощенія; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадскаго произведенъ въ чинъ лубенскаго полковничества чужой человѣкъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ не слыханныя, но и за державы лядской (польской) и за жидовскаго тогдашняго арендаторства едва-ли творились таковыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него Марковича въ полку всему народу, который отъ того обнищалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился!" Затѣмъ лубенская старшина переписала по пунктамъ всѣ тягости, которыя чинилъ Марковичъ своимъ полчанамъ. Наиболѣе характерные пункты были слѣдующіе:

Когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ устраивать себѣ хутора, мельницы и фольварки, то, не довольствуясь опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде чина того отъ Скоропадскаго полученными, маетностями, принуждалъ всего полку людей, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ, исполнять свои частныя работы, причемъ для него гатили плотины (гдѣ были водяныя мельницы), возили дерево на разныя постройки, пахали землю козачьими плугами, косили сѣно и жали хлѣбъ.

А грунты, на которыхъ Марковичъ устраивалъ мельницы, хутора и фольварки, все чужіе; нѣкоторые изъ нихъ хотя и были

[1]) Зап. Марк., I, 242.

куплены, но—или насильною куплею или подложными способами, а многіе и просто были отняты у хозяевъ.

Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно раздавалъ свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самихъ лучшихъ.

За малые и большіе проступки полчанъ Марковичъ обтяжалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занятъ былъ своими домашними дѣлами и разъѣздами по хуторамъ и маетностямъ.

А когда отлучался изъ полка въ походы, на свое мѣсто наказнымъ полковникомъ ставилъ сына своего Якова, а на мѣсто отлучившихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными своихъ слугъ. А тотъ сынъ и тѣ люди многія обиды чинили людямъ, отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.

Не довольствуясь маетностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими полученными прежде отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ универсалъ на Засулье, какъ на село, а не какъ на часть Ромна; а Засулье—не село, по роменскіе фольварки. А сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку селами: Мойсеевкой, Нарожьемъ и Кулажницами, безъ универсала гетманскаго и безъ грамоты монаршей.

Да и сынъ его Яковъ, кромѣ Сухоносовки, полученной отъ гетмана свойства ради, завладѣлъ и другимъ селомъ Перервинцами, которое село Андрей Марковичъ отдалъ сначала, по своей полковничьей власти, брату своему Ивану, а послѣ смерти его Перервинцами завладѣлъ Яковъ [1]).

Въ жалобѣ полковой старшины сообщались общія черты насилій Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Тулиголовскій попъ Петръ Вышинскій жаловался, что Марковичъ отнялъ у него хуторъ, мельницы и лѣса; стародубскій значковый товарищъ Улѣзко жаловался, что у него отнято было гетманомъ село Евдоканье, для того чтобъ отдать Марковичу; лубенскій обозный На-

[1]) Русск. Арх. 864 г., 493—505.

велъ Мартосъ жаловался, что у него Марковичъ отнялъ много грунтовъ и вообще чинилъ ему многіе обиды и т. д. и т. д. [1]).

Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что новый гетманъ радъ былъ случаю выместить на немъ ту злобу, которую онъ издавна питалъ къ его сестрѣ-гетманшѣ, отнявшей лучшія маетности у зятя его Горленка, для Гамалѣевскаго монастыря [2]).—И сталъ кланяться Марковичъ Наумову, а сынъ его Яковъ и сестра Скоропадская стали захаживать около людей, близкихъ къ Апостолу. Былъ у нихъ въ это время человѣкъ, который могъ оказать помощь—Михайло Скоропадскій, зять Апостола и большой другъ на словахъ Якова Марковича; но и его заступничество приходилось пріобрѣтать тѣми же подарками, на которые Марковичи потратились не мало [3]).

Два мѣсяца, октябрь и ноябрь, хлопотали Марковичи, съ какой бы стороны подойти къ Наумову, и наконецъ, кажется, подошли. 18-го ноября въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что у министра (Наумова) состоялось опредѣленіе: „челобитныхъ на родителя изъ другихъ полковъ, кромѣ лубенскаго, *не принимать* въ канцеляріи министра и новоучрежденному суду (въ Глуховѣ) по онымъ не слѣдовать". А 26-го ноября, записано, „были съ родителемъ рано у министра и простились съ нимъ. Онъ сказывалъ о секретарѣ сенатскомъ, что онъ свѣдомъ"... Фраза осталась недоговоренною, но ясно, что Наумовъ указалъ на какого то секретаря въ Москвѣ, у котораго можно было найти помощь. Марковичи рѣшили ѣхать въ Москву и тамъ хлопотать, а Наумовъ съ своей стороны обѣщалъ, видно, не мѣшать. Поѣхалъ сначала сынъ—Яковъ, человѣкъ, уже искусившійся въ искательствахъ по Москвѣ и знавшій, къ кому и какъ подойти. Поѣхалъ онъ изъ Глухова не прямо на Москву, а сначала заѣхалъ въ харьковское село Тростянецъ, гдѣ жила семья Тимофея Надаржинскаго, бывшаго духовникомъ Петра Великаго и новаго государя Петра II. Здѣсь надо было заручиться письмомъ къ Надаржинскому, жившему въ Москвѣ. 1 января 1728 г. Яковъ Марковичъ пріѣхалъ въ Москву и остановился на

---

[1]) Арх. Генер. Канц. № 3938.

[2]) См. Русск. Арх. 1875, I, 255.

[3]) Зап. Марк., I, 249.

квартирѣ у Надаржинскаго. Прежде всѣхъ молодой Марковичъ поспѣшилъ *поклониться* Петру Васильевичу Курбатову, совѣтнику коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей малороссійскія дѣла [1]); это былъ общій ходатай всѣхъ малороссіянъ, пріѣзжавшихъ въ Москву хлопотать о царскихъ грамотахъ на тѣ маетности, которыя такъ легко добывались отъ гетмановъ, но которыя затѣмъ не легко было укрѣплять грамотами. 4-го января записано въ дневникѣ Марковича, что „былъ у Курбатова съ письмомъ отъ родителя и тетки (Скоропадской), а въ письмахъ вложено было тридцать червоныхъ...“ Послѣ Курбатова Марковичъ началъ, изо дня въ день, разносить письма и отъ родителя и отъ тетки; такъ—9-го января былъ у графа Головкина и письма отъ родителя и тетки отдалъ; 10-го былъ у Артемія Петровича Волынскаго; 11-го былъ снова у Курбатова и получилъ письмо гр. Головкина къ Наумову, „чтобъ надъ указъ трудностей родителю не чинить“. 13-го былъ у священника Ново-дѣвичьяго монастыря о. Василія, гдѣ встрѣтился съ карликомъ царицы, „съ которымъ братство завзяли и въ знакъ любви подарилъ ему пять червонныхъ“. 15-го былъ у Ѳ. М. Апраксина и письма отъ тетки и родителя отдалъ. 16-го былъ у кн. Д. М. Голицына и письма отъ тѣхъ же отдалъ. 17-го былъ у Стефанова [2]) и письма отъ тетки и родителя отдалъ, приложивши сорокъ червонныхъ 18-го, отнесъ письма къ князю М. М. Голицыну; 6-го февраля—Остерману; 8-го—князю Александру Григорьевичу Долгорукову. 9-го пріѣхалъ въ Москву самъ Андрей Марковичъ, вмѣстѣ съ сестрою Скоропадскою. Вслѣдъ за ними, 19-го февраля, пріѣхалъ въ Москву и Апостолъ съ Наумовымъ. На другой день Марковичи ѣздили поклониться гетману; „а онъ и не посмотрѣлъ“. Визитъ къ Наумову былъ удачнѣе; онъ Марковичей „изрядно подчивалъ“. Въ маѣ мѣсяцѣ началось слѣдствіе по жалобамъ на Марковича, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вызвана была въ Москву и лубенская полковая старшина для уликъ бывшаго полковника. Допросъ Марковичу производилъ ас-

---

[1]) Арх. Сената, Баранова, II, № 2351.

[2]) Василій Петровичъ Степановъ, членъ иностранной коллегіи, тайный совѣтникъ и, какъ видно, дѣлецъ своего времени. Послѣ паденія Меншикова, ему поручено было разобрать его переписку. Опись Баранова II, № 1639. 2728 и др.

сессоръ коллегіи Ивановъ, къ которому Яковъ Марковичъ не разъ заѣзжалъ на домъ. Два мѣсяца тянулись допросы Марковича, при которыхъ присутствовала и лубенская старшина, поддерживавшая обвиненіе противъ бывшаго своего полковника. 8 іюня слѣдствіе кончилось и затѣмъ нужно было ждать суда. Но задобренная иностранная коллегія судомъ не спѣшила; Андрей Марковичъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ и къ концу года сталъ уже подавать министрамъ сочиняемыя сыномъ прошенія о *своихъ обидахъ и нуждахъ*.

Насталъ 1729 годъ. 3 января состоялось постановленіе Верховнаго Совѣта о назначеніи генеральной старшины, въ замѣнъ той, которую полковники намѣтили при избраніи Апостола [1]). Повидимому и Андрей Марковичъ хлопоталъ попасть въ число послѣдней, такъ какъ ему предложено было мѣсто подскарбія. Должность генеральнаго подскарбія (вѣдавшаго войсковые сборы) учреждена была Брюховецкимъ, который поставилъ подскарбіемъ Романа Ракушку, принявшагося было въ 1665 г. описывать войсковыя имущества для правильнаго взиманія съ нихъ доходовъ; но Брюховецкій исчезъ, Ракушка пошолъ въ попы, и должность подскарбія оказазалась лишнею, мѣшавшею и гетману, и полковникамъ распоряжаться общественною казною. Не знаемъ, кто вспомнилъ въ 1729 г. о подскарбіяхъ; быть можетъ Степанъ Лукичъ Вельяминовъ, бывшій президентъ малороссійской коллегіи, тщетно старавшійся установить какіе нибудь порядки въ сборѣ и расходованіи „войскового скарба“. Въ іюлѣ 1727 г. Вельяминовъ былъ вызванъ въ Москву со всѣми приходорасходными книгами о малороссійскихъ доходахъ, которыя въ декабрѣ того же года переданы были на разсмотрѣніе иностранной коллегіи [2]). Видно было, что правительство обратило вниманіе на „войсковой скарбъ“ и хотѣло продолжать начинанія Вельяминова.

Андрей Марковичъ отказывался отъ должности, которая обѣщала ему въ будущемъ не власть и значеніе, какъ другимъ генеральнымъ урядникамъ, а копотливую работу надъ цифрами и неудовольствіе со стороны гетмана и полковниковъ, которые за то и

---

[1]) Зап. Марк., I, 246.

[2]) Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2445 и 2757.

ненавидѣли Вельяминова, что онъ началъ было учитывать войсковой скарбъ. Но графъ Головкинъ рѣшилъ уже, что подскарбіемъ будетъ Марковичъ и спорить противъ этого рѣшенія нельзя было.

Новое назначеніе Марковича не осталось конечно безъ вліянія на благополучный исходъ дѣла его съ лубенскими полчанами. Въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что 8 марта (1729 г.) „слушано у графа (Головкина) дѣло родителя съ полчанами“, а 27 марта дѣло наконецъ было рѣшено; рѣшеніе состояло изъ восьми пунктовъ, изъ которыхъ по шести пунктамъ найдено нужнымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впослѣдствіи, а по двумъ пунктамъ состоялось рѣшеніе категорическое: 1) Засулье отъ Марковича отобрать и 2) о тягостяхъ, полчанамъ чинившимся въ работахъ и поборахъ, буде оное было, то поелику по сказкамъ старшинскимъ происходило то прежде запретительнаго указа[1]), *того ради сіе оставляется*[2]). Такимъ образомъ за всѣ „тягости“, которыя лубенскіе полчане терпѣли впродолженіи тринадцати лѣтъ, у Марковича отобрано было одно только Засулье, посполитое населеніе котораго, входя въ составъ города, должно было отбывать городскія повинности и никакъ не могло попасть въ подданство частному человѣку; по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ XVII в.; позже старшина стала безнаказанно захватывать въ свое подданство и городское населеніе.

Добившись такого счастливаго рѣшенія, Марковичъ началъ пробовать, нельзя-ли ужъ отстоять и Засулье, тѣмъ болѣе, что траты на рѣшеніе сдѣланы были, повидимому, большія. 3-го мая Марковичъ узналъ о рѣшеніи 27 марта, а на другой день онъ съ сыномъ ѣздилъ къ Головкину „просить замѣны за село Засулье, и ничего не получили“. 11-го мая о томъ-же подана просьба Остерману, а 15-го повторена просьба Головкину, на письмѣ. Въ концѣ мая Марковичи выѣхали наконецъ изъ Москвы. Полуторагодичныя хлопоты, благодаря умѣнью и средствамъ Марковичей, не пропали даромъ. Между тѣмъ, вѣсть о такомъ благополучномъ исходѣ для Марковичей ихъ дѣла, достигла уже до Малороссіи; несправедли-

---

[1]) Здѣсь разумѣется вѣроятно одинъ изъ указовъ, изданныхъ въ 1722—24 гг., предписывавшихъ старшинѣ не обижать народа.

[2]) Записки Марковича, I, 315.

вость рѣшенія, по которому за свои насилія Марковичъ былъ не прощенъ, а просто отъ суда освобожденъ, на основаніи канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ натерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Убѣдившись въ невозможности добиться правосудія, „Мартосъ согласился съ значковыми (козаками) лубенскаго полка какимъ-либо образомъ убить Марковича, не допуская его до Глухова[1])“. Объ этомъ замыслѣ прослыхалъ главный экономъ Андрея Марковича—Кучарскій и послалъ въ Москву нарочнаго предупредить своего пана о грозящей бѣдѣ. Однакожъ угрозы Мартоса кончились ничѣмъ и Марковичи благополучно вернулись въ Глуховъ.

Доставшійся Марковичу урядъ генеральнаго подскарбія не получилъ того значенія, которое разумѣлъ Головкинъ, возобновляя эту должность. Вновь поставленный гетманъ Апостолъ былъ слишкомъ старъ, чтобы допустить въ „Войскѣ“ такой небывалый порядокъ, какъ учетъ войсковыхъ доходовъ. Правившіе Малороссіей, послѣ Апостола, русскіе генералы тоже не находили удобнымъ для себя измѣнять старый порядокъ непосредственнаго завѣдыванія „войсковымъ скарбомъ“. Поэтому должность генеральнаго подскарбія осталась безъ всякаго значенія: одинадцать лѣтъ занималъ эту должность Андрей Марковичъ, не имѣя повидимому никакого отношенія къ тому скарбу, хранителемъ котораго онъ предназначался. Пока живъ былъ Апостолъ, Марковичу нечего было и думать получить какое-либо значеніе въ войсковомъ управленіи, къ которому не могла его допустить старая вражда преемника Скоропадскаго ко всѣмъ родичамъ Настасьи Марковны. Но когда Апостола замѣнили „правители“—русскіе генералы, Марковичъ допущенъ былъ къ участію въ дѣлахъ генеральной канцеляріи; впрочемъ участіе это ограничивалось только тѣмъ, что на постановленіяхъ генеральной канцеляріи, Марковичъ „прикладывалъ“, въ числѣ прочихъ, и свою руку.

Оставаясь членомъ генеральной канцеляріи, Марковичъ своею угодливостью успѣлъ сохранить съ „правителями“ самыя лучшія отношенія, при помощи которыхъ онъ выхлопоталъ себѣ въ 1735 г. возвращеніе села Засулья, которое отобрано было у него въ

[1]) Марковичъ, I, 323.

1729 г., какъ неправильно отдѣленное Скоропадскимъ отъ г. Ромна. Несложныя обязанности Марковича на урядѣ генеральнаго подскарбія продолжались до 1740 г., когда за старостью онъ былъ уволенъ отъ службы, причемъ получилъ „въ отставку“ чинъ генеральнаго обознаго[1]). Послѣ отставки Марковичъ проживалъ большею частью въ купленной у Галецкаго слободѣ Погарщинѣ (теперь село гадяцкаго уѣзда). Здѣсь онъ написалъ свое духовное завѣщаніе „для пресѣченія обыкшихъ по кончинѣ людской между наслѣдниками за суетныя имѣнія бывати мятежей, распрь и несогласій“. Распредѣливъ имѣніе свое между наслѣдниками, Марковичъ увѣщевалъ послѣднихъ „подъ неблагословеніемъ“, чтобы они „въ своихъ партикулярныхъ ссорахъ въ суда градскіе не удавались, но самимъ обще между собою оныя ссоры успокоевали. Будежъ-бы сами собою не могли успокоевати, то къ тому-жъ просить пріятелей и другихъ добрыхъ людей для прекращенія; о семъ самимъ живымъ Богомъ увѣщеваю, подъ неблагословеніемъ сгожъ Божіимъ, ибо тѣмъ самимъ всемилосерднаго Господа Бога прогнѣваемъ и сами въ крайнее разореніе приходимъ“. Изъ шести своихъ сыновей Андрей Марковичъ пережилъ троихъ—Андрея, Семена и Луку, послѣ которыхъ остались впрочемъ дѣти. По числу всѣхъ сыновей Марковичъ раздѣлилъ свои имѣнія на шесть частей: 1) старшему сыну Якову—с. Евдоконье и земли около Кролевца; 2) внуку Ивану, сыну Андрея—сосницкое село Шабалиновъ, хуторъ около села Курени (конотопскаго уѣзда) и мельницы на р. Убеди; 3) дѣтямъ Семена села Короваи и Кулажинцы, хутора—Ангелевскій, Хоружовщину, Шепеховскій, Сухооржицкій и Глубоярскій и разныя мельницы; 4) четвертому сыну Марку—село Засулье и хуторъ Коцупѣевскій; 5) младшему сыну Ивану—село Токари, слободу Погарщину и хутора Артополотскій и Поповщину. На шестую часть—дочери умершаго сына Луки даны были мелкіе земельные участки.

Распорядивъ свои имѣнія и доживъ до глубокой старости (родился онъ около 1674 г.), Андрей Марковичъ умеръ въ январѣ 1747 года.

---

[1]) Сколько мы знаемъ, это былъ первый примѣръ пожалованія чина «въ отставку», положившій и въ Малороссіи начало превращенія званія дѣйствительныхъ должностей въ почетныя званія.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марковича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—Яковъ, оставившій намъ свой многотомный дневникъ, изданный, подъ именемъ Записокъ, внукомъ его Ал. М. Марковичемъ [1]). Въ этомъ дневникѣ, обнимающемъ пятьдесятъ лѣтъ (1716—1767 г.), мы находимъ полную біографію его автора, который, по личному своему характеру, представляетъ собою довольно цѣльный типъ малороссійскаго „пана“ половины XVIII в., когда малороссійская старшина, окончательно уже отдѣлившись отъ народа, искала сближенія съ русскимъ дворянствомъ, завидуя привилегіямъ послѣдняго. Мы не будемъ излагать здѣсь біографіи Якова Марковича, по общеизвѣстности его дневника, но представимъ разсказъ только о его молодыхъ годахъ, о томъ, какъ онъ вступалъ въ жизнь и какія употреблялъ старанія—занять въ ней опредѣленное положеніе. Объ этомъ времени изъ жизни Марковича печатный дневникъ его даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, а мы восполнимъ ихъ и представимъ не лишенную интереса страницу изъ исторіи малороссійскаго общества первой четверти XVIII в., когда Петровская реформа, коснувшись Малороссіи, произвела значительный переворотъ и въ ея бытѣ, встрѣтивъ лишь слабый отпоръ.

Яковъ Марковичъ учился въ кіевской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Ѳеофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды. Какъ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма Прокоповича, которое онъ писалъ къ бывшему своему ученику въ то время, когда послѣднему не было еще и двадцати лѣтъ. Вызванный Петромъ Великимъ въ 1716 г. въ Петербургъ, Ѳеофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ повидаться здѣсь съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время

[1]) М. 1859 г. 2 части. Подлинникъ этихъ «Записокъ», состоящій изъ 8-ми кажется фоліантовъ, хранится у правнука ихъ автора, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Въ печати Записки значительно сокращены и кромѣ того здѣсь подновленъ ихъ языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для изученія исторіи Малороссіи XVIII в. дневникъ Як. Марковича навсегда останется цѣннымъ памятникомъ и потому нельзя не пожелать изданія его въ полномъ видѣ; а до того желалось-бы, чтобы рукопись дневника отдана была, для большей ея сохранности, въ какое либо общественное книгохранилище.

твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о какихъ и помышлять не могутъ украшенныя митрами головы; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ“ [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы по твоему прекрасному примѣру во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ; всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и конечно я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учители лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй [2]).

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать [3]); такихъ-же лѣтъ вышелъ изъ академіи и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Мар-

[1]) «Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь, 141—142.

[2]) Тамъ-же, 141—150. См. также «Интимную переписку Ѳеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ». «Кіевск. Стар., II, 498 и слѣд.

[3]) Ѳеофанъ Прокоповичъ кончилъ свое ученіе въ кіевской академіи—семнадцати лѣтъ.

ковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который-бы помогалъ ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, будучи второю женою, частью отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ племянникѣ Яковѣ Марковичѣ, котораго и взяла поэтому подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кіевское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить своего племянника, чтобы, ставъ семьяниномъ, онъ могъ начать устройство особаго своего „господарства“. Выборъ жены взяла гетманша на себя и при этомъ прежде всего заботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, въ которомъ можно было-бы найти подходящую невѣсту. Въ это время первымъ богачемъ въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ и у него оставалась еще не выданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Марковичъ самъ по себѣ и особенно по своему происхожденію не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племянника и бракъ былъ заключенъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тесть впрочемъ надѣлилъ свою дочь только одними „фантами“ и „клейнодами“, а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время не успѣлъ еще нажиться, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ только въ годъ женитьбы сына. Просить маетности у гетмана Якоку Марковичу было еще рано, такъ какъ маетности давались только за „службы“, а ихъ за молодымъ академистомъ быть не могло.

Спустя четыре года послѣ женитьбы племянника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатнаго войсковаго товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая“, далъ ему глуховское село Сварковъ. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаямъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ Скоропадскій назначилъ неожиданно

для всѣхъ полчанъ старшаго сына его—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ [1]). Назначеніе это должно было конечно возбудить неудовольствіе полковой старшины, но послѣдняя уже по опыту знала, что никакіе протесты противъ близкихъ родичей гетманши ни къ чему не поведутъ и по неволѣ должна была подчиниться такому небывалому распоряженію гетмана. Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и вѣроятно за эту службу гетманъ нашелъ возможнымъ дать ему въ слѣдующемъ году еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъ-же году Скоропадскій и умеръ, а со смертью его тетка-гетманша теряла прежнее свое значеніе. Но судьба Марковичу видимо благопріятствовала: за смертью Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ Павелъ Полуботокъ, тесть Марковича. Въ февралѣ 1723 г. Андрей Марковичъ снова посланъ былъ въ походъ и правленіе лубенскаго полка снова поручено было Якову Марковичу. При этомъ „наказничество“ передалъ сыну самъ отецъ—полковникъ, находя такую передачу полка вполнѣ законною послѣ бывшаго уже примѣра. На этотъ разъ Яковъ Марковичъ получилъ исправленіе должности полковника въ самое тревожное время. Какъ разъ въ это время тесть его Полуботокъ велъ борьбу за старые порядки съ президентомъ малороссійской коллегіи Вельяминовымъ. Отстаивая свои старшинскія привиллегіи, Полуботокъ хотѣлъ опереться на полковую старшину, которую для этого не разъ приглашалъ присоединиться къ своимъ протестамъ. Но найболѣе вліятельные полковники того времени не хотѣли идти открыто противъ нововведеній, принесенныхъ Вельяминовымъ, и на приглашенія Полуботка отзывались туго. Будучи наказнымъ полковникомъ, Яковъ Марковичъ былъ въ числѣ тѣхъ, на поддержку которыхъ разсчитывалъ Полуботокъ; ему предстояло также выбрать одно изъ двухъ: или стать сторонникомъ тестя, или уклониться отъ всякихъ протестовъ. Не смотря на молодость, Яковъ Марковичъ уже хорошо понималъ, что своими протестами тесть вооружаетъ противъ себя правительство, борьба съ которымъ, по мнѣнію Марковича, прежде всего была невыгодна. Марковичъ видѣлъ, что въ борьбѣ тестя съ

[1]) Записки I, 451.

Вельяминовымъ выгоднѣе всего было стать на сторону послѣдняго, потому что президентъ коллегіи не могъ не оцѣнить поведенія той старшины, которая безропотно принимала установленіе новыхъ налоговъ съ своихъ маетностей. Рѣшивъ поэтому отстраниться отъ протестовъ Полуботка, Марковичъ постарался пріобрѣсти пріязнь Вельяминова и другихъ „коллегіатовъ“. Поэтому, вступивъ въ управленіе полкомъ въ началѣ марта 1723 г., Марковичъ сталъ вести себя очень осторожно относительно тестя. Въ это время въ Малороссіи шли приготовленія ко второму ладожскому походу; Яковъ Марковичъ дѣятельно распоряжался по этимъ приготовленіямъ въ своемъ полку, разсылая приказы по сотнямъ о выходѣ козаковъ въ походъ въ половинѣ марта. Занятый этими распоряженіями, онъ получилъ изъ Глухова какія-то извѣстія, которыя по обыкновенію записалъ въ свой дневникъ; но извѣстія эти были какого-то щекотливаго характера, такъ какъ этотъ листъ, заключавшій въ себѣ дневникъ за послѣдніе семь дней марта, Марковичъ впослѣдствіи вырвалъ. Наступилъ апрѣль и Марковичъ, желая распорядить весеннія хозяйскія работы въ глуховскихъ своихъ маетностяхъ, поѣхалъ туда. На дорогѣ онъ получилъ „листъ“ отъ тестя, въ которомъ предписывалось „о забароненю зборщикамъ заказныхъ зборовъ збирать“. Распоряженіе это требуетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что Вельяминовъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1722 г. въ Малороссію, прежде всего хотѣлъ установить правильный сборъ тѣхъ налоговъ, которые существовали уже и прежде, но которые собирались безъ всякаго порядка. Для этого Вельяминовъ потребовалъ отъ Полуботка доставленія ему свѣдѣній о существовавшихъ въ Малороссіи налогахъ. Но когда Полуботокъ уклонился отъ доставленія подробныхъ свѣдѣній, тогда Вельяминовъ составилъ роспись налоговъ самъ, по свѣдѣніямъ добытымъ отъ разныхъ лицъ. По этой росписи назначено было взимать налоги съ маетностей старшины наравнѣ съ прочими владѣльцами. Полуботокъ на это распоряженіе пожаловался въ сенатъ и сенатъ осенью 1722 г. приказалъ коллегіи маетности старшинъ отъ налоговъ освободить. Но весною 1723 г. Вельяминовъ поѣхалъ въ Москву, доложилъ тамъ царю лично объ этомъ вопросѣ и царь приказалъ собирать налоги со всѣхъ маетностей, „не обходя никого“. Это распоряженіе Вельяминовъ сообщилъ изъ Москвы въ коллегію для исполненія;

но Полуботка объ этомъ не увѣдомилъ. Когда Полуботокъ узналъ, что Вельяминовскіе сборщики снова стали собирать „заказанные сборы", то увидѣлъ въ этомъ произвольное распоряженіе коллегіи и предписалъ полковникамъ—не позволять сборщикамъ собирать тѣ сборы, которые по сенатскому указу были уже разъ отмѣнены. Вотъ это то распоряженіе тестя Марковичъ и получилъ по дорогѣ изъ Ромна въ Сварковъ. Представился трудный вопросъ—кого слушать: наказнаго гетмана или президента коллегіи? Марковичъ рѣшилъ, что послѣдній сильнѣе и затѣмъ затруднялся только предстоявшимъ свиданіемъ съ тестемъ, который конечно будетъ ему говорить о послѣднемъ своемъ распоряженіи, котораго Марковичъ рѣшился не исполнить. Не желая открыто противорѣчить Полуботку, Марковичъ рѣшилъ избѣгнуть свиданія съ тестемъ. Продолжая путь въ Глуховъ и выѣхавъ 3 апрѣля рано изъ Мутина (село это находилось уже въ глуховской сотнѣ), Марковичъ заѣхалъ въ свою уздицкую пасѣку (около с. Уздицы); побывалъ затѣмъ въ калюжновскомъ хуторѣ и тамъ немного побывши, „*ночью* поѣхалъ въ Глуховъ и пріѣхавши туда, все осмотрѣлъ въ дворѣ", а 4-го „поѣхалъ изъ Глухова *передъ свѣтомъ* въ Сварковъ" [1]). Только пообѣдавъ въ Сварковѣ, Марковичъ поѣхалъ въ тотъ-же день въ тулиголовское свое имѣніе, а 5-го выѣхалъ въ Роменъ. Значитъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ тестемъ, Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ ночью и осмотрѣвъ свой дворъ, ночью-же и уѣхалъ оттуда. Конечно пріѣздъ зятя не могъ остаться неизвѣстнымъ для Полуботка, но послѣдній уже зналъ своего зятя и должно быть не особенно удивился ночному его пріѣзду въ Глуховъ.

Возвратившись въ Роменъ 6-го апрѣля, Марковичъ черезъ шесть дней (12-го) отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ; „указы до сотниковъ съ копіями правительскаго листа посланы, чтобы сборщики отставленныхъ зборовь взыскивать отнюдь не смѣли". Но потомъ оставляетъ въ дневникѣ только слова: „до сотниковъ копія правительскаго листа послана", а остальное все старательно зачеркивается, такъ что эту замѣтку въ первоначальномъ ея видѣ намъ лишь съ трудомъ удалось разобрать. Видимо, что вернувшись въ Роменъ,

[1]) Мы пользовались подлинникомъ дневника Як. Марковича, который въ печати значительно сокращенъ.

Марковичъ опять боролся съ собою—что дѣлать съ приказаніемъ тестя о запрещеніи собирать „отставленные“ налоги. Съ одной стороны, это приказаніе вполнѣ совпадало съ личными интересами Марковича, какъ владѣльца маетностей, а съ другой стороны—страшно было коллегіи. Рѣшившись наконецъ написать сборщикамъ, чтобъ они отнюдь не собирали „отставленныхъ сборовъ“, Марковичъ тогда-же испугался своей смѣлости и ограничился посылкою къ сотникамъ одной только копіи правительскаго распоряженія и такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, могъ себя оправдывать тѣмъ, что съ своей стороны онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а приказаніе наказнаго гетмана не могъ не исполнить. Недѣли черезъ три Марковичу опять понадобилось посмотрѣть на свои глуховскія имѣнія. Пріѣхавъ въ Тулиголовъ 29 апрѣля и осмотрѣвъ тамъ водяную свою мельницу, Марковичъ оттуда поѣхалъ въ Глуховъ. 30-го онъ „былъ у правителей“, т. е. у тестя и у генеральныхъ—судьи, писаря, есаула и бунчуковаго. 1 мая „былъ у прокурора (коллегіи) Михаила Семеновича Хрущова и долго въ ночь сидѣлъ“. На другой день Марковичъ рано заѣзжалъ къ тестю и выпивъ рюмку водки, поѣхалъ обѣдать домой, а вечеръ просидѣлъ у Кошелева (члена коллегіи). Слѣдующіе два дня Марковичъ употребилъ на посѣщеніе тетки гетманши, которая въ это время большею частью проживала въ построенномъ ею Гамалѣевскомъ монастырѣ. Вернувшись 6-го въ Глуховъ и написавъ здѣсь письма въ Роменъ, Марковичъ на другой день утромъ пересматривалъ свиней въ своемъ глуховскомъ дворѣ, а вечеръ просидѣлъ у членовъ коллегіи Щепотьева и Жданова. 8-го писалъ письма въ Роменъ, а на Николая, 9-го, былъ у члена коллегіи Ушакова, гдѣ и „пилъ“, а потомъ у Хрущова, гдѣ тоже „пилъ“. Затѣмъ цѣлую недѣлю Марковичъ провелъ, осматривая хозяйство въ своихъ глуховскихъ имѣніяхъ, а потомъ пріѣхалъ на день въ Глуховъ, чтобы проститься съ Скоропадскою, и 18-го мая выѣхалъ въ Роменъ. Изъ подробностей пребыванія Марковича на этотъ разъ въ Глуховѣ видно, что главною его цѣлью было познакомиться и, если можно, сблизиться съ членами коллегіи; въ послѣднихъ онъ видѣлъ людей, которыхъ пріязнь была полезнѣе пріязни тестевской; отъ тестя Марковичъ видимо сторонился, ни разу не посѣтивъ его вечеромъ для дружеской бесѣды. Послѣдняя велась только съ „коллегіатами“.

Такое поведеніе Марковича какъ нельзя лучше рисуетъ намъ этого человѣка: едва достигнувъ двадцати семи лѣтъ, Марковичъ, какъ видно, былъ уже практическимъ мудрецомъ, безошибочно различавшимъ тѣ пути, которыми пріотрѣтаются земныя блага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда Марковича изъ Глухова, Полуботокъ получилъ царскій приказъ ѣхать въ Петербургъ, куда 13-го іюня и уѣхалъ. Передъ своимъ выѣздомъ Полуботокъ „споряжалъ“ ту челобитную отъ имени „всего народа“, за которую собственно и пострадалъ. Желая привлечь къ соучастію въ этой челобитной наибольшее число полковой старшины, Полуботокъ приглашалъ послѣднюю въ Глуховъ. У насъ подъ руками—офиціальный дневникъ войсковой канцеляріи за 1723 г., изъ котораго видно, кому и когда посылались эти приглашенія. Не смотря на родственную близость Марковича, послѣдній приглашаемъ не былъ, такъ какъ Полуботокъ былъ увѣренъ, что дружба съ „коллегіатами“ не позволитъ его зятю присоединить свою подпись на челобитной къ остальнымъ. Тѣмъ не менѣе Марковичъ нашелъ нужнымъ уничтожить въ своихъ запискахъ тотъ листъ, гдѣ записаны были происшествія отъ 19 мая до 22 іюня. Какого рода были отмѣтки на этомъ листѣ, не знаемъ; но Марковичъ нашелъ, что эти свѣдѣнія могутъ его компрометировать и вырвалъ цѣлый листъ изъ „домашняго протокола,“ какъ онъ называлъ свой дневникъ. Конечно Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ прощаться съ тестемъ (нужно же было привезти жену проститься съ отцемъ) и при этомъ нужно полагать записалъ что нибудь относительно той челобитной, которую тесть повезъ въ Петербургъ. Пріѣздъ Марковича въ Глуховъ въ іюнѣ мѣсяцѣ обнаруживается изъ того, что въ концѣ іюня онъ посылалъ изъ Ромна „овощи“ Скоропадской и „бригадиру“, т. е. Вельяминову; съ послѣднимъ онъ прежде не былъ знакомъ настолько, чтобы „обсылать“ его фруктами; знакомство это произошло вѣроятно во время проводовъ Полуботка.

Вмѣстѣ съ вызовомъ Полуботка въ Петербургъ, сдѣлано было распоряженіе о приготовленіи 12 тыс. козаковъ въ походъ подъ командою князя Михаила Голицына. Цѣль похода опредѣленно не объяснялась; говорили только, что козаки пойдутъ оберегать южныя границы отъ нападенія татаръ; но о томъ, чтобы татары готовились напасть на Малороссію, никакихъ слуховъ не было и—старшина

смущалась походомъ. Наконецъ, въ концѣ іюля Голицынъ прислалъ въ Глуховъ приказъ, чтобы полки собирались у Буцкаго Брода (около Полтавы). Генеральный есаулъ Жураковскій, вѣдавшій въ это время генеральную канцелярію, поспѣшилъ передать приказъ по полкамъ, которые и начали выступать въ походъ въ половинѣ августа. Получивъ это распоряженіе, Марковичъ думалъ отдѣлаться отъ этого похода, такъ какъ не было точно сказано, чтобы въ походъ шли всѣ наличные полковники. Думая, что можно вмѣсто себя послать обознаго, Марковичъ написалъ объ этомъ Жураковскому, но послѣдній поспѣшилъ отвѣчать, чтобы наказный Лубенскій выходилъ въ походъ самъ, не увиливая („не ухиляючись“) отъ службы, такъ какъ по приказу Голицына полки должны вести въ походъ сами полковники. Но Марковичъ разсчитывалъ, что „ухилиться“ можно и снова писалъ Жураковскому, что вышлетъ вмѣсто себя обознаго Мартоса, потому что де самъ долженъ заняться своими хозяйскими дѣлами. Жураковскій отвѣчалъ, что въ походъ къ Буцкому Броду долженъ идти самъ Марковичъ, „отложивши всѣ свои жалобы и отрицанія, ибо когда въ дому быть, то ему, Марковичу, правленіе наказничества не непріятно есть, а когда въ походъ идти, то и тяжело кажется“ [1]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить къ этому подробностей изъ записокъ—чѣмъ именно отговаривался Марковичъ отъ похода: въ его „протоколѣ“ опять вырванъ листъ, заключающій въ себѣ отмѣтки за первыя три недѣли августа мѣсяца [2]); опять, значитъ, записаны были такіе факты, съ которыми Марковичъ не хотѣлъ знакомить постороннее лицо. Не хотѣлъ идти Марковичъ въ походъ вѣроятно отчасти потому, что дома было сидѣть покойнѣе, а отчасти должно быть побаивался и своей непопулярности въ полку. Полковая старшина его не любила, а Марковичъ еще увеличивалъ эту нелюбовь, позволяя себѣ

---

[1]) Журн. генер. канц. 1723 г., рукопись.

[2]) Не достаетъ листа отъ 27 іюля по 24 августа. Въ печатныхъ запискахъ относительно этого времени вкралась крупная ошибка вслѣдствіе того, что половина вырваннаго листа вложена была въ рукописи не на свое мѣсто. Вмѣсто напечатаннаго на стр. 24 «августъ», слѣдуетъ читать сентябрь, до 24-го числа (стр. 25), а съ послѣдняго начинается августъ мѣсяцъ, продолжающійся въ печатныхъ запискахъ до 27 стр. и оканчивающійся словами: «отставлять меня отъ команды».

подъ часъ мѣры очень крутыя относительно сотниковъ; такъ передъ выступленіемъ въ походъ Марковичъ „посадилъ на армату“ сенецкого сотника Криштопенка; это наказаніе считалось настолько суровымъ, что рѣдко примѣнялось къ старшинѣ и сотникъ считалъ себя сильно обиженнымъ, тѣмъ болѣе, что подвергнутъ былъ этому наказанію наказнымъ полковникомъ, который „наказничество“ получилъ не по личнымъ заслугамъ, а по протекціи.

Въ концѣ августа почти всѣ полки, кромѣ сѣверныхъ, были уже въ сборѣ и расположились лагеремъ около рѣчки Коломака; а 24 августа Голицынъ произвелъ козакамъ смотръ и вручилъ общую команду надъ полками—миргородскому полковнику Апостолу. Послѣ смотра, Криштоненко подалъ на Марковича Голицыну жалобу за посаженіе его на пушку; но князь, прочтя жалобу, приказалъ помириться. Тѣмъ не менѣе Марковичъ былъ не спокоенъ; прежде Голицына, Криштоненко уже жаловался на свое безчестіе старымъ полковникамъ и послѣдніе находили, что сотнику назначено было наказаніе ужъ слишкомъ строгое, да и отъ кого-же?—Отъ „новокрещеннаго еврея“, который „содержалъ“ полковое правленіе только по милости сильныхъ родичей. Въ особенности нападалъ на молодого наказного Апостолъ, старый врагъ Марковичей. Поэтому, когда Голицынъ, послѣ своего смотра, отъѣхалъ на свою стоянку, въ Ахтырку, Марковичъ поспѣшилъ за княземъ, чтобы окончательно уладить дѣло съ сенецкимъ сотникомъ. Догнавъ его въ Красномъ Кутѣ, гдѣ тотъ дневалъ, Марковичъ сейчасъ же побывалъ у Голицына, отличавшагося между сподвижниками Петра Великаго своею доступностью и мягкосердіемъ, и былъ приглашенъ имъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Голицынъ выѣхалъ въ Ахтырку въ сопровожденіи Марковича, который дорогою „о свой нуждѣ ему говорилъ“. Пообѣдавши еще разъ въ дорогѣ съ Марковичемъ, Голицынъ „милостиво его отпустилъ“.—Боялся Марковичъ недаромъ; его въ „Войскѣ“ сильно не долюбливали и громко называли „новокрещеннымъ евреемъ [1])“. А когда

---

[1]) На другой день послѣ отъѣзда Марковича къ Голицыну, въ лагерь пріѣхала изъ Глухова генеральная старшина—Жураковскій и Лизогубъ; Апостолъ устроилъ имъ обѣдъ, на который пригласилъ Галагана, Милорадовича и сердюцкаго полковника Бурлѣя. За обѣдомъ шла оживленная бесѣда о «небывалыхъ»

онъ уѣхалъ вслѣдъ за Голицынымъ, Апостолъ приказалъ лубенскому писарю Савицкому написать Голицыну подробную жалобу о насиліяхъ Марковича надъ полчанами и отправилъ его съ этой жалобой въ Ахтырку. Апостолу очень хотѣлось смѣстить Марковича съ „наказничества“; но наказный полковникъ былъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы не вывернуться изъ разставленныхъ ему Апостоломъ сѣтей. Вернувшись въ лагерь, Марковичъ узналъ, что жалоба составлена была отъ имени всего лубенскаго полка по настоянію миргородскаго полковника, который грозилъ при этомъ, что если лубенцы жалобы не напишутъ, „то онъ заженетъ ихъ въ такія тарапаты, что трудно будетъ имъ и выйти“. Узнавъ объ этомъ, Марковичъ сейчасъ же донесъ Голицыну, при какой обстановкѣ написана была Савицкимъ жалоба и о томъ же увѣдомилъ двухъ Голицынскихъ адъютантовъ. Черезъ нѣсколько дней Савицкій вернулся отъ Голицына съ отвѣтомъ, что князь „не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять Марковича отъ команды“. Тамъ же, на Коломакѣ составлены были Апостоломъ и предложены къ подписи извѣстныя челобитныя, за подачу которыхъ въ Петербургѣ царю Полуботокъ съ товарищами посаженъ былъ въ крѣпость. Приглашенъ былъ къ подписи и Марковичъ; практическій умъ послѣдняго и здѣсь выказалъ себя: въ челобитныхъ рѣчь шла объ избраніи гетмана и объ отмѣнѣ установленныхъ коллегіей налоговъ. Не смѣя отказаться отъ подписи одной изъ этихъ челобитныхъ, потому что для этого Марковичъ приглашенъ былъ въ палатку Апостола, наказный полковникъ подписался, но, подписавшись, замѣтилъ „*вмѣсто протеста*“, что нѣкоторыя выраженія челобитной „кажутся досадны“. А когда другая челобитная прислана была для подписи въ палатку Марковича, то онъ отъ подписи ея совсѣмъ отказался.

Въ концѣ сентября Голицынъ распустилъ козачьи полки, оставивъ у Буцкого Брода только небольшой отрядъ. Отпущенъ

налогахъ, установленныхъ коллегіей и вообще о «трудностяхъ людскихъ»; тутъ же говорено «*о какихъ-то жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію* и о спорахъ Якова Марковича, наказнаго лубенскаго, съ его полчанами, что нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ на арматы окованныхъ». Журн. Генер. Канцеляріи 1723 года.

былъ и Марковичъ, который, не смотря на то, что поданная на него жалоба оставлена была Голицынымъ безъ всякихъ послѣдствій, счелъ однакоже полезнымъ еще разъ побывать у „главнаго командира“, чтобы быть уже вполнѣ обезпеченнымъ отъ всякихъ преслѣдованій и по возвращеніи домой. Пріѣхавъ въ Ахтырку 26 сентября, Марковичъ встрѣтилъ тамъ и другихъ полковниковъ. Всѣ они приглашены были въ тотъ же день къ Голицыну на обѣдъ, гдѣ и „подпили знатно“. Послѣ обѣда всѣ были отпущены, кромѣ Марковича, которому сказано было остаться. Оставался Марковичъ до вечера, а потомъ пошолъ къ адъютанту Голицына—Бирюлеву. Въ этотъ же день Марковичъ отдалъ Голицыну „бандурку своего малого“, какъ отмѣчено у него въ дневникѣ. На другой день у Голицына утромъ снова сошлись полковники—откланяться князю; но Марковичъ съ Милорадовичемъ оставлены были на обѣдъ.

Вернувшись въ Роменъ, Марковичъ сталъ собираться въ Глуховъ, гдѣ ему хотѣлось переговорить „о своей нуждѣ“ еще и съ „коллегіатами“. Объѣхавъ лубенскія свои имѣнія, Марковичъ въ въ концѣ октября былъ уже въ Глуховѣ. Здѣсь онъ получилъ прежде всего извѣстіе, что въ Малороссію пріѣдетъ Румянцевъ для изслѣдованія, кто именно участвовалъ въ составленіи челобитной, поданной старшиною царю въ Петербургѣ 13 сентября. Предусмотрительный Полуботокъ, извѣщая объ томъ Жураковскаго, писалъ ему, чтобы старшина въ предупрежденіе жалобъ отъ народа поспѣшила удовлетворить „обидимыхъ“, причемъ указывалъ на Марковича особо, чтобы онъ постарался поскорѣе удовлетворить обиженныхъ имъ полчанъ [1]). Здѣсь рѣчь шла не о тѣхъ обидахъ, которыя Марковичъ нанесъ своимъ сотникамъ сажаніемъ ихъ на пушки, а о пріобрѣтеніи имъ разныхъ хуторовъ у своихъ полчанъ посредствомъ насилій, произведенныхъ во время управленія имъ полкомъ. Что сдѣлалъ Марковичъ по совѣту тестя, мы не знаемъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы отмѣчать въ своемъ дневникѣ подобные факты [2]). Но понимая, что въ этомъ

---

[1]) См. указъ 8 февраля 1725 г. въ Полн. Собр. Законовъ.

[2]) Впрочемъ можетъ быть, что что-нибудь по этому предмету въ дневникѣ и проскользнуло, но затѣмъ оно было уничтожено; ноябрьскій дневникъ, заключавшій въ себѣ замѣтки съ 12 по 23 ноября, Марковичемъ уничтоженъ. Это былъ впро-

отношеніи главнымъ дѣломъ было заручиться благорасположеніемъ Вельяминова, Марковичъ сталъ усердно посѣщать коллегіатовъ. Въ день пріѣзда въ Глуховъ, 26 октября, онъ былъ у Кошелева; на другой день просидѣлъ у Вельяминова до полночи. Черезъ день, 29-го, гетманша праздновала свои именины, гдѣ былъ Вельяминовъ, Хрущовъ и Кошелевъ; тутъ Марковичъ съ гостями „подпилъ гораздо". Черезъ нѣсколько дней у Вельяминова была „вечеринка", на которой присутствовалъ и Марковичъ; потомъ сталъ онъ посѣщать Вельяминова и для карточной игры. Нѣтъ сомнѣнія, что сближенію съ коллегіатами Марковича очень много помогала Скоропадская, водившая близкое знакомство съ женами Вельяминова, Хрущова и Кошелева. Да и мужья послѣднихъ повидимому не отказывались попить и погулять у богатой вдовы-гетманши, которая понимала, что это были самые сильные люди въ Малороссіи и потому не жалѣла для нихъ угощеній. Однако-жъ, какъ ни дружилъ Марковичъ съ Вельяминовымъ и его товарищами, а пришлось и ему поступиться однимъ дѣломъ, какъ видно очень непріятнымъ для него. Дѣло въ томъ, что когда въ 1718 г. сгорѣла кіево-печерская лавра, то для возобновленія этой святыни Петръ Великій приказалъ собрать съ малороссійскихъ владѣльцевъ извѣстную сумму; сборъ денегъ порученъ былъ полковникамъ, которые собирали ихъ по частямъ, не отсылая денегъ въ Кіевъ, пока не пріѣхалъ въ Малороссію Вельяминовъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ сборѣ, распорядился черезъ Полуботка, чтобы собранныя деньги полковники отослали кіевскому войту. Большинство полковниковъ поспѣшило исполнить это распоряженіе; но отецъ Якова Марковича, собравъ на лавру въ своемъ полку 1000 рублей, жалѣлъ съ ними разстаться и медлилъ ихъ отсылкою. Когда потребовали этихъ денегъ отъ сына, то онъ отвѣчалъ [1]), что онѣ взяты отцемъ въ сулацкій походъ на полковые расходы. Такимъ объясненіемъ въ Глуховѣ, повидимому, удовлетворились до времени, пока не возвратится

чемъ послѣдній листъ, уничтоженный практическимъ мудрецомъ. Затѣмъ весь дневникъ цѣлъ. Мы думаемъ, что уничтоженіе Марковичемъ въ его дневникѣ шести полулистовъ было имъ сдѣлано въ виду пріѣзда Румянцева, такъ какъ Полуботокъ писалъ роднымъ изъ Петербурга объ уничтоженіи разныхъ бумагъ, предвидя возможность обыска. См. Соловьевъ, XVIII.

[1]) Журн. генер. канцеляріи 1723 г.

Андрей Марковичъ изъ похода. Но когда пришла вѣсть о пріѣздѣ въ Малороссію Румянцева, Яковъ Марковичъ почувствовалъ, что отвѣтъ, данный имъ въ коллегіи, Румянцева пожалуй и не удовлетворитъ; поэтому онъ изъ Глухова поспѣшилъ написать матери въ Роменъ, что собранные отцомъ на монастырь деньги лучше поскорѣе прислать въ Глуховъ. Совѣтъ былъ исполненъ и 23 ноября въ дневникѣ отмѣчено: „Василь Дяченко пріѣхалъ съ деньгами 1000 р., на церковь печерскую опредѣленными, которыхъ коллегія доправляетъ“. Деньги привезены были какъ разъ въ пору, потому что на другой день Румянцевъ пріѣхалъ въ Глуховъ. Въ тотъ-же день онъ приглашенъ былъ на обѣдъ Скоропадскою, гдѣ „гуляли довольно“. Тутъ-же увидѣлъ его въ первый разъ и Марковичъ и какъ племянникъ хозяйки, конечно, былъ представленъ царскому слѣдователю. На другой день, 25-го, Марковичъ поспѣшилъ побывать самъ у Румянцева, а 26-го Румянцевъ устроилъ у себя „банкетъ“, на которомъ Марковичъ не только что былъ, но и въ карты игралъ „пополамъ съ кн. Волконскимъ“. 27-го Марковичъ былъ у Румянцева „рано“; 28-го гулялъ вмѣстѣ съ нимъ на банкетѣ у Жураковскаго; 30-го такой-же банкетъ былъ у Вельяминова и Марковичъ—въ числѣ гостей; 1 декабря карточный вечеръ у Вельяминова; Марковичъ былъ, но только смотрѣлъ, какъ Румянцевъ игралъ. А черезъ два дня, 4-го декабря, Марковичъ самъ устроилъ „вечеринку“, на которой Румянцевъ съ Вельяминовымъ и прочими „долго просидѣли“. 6-го декабря Марковичъ посѣтилъ рано Вельяминова и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Румянцеву, гдѣ уже нашелъ возможность поговорить „о 1000 р. печерскихъ денегъ, доправленныхъ изъ дома родительскаго“; конечно, рѣчь шла о томъ, что деньги употреблены родителемъ на общественныя надобности и доправлять ихъ не слѣдовало-бы. Затѣмъ 13-го Румянцевъ уѣхалъ изъ Глухова—производить по Малороссіи слѣдствіе о челобитныхъ Полуботка. Марковичъ остался въ Глуховѣ, но въ это время что-то произошло такое, что онъ 15-го декабря пошелъ къ Вельяминову на квартиру и „просилъ о увольненіи его отъ правленія полкового“. Къ такому рѣшенію Марковичъ пришелъ вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь жалобъ на него, какъ на наказнаго лубенскаго отъ его полчанъ; однако-жъ Вельяминовъ, какъ видно, не придалъ особеннаго значенія просьбѣ Марковича и посовѣтовалъ ему скорѣе

ѣхать въ полкъ. На другой день Марковичъ выѣхалъ въ Роменъ. Пробывъ въ Глуховѣ въ этотъ разъ около двухъ мѣсяцевъ, Марковичъ воспользовался этимъ пребываніемъ какъ нельзя лучше; прежде всего онъ сблизился съ Вельяминовымъ, который, водя постоянную хлѣбъ-соль съ вдовою-гетманшею, конечно, не могъ отказать въ своемъ вниманіи и любимому ея племяннику. Но еще важнѣе было для Марковича знакомство съ Румянцевымъ, который пріѣхалъ въ Малороссію главнымъ образомъ, чтобы заручиться тѣми данными, на основаніи которыхъ правительство могло-бы утвердительно сказать, что въ челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ отъ имени „всего народа“, послѣдній не принималъ и не могъ принимать никакого участія, такъ какъ постоянныя насилія старшины надъ народомъ давно уже разъединили ихъ интересы. Для этого Румянцеву нужны были жалобы народа на старшину, а Марковичъ хорошо зналъ, что лубенскіе полчане не упустятъ случая пожаловаться на насилія его отца, да и самъ онъ былъ не безъ грѣховъ. Поэтому заручиться если не пріязнью, то по крайней мѣрѣ знакомствомъ Румянцева для Марковича было чрезвычайно важно. Знакомства-же Марковичъ достигъ, и даже довольно близкаго, такъ такъ карточные вечера съ Румянцевымъ были доступны не для всѣхъ.

Пріѣхавъ въ Роменъ 17-го декабря, Марковичъ сталъ было исполнять залежавшіяся не исполненными порученія коллегіи и генеральной канцеляріи; но 27 декабря его о чемъ-то такомъ извѣстили, что, записавъ въ свой дневникъ это извѣстіе въ нѣсколькихъ строкахъ, онъ потомъ вырвалъ эти строки, а 28-го декабря „родителька его рано отъѣхала въ Глуховъ“, а на другой день выѣхалъ и самъ онъ туда-же. Пріѣхавъ въ Глуховъ въ ночь противъ 31 декабря, Марковичъ 1 января отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „извѣстился, что Лукьянъ Свѣчка вчера поѣхалъ къ Семену Лизогубу въ Андреевку; а тутъ, въ Глуховѣ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ“. Едва-ли ошибемся, если скажемъ, что причиною внезапнаго пріѣзда въ Глуховъ Марковича и его матери было полученное имъ извѣстіе, что одинъ изъ державцевъ лубенскаго полка Лукьянъ Свѣчка подалъ жалобу въ коллегію на Марковича—отца за какое-то насиліе послѣдняго при пріобрѣтеніи отъ Свѣчки с. Токарей. Жалоба Свѣчки, какъ видно, очень испугала Марковича;

но въ своемъ дневникѣ о такихъ дѣлахъ онъ не любилъ распространяться. Изъ дневника, кромѣ приведеннаго мѣста, видно, что 3-го января онъ купилъ у члена коллегіи Кошелева крестьянина за 50 р., а 7-го выѣхалъ обратно въ Роменъ. Спѣшить въ Роменъ нужно было и потому, что прошла вѣсть, что Румянцевъ изъ Переяслава ѣдетъ въ лубенскій полкъ. Моментъ былъ самый критическій, такъ какъ народъ, прослыхавъ о проѣздѣ царскаго чиновника, который дорогой выспрашиваетъ о злоупотребленіяхъ старшинъ, сталъ безбоязненно подавать ему во множествѣ письменныя жалобы. Узнавъ, что Румянцевъ ѣдетъ въ Миргородъ чрезъ сотенный городокъ лубенскаго полка Лохвицу, Марковичъ отправился на встрѣчу къ нему и встрѣтилъ его 9-го января, ночью, угостилъ заранѣе приготовленнымъ ужиномъ въ селѣ Ивахникахъ, гдѣ Румянцевъ и ночевалъ. А на другой день проводивъ Румянцева за Лохвицу, Марковичъ объѣхалъ нѣкоторыя отцовскія маетности и вернулся въ Роменъ. Черезъ нѣсколько дней получено было распоряженіе Румянцева, „чтобы старшина полковая вся была въ Роменъ собрана; такожъ и козаковъ со всякой сотни по 50 человѣкъ и дожидались-бы его въ Ромнѣ“. Рѣшительная минута приближалась: Марковичъ былъ увѣренъ, что жалобы отъ полчанъ будутъ. Вспомнилъ въ эту минтуту Марковичъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, который по своей добротѣ можетъ помочь своимъ вліяніемъ, если пріѣздъ Румянцева не обойдется благополучно, и вотъ въ дневникѣ находимъ замѣтку, что 28 января „посланъ конюшій Алексѣецъ въ село Токори взять тамъ четверню воронопѣгихъ („вороностроκатыхъ“) лошадей и отвести въ Ахтырку къ князю Голицыну“ [1]. Черезъ три дня, 1-го февраля, Марковичъ поѣхалъ на встрѣчу Румянцеву и встрѣтивъ его верстъ за тридцать отъ Ромна, предложилъ пересѣсть въ свою карету, на что тотъ и согласился. При въѣздѣ въ Роменъ предупредительный наказный „поздравилъ“ Румянцева семью пушечными выстрѣлами и затѣмъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. На другой день Румянцевъ, произведя опросъ собраннымъ полчанамъ о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ, обѣдалъ у Марковича и затѣмъ просидѣлъ у него за картами весь вечеръ; 3-го Румянцевъ устроилъ обѣдъ на своей квартирѣ, на который пригласилъ и старшину; поигравъ послѣ обѣда въ карты, Румян-

[1]) Рукопись дневника Якова Марковича.

цовъ на ужинъ отправился къ Марковичу. 4-го Румянцевъ „самъ обѣдалъ на своей квартирѣ“ [1]). Въ этотъ день, должно быть, онъ и принималъ тѣ жалобы, которыхъ боялся Марковичъ; а жалобы поданы были, потому что въ дневникѣ, 5 февраля, отмѣчено: „бригадиръ рано далъ указъ и челобитныя для изслѣдованія“ [2]). Хотя Марковичъ и не поясняетъ, кому данъ былъ указъ, но изъ архивныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что, не имѣя возможности разобраться въ массѣ жалобъ, поданныхъ ему при объѣздѣ Малороссіи, Румянцевъ разслѣдованіе этихъ жалобъ поручалъ въ каждомъ полку особому офицеру, въ помощь которому назначался одинъ изъ бунчуковыхъ или значковыхъ товарищей. Для разбора жалобъ, поданныхъ въ лубенскомъ полку, былъ назначенъ прапорщикъ Волжинъ. Ему-то и былъ данъ тотъ указъ, о которомъ говоритъ Марковичъ. Такимъ образомъ самъ Румянцевъ въ Ромнѣ ничего не сдѣлалъ по поданнымъ ему жалобамъ; но въ нѣкоторыхъ полкахъ, на основаніи этихъ жалобъ, Румянцевъ смѣнялъ полковую старшину и назначалъ новую по своему выбору; такъ были имъ смѣнены наказные полковники въ Переяславѣ и въ Полтавѣ, на мѣсто которыхъ онъ поставилъ другихъ. Въ Ромнѣ ничего этого не было, хотя жалобы и были; предупредительность лубенскаго наказнаго видимо имѣла свое вліяніе, такъ какъ къ Марковичу Румянцевъ былъ благосклоненъ. Передавъ поданныя жалобы Волжину, Румянцевъ отправился обѣдать къ Марковичу, а вечеромъ въ тотъ-же день и выѣхалъ изъ Ромна. Безъ проводъ, разумѣется, не обошлось: провожали за нѣсколько верстъ отъ города „и тамъ долго пивши, разлучились“. Румянцевъ поѣхалъ въ Глуховъ, „а я повернулся“, пишетъ Марковичъ въ дневникѣ, „и долго блудилъ по дорогѣ, пока попалъ въ Ромень“ [3]). Значитъ, проводы были очень „шумны“.

Такъ благополучно сбылъ съ рукъ Марковичъ страшнаго царскаго слѣдователя и затѣмъ могъ уже вполнѣ успокоиться, тѣмъ болѣе, что и главный врагъ Марковича и въ тоже время популярный въ Малороссіи полковникъ—Апостолъ попалъ уже подъ арестъ за челобитныя Полуботка. Съ этого времени Яковъ Марковичъ занялъ опредѣленное мѣсто среди тогдашней старшины, которая увидѣла въ немъ такого мудреца, котораго лучше было не трогать. Былъ еще трудный моментъ въ жизни Якова Марковича, когда

[1]) Т. Ж. [2]) Т. Ж. [3]) Т. Ж.

неожиданно для всѣхъ гетманомъ сталъ Апостолъ. Но мы видѣли уже, что и здѣсь Марковичъ-отецъ, благодаря опять таки ловкости того же сына, выпутался изъ бѣды благополучно.

Дальнѣйшую жизнь Якова Марковича можно прослѣдить по его дневнику, изъ котораго можно увидѣть между прочимъ, что не смотря на всю житейскую мудрость его автора, послѣднему, при всѣхъ его стараніяхъ, не удалось выбиться изъ круга средней старшины. Было что-то такое въ этомъ человѣкѣ, что не давало ему возможности, не смотря на все его умѣнье сближаться съ сильными міра, достигнуть завѣтныхъ высшихъ старшинскихъ урядовъ, которыхъ Яковъ Марковичъ тщетно искалъ всю свою жизнь, пока не состарѣлся.

Заканчивая настоящій очеркъ, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о внукѣ Якова Марковича, и издателѣ его дневника—Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ, который во второй четверти настоящаго вѣка былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей „новой“ Малороссіи[1]). Получивъ солидное образованіе, Александръ Михайловичъ Марковичъ въ тоже время обладалъ прекраснымъ свойствомъ души—твердыми убѣжденіями, которыми не поступался, можно сказать, никогда. Особенную твердость своихъ убѣжденій выказалъ Александръ Михайловичъ, будучи черниговскимъ губернскимъ предводителемъ. Будущій его біографъ разскажетъ поэтому поводу нѣсколько интересныхъ эпизодовъ, какъ умѣлъ Александръ Михайловичъ оберегать свое человѣческое достоинство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ тогдашней общественной жизни. Какъ помѣщикъ, онъ также выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ необычно гуманными отношеніями къ своимъ крестьянамъ. Мы лично видѣли этого замѣчательнаго человѣча уже въ глубокой его старости, но и ранѣе онъ оставался тѣмъ-же привлекавшимъ общія къ себѣ симпатіи человѣкомъ. Помнимъ мы, какъ въ это время (1862 г.) онъ, не хвалясь, указывалъ на значеніе крестьянской школы въ живомъ примѣрѣ—въ его Сварковской школѣ, которая издавна была имъ устроена въ этомъ селѣ и обученіе въ которой велось съ тою добросовѣстностью, которой можно позавидовать и теперь. Нельзя не пожелать появленія біографіи этого человѣка, замѣчательнаго по уму, добротѣ и кротости. Такая біографія моглабы быть поученіемъ и для нашего времени[1]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Родился 1790, † 1865 г.

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ Древней и Новой Россіи, 1879 г., № 1, стр. 53—55.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)[1]).

Широко раскинулось по полночному берегу Роси село Ольшаница. Среди села, по долинѣ, разлился обширный прудъ. По обѣ стороны пруда на далекое разстояніе тянулись роскошные огороды и сады, а по берегамъ зеленѣли густыя вербы. Подлѣ самой плотины, вблизи мельницы, на небольшомъ пригоркѣ стояла дубовая, пятиглавая, крытая гонтомъ церковь. Мимо церкви шла дорога, а противъ церкви, чрезъ дорогу, расположенъ былъ домъ священника. За домомъ зеленѣлъ садъ: вишни и черешни разрослись до самаго берега пруда. Село раскинулось разноцвѣтнымъ ковромъ на широкой равнинѣ. Среди зеленѣющихъ садовъ и кой-гдѣ пожелтѣвшихъ огородовъ вырисовывались своей бѣлизной чисто вымазанныя хаты то съ потемнѣвшими отъ времени, то не тронутыми стихіей желтыми крышами, а за огородами и садами разстилались обширныя левады и сѣнокосы, съ прихотливо разбросанными по нимъ группами ольхъ, лозъ и вербъ. На полдень виднѣлся высокій, гористый берегъ Роси, покрытый лѣсами, а промежъ ихъ бѣлѣли хаты другихъ селъ, блестѣли бѣлоглавыя церкви. То тамъ, то здѣсь лѣса будто перебѣгали Рось и темной лавой заливали равнину, то вырѣзываясь по окраинамъ ея зубцами, то выступая полукругами и острыми клиньями далеко, далеко на полночь.

Дѣло было въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Была лѣтняя пора. Солнце высоко стояло въ небѣ и обливало Ольшаницу яркимъ, блестящимъ свѣтомъ. Зашли жнива, былъ будній день, а на дворѣ и за дворомъ священника толпилась большая масса народа. Въ Ольшаницѣ только что похоронили старика-свя-

[1]) Печатается въ переложеніи на обще-русскій языкъ, съ сохраненіемъ малорусскаго подлинника однихъ лишь діалоговъ.—Ред.

щенника, Петра Моссаковскаго. Вся *громада* собралась къ его дому на поминальный обѣдъ. Широкій дворъ священниковой усадьбы весь заставленъ былъ импровизированными столами, устроенными изъ длинныхъ досокъ, утвержденныхъ на деревянныхъ обрубкахъ. Вдоль этихъ столовъ сидѣли длинными рядами „парафіане“ умершаго батюшки. На всемъ протяженіи двора, выглядывая изъ-за плетней, толпились массы подростковъ и дѣтей обоего пола. Въ огородѣ пылали три костра, а около нихъ сновали молодицы. Въ легкомъ дыму костровъ видны были десятки огромныхъ горшковъ съ различными, приготовленными для обѣда кушаньями. Скоро молодицы стали разливать въ огромныя миски кушанье и разставлять по столамъ, другія въ большихъ „ряднахъ“ носили изъ дому и раскладывали по столамъ заранѣе разрѣзанный на куски хлѣбъ и „книши“. У самаго порога сѣней длинными рядами расположились къ обѣду „старци“ всѣхъ возрастовъ и половъ, Тутъ живо шла работа; одни ряды смѣнялись другими. На всѣхъ другихъ столахъ шла тоже смѣна: одни вставали, окончивъ обѣдъ, другіе занимали ихъ мѣста, послѣ мужчинъ располагались женщины и т. д. Тутъ обѣдало все село, обѣдали прохожіе, проѣзжіе, нищіе со всей околицы собрались...

Четыре сына покойнаго о. Петра,—два священника, одинъ діаконъ и одинъ дьячекъ—съ огромными фляшками въ рукахъ ходили промежъ столовъ и потчивали всѣхъ водкой. Съ особой привѣтливостію угощали они прихожанъ своего отца, зная, что громада въ слѣдъ за симъ приступитъ къ выборамъ на мѣсто покойника, а всѣмъ имъ одинаково хотѣлось поступить на мѣсто отца въ родное, многолюдное и богатое село.

За угломъ дома, въ тѣни высокихъ черешень, накрыты были столы для духовенства и почетнѣйшихъ прихожанъ. Невѣстка покойника распоряжалась здѣсь угощеніемъ.

Солнце свернуло за полдень. Священство и міряне встали изъ-за стола, за ними въ слѣдъ поднимались изъ-за столовъ на всемъ пространствѣ двора. Говоръ затихъ. Настала такая тишина, будто во всемъ дворѣ не было живой души. Слышно было щебетанье птичекъ въ саду. Старикъ священникъ, повернувшись къ церкви, громкимъ басомъ началъ „парастасъ“. Его голосъ раздавался по всему подворью. Старый батюшка громче прежняго воз-

гласилъ „вѣчную память“ покойнику-собрату и все собравшееся здѣсь духовенство запѣло: „вѣчная память“, а въ это время староста, сѣдой, совсѣмъ бѣлый, съ длинными черными усами, трижды, крестообразно, выше головы своей поднималъ большой *куфель* разсиченнаго меду, придерживая лежавшій сверху хлѣбъ. Всѣ стоявшіе во дворѣ и за дворомъ начали креститься и кланяться по направленію къ церкви: сотни рукъ замахали, сотни головъ то наклонялись, то подымались, сотни устъ тихо шептали: „вѣчная память! вѣчная память!“ Будто пронесся нежданно по двору вѣтеръ и шевельнулъ листь на деревѣ и чуть замѣтно затихалъ, пока совсѣмъ не затихъ...

Сыновья покойника со всѣмъ священствомъ пошли въ „покои“. Снимали доски со столовъ и уносили подъ навѣсъ, оттаскивали въ сторону подставки. Масса мужчинъ разсыпалась по двору; женщины пустились со двора. Начинались выборы новаго священника.

Послышалось тихое гудѣнье громады, точно жужжанье пчелъ въ пасѣкѣ въ поздній вечеръ: по всему двору собирались люди въ кружки, тихо говорили. Чуть, чуть слышалось: „а хто буде у насъ священникомъ? кого станемъ выбирать?“ Одни говорили, что всего лучше выбрать на *парафію* одного изъ старшихъ сыновей покойника, что были уже священниками въ сосѣднихъ селахъ, другіе подавали голосъ за третьяго сына—діакона; но еще тише ходилъ говоръ по кружкамъ, что старшіе сыновья не хорошо живутъ съ своими прихожанами, а діаконъ пьянствуетъ въ корчмѣ и дерется не только съ людьми, но даже съ жидами.

— Панове, громадо! спокойно, но твердо проговорилъ старикъ староста, вокругъ котораго толпились такіе-же старики: выберимъ самого меншого покойникового сына, Харитона. Вінъ вырісъ на нашихъ очахъ, мы ёго добре знаемъ. Вінъ чоловікъ не гордый; выпье зъ нами чарку горілки, але не пьянствуе; вінъ до людей привітный, гортань мае добру. Зъ ёго добрый буде священикъ. Напишимъ прошеніе до владыки, даймо ёму підводу, грошей на дорогу, та й нехай рушае. Чи такъ, панове-громадо?

— Такъ, такъ! ты, старосто, добре радишь! загоготали вокругъ старосты и это рѣшеніе стрѣлой пролетѣло по всему двору.

Староста вышелъ изъ круга, прошелъ вдоль и въпоперекъ по двору, спрашивая всѣхъ и каждаго, пристаютъ-ли на предло-

женнаго имъ кандидата. Предъ нимъ почтительно разступались, обнаженныя головы всюду колыхались и отъ края до края всюду слышалось одно: такъ, такъ! нехай Харитонъ буде у насъ священникомъ!

Староста прошелъ въ домъ и оповѣстилъ священство и самаго Харитона о послѣдовавшемъ избраніи. Старшіе сыновья покойника видимо были сконфужены. Харитонъ покорно склонилъ голову; о его желаніи занять отцевское мѣсто не могло быть и вопроса.

— Выйдить-же, пане дяче, до громады,—сказалъ староста, слегка кланяясь Харитону.

Харитонъ вышелъ на крыльце. За нимъ нѣсколько священниковъ, кромѣ однако братьевъ. Гоготавшая громада мгновенно затихла. Староста со ступенекъ громко вопрошалъ: чи згожуетесь, панове-громадо, на сёго пана Харитона—мати ёго собі за священика на нашій парафіи?

— Згода, згода! загудѣла громада; нехай вінъ буде у насъ священикомъ!—Харитонъ низко поклонился и поблагодарилъ громаду.

— Волимо Харитона! Харитинъ нехай буде за попа! доносилось со всѣхъ сторонъ.

Харитонъ снова поклонился и хотѣлъ что-то говорить; но и первыхъ словъ его нельзя было уже разслышать. Поднялся шумъ, какой заканчиваетъ всѣ такія собранія; громада гудѣла, точно вѣтеръ въ лѣсу. Задніе ряды заколыхались и хлынули со двора. Точно лава воды, ринувшаяся изъ прорванной плотины, понесли они предъ собой кучи дѣтей и всякой молодежи, нависшія у воротъ. Заколыхалась и вся масса людей во дворѣ и широкой волной полила изъ воротъ на улицу. Въ дворѣ становилось пусто и тихо. На крыльцѣ все еще стоялъ счастливый Харитонъ,—высокій, тонкій, стройный, бѣлолицый, съ густыми русыми кудрями, едва доходившими до плечей. Онъ пристально глядѣлъ на удалявшуюся отъ него волну черныхъ шапокъ и свитокъ, пока и послѣдній человѣкъ не вышелъ со двора. На его нѣжномъ лицѣ горѣлъ яркій румянецъ, когда, проводивъ всѣхъ до послѣдка, онъ возвращался въ свѣтлицу, окруженный видимо сочувствовавшими ему сосѣдями-священниками.

— Поздоровляемо васъ, Харитоне Петровичу! первые заговорили проворныя матушки; теперь-же шукайте десь хорошу пани-матку, та й на парафію сідайте.

Харитоновъ братъ-діаконъ сердито взглянувъ на матушекъ, проговорилъ:

— У батька ще й ноги не захололи, а вы вже й за весілля...

— А що-жъ, брате? Живый живе гада!—отозвался найстаршій братъ. Вже батька не вернешь зъ гробу, а отъ выйдуть сороковины, то й счасти Боже Харитонови и одружитись!

— Добре слово! Мудра річь! Або нема зъ кимъ?—затараторили матушки. Они совсѣмъ забыли о похоронахъ и начали перебирать всѣхъ извѣстныхъ въ околоткѣ невѣстъ. Одна изъ матушекъ въ числѣ невѣстъ назвала Онисю Прокоповичевну. При этомъ имени Харитонъ поднялъ вверхъ стыдливые глаза свои и снова опустилъ ихъ внизъ. Предъ нимъ будто молнія изъ тучъ блеснулъ образъ Ониси. Онъ вспомнилъ ее и—забылъ даже про смерть отца и только что окончившіеся похороны. Разъ онъ видѣлъ ее въ Богуславѣ на ярмаркѣ и съ тѣхъ поръ не могъ забыть объ ней.

Подъ вечеръ разъѣхались одинъ за другимъ всѣ сосѣди и знакомые покойнаго Моссаковскаго, пріѣзжавшіе отдать ему послѣдній долгъ; сыновья, безъ шуму и спору, подѣлились „батькивскимъ“ добромъ; старшіе братья, взявъ кое-что изъ вещей покойника на память и предоставивъ Харитону всю недвижимость и хозяйство, да пригласивъ одного безмѣстнаго старичка-священника „наблюдать парафію“, пока „высвятится“ Харитонъ, въ свою очередь поспѣшили „до господы“. Къ ночи домъ опустѣлъ. Остался одинъ Харитонъ съ своими мечтами о священствѣ и Онисѣ.

Медленно тянулись для него „сороковины“, а тѣмъ временемъ Онисю навѣщали женихи, а чаще другихъ Марко Павловичъ Балабуха, *философъ*, только что оставившій преобразованную предъ тѣмъ кіевскую академію, чтобы поступить въ село на приходъ.

Онися Степановна была единственная дочь стараго уже священника села Чайкъ. Чайки находились верстахъ въ 20-ти отъ Ольшаницы и расположены были на гористомъ правомъ берегу Роси. Отлогій по краямъ села и крутой въ самой серединѣ онаго берегъ то изрытъ былъ узкими ущельями, то загроможденъ скалистыми террассами; живописные уступы, роскошныя удолья красовались очаровательною зеленью; здѣсь и тамъ, отъ

берега до вершины горы, бѣлѣли чистенькія хатки, то прячась отъ солнца и бури подъ защиту скалъ, то утопая въ зелени садовъ. Съ обоихъ концовъ села, какъ двѣ зеленыя стѣны, стоялъ густой дубовый лѣсъ. На срединѣ горы, на одномъ изъ ея уступовъ красовалась стройно сложенная изъ дубовыхъ брусьевъ церковь, бѣлые верхи которой ярко блестѣли при свѣтѣ солнца и видны были на далекое пространство. У церкви ютился домикъ священника Прокоповича; отъ него по крутой горѣ до самаго берега шелъ роскошный старый садъ, а внизу по-надъ Росью зеленѣли густыя вербы. Передъ домомъ, по-за Росью, на десятки верстъ раскиданы были села по широкой равнинѣ, разрисованной, какъ картина, и испещренной то пожелтѣвшими нивами, то зелеными лугами и левадами, то синѣвшими на солнцѣ ставками, отражавшими въ себѣ верхи вербъ, церквей и горъ.

I.

Былъ день воскресный. Семья Прокоповичей окончила обѣдъ. Старый „панъ-отець“ отправился въ пасѣку и залегъ въ „*катранъ*“ спать. Въ комнатѣ сидѣли мать съ дочерью и грызли сѣмячки. Бесѣда у нихъ шла о молодыхъ паничахъ, наѣзжавшихъ къ Онисѣ Степановнѣ.

— А що, дочко, будемо діяти? Чи швидко підемо заміжъ, чи ще довго будемо перебендювати? спросила мать у дочери.

— Про мене, мамо, ідить замижъ хочъ и сёгодня, сказала дочь, усмѣхаясь.

— Цуръ дурнои-нависнои! Хиба я про себе говорю? замѣтила мать.

— А то-жъ про кого? сказала дочь.

— Та про кого-жъ, якъ не про тебе.

— Про мене?... Якъ про мене, то не знаю, сказала дочь, загнувъ въ знакъ недоумѣнія или неудовольствія нижнюю губу.

— А хто-жъ буде знати, якъ не ты? Це-жъ твое діло, а не мое. Мині съ твоими женихами не жити. Чи мало вже ихъ до насъ навідувалось?

— Та мене, хвалити Бога, нихто не объіхавъ рябымъ конемъ, сказала дочка, але, сказати щиру правду, моихъ женихівъ хочъ по сімъ за цыбулю продавай.

— Ну, не всіхъ продаси по сімъ за цыбулю. Одного академиста Балабуху не продати й за сімъ цыбуль.

— Я-бъ мамо, ёго й дурно оддала, абы вінъ тильки не іздивъ до насъ.

— Але й вередлива-жъ ты, нічого сказати. Балабуха чоловікъ вченый, займе добру парахвію, буде благочиннымъ, а може й протіереемъ.

— Про мене нехай буде й архіереемъ, коли-жъ у его таки губы, неначе вінъ зъ людей кривиться.

— Отъ и выгадала. Якіжъ у ёго губы? Такі, якъ и у всіхъ людей.

— Коли-жъ, мамо, якъ вінъ засміеться, то такъ зувсімъ, якъ отъ часомъ одна коняка до другои зубы шкирить. А що вже гордый та гоноровитый! правда, що вченый.

Не успѣла Онися окончить разговоръ, какъ за дворомъ послышался стукъ колесъ. Залаяли собаки и бросились за дворъ. Мать и дочь выбѣжали изъ „кімнаты“ въ „свѣтлицу“ и бросились къ окнамъ. Въ ворота въѣзжалъ старосвѣтскій богуславскій возокъ, котораго кузовъ обшитъ былъ широкимъ цѣльнымъ лубомъ и напоминалъ собою большую корзину, разширенную по краямъ и съ поднятымъ вверхъ передомъ. Изъ-за тощихъ двухъ клячъ въ плетеныхъ пеньковыхъ шлеяхъ выглядывала большая фигура академиста Балабухи. Онъ грузно сидѣлъ, какъ добрая копна сѣна, въ „легкодушномъ“ возку. На немъ была шинель синяго сукна съ такимъ длиннымъ воротникомъ, что, спускаясь позади возка, онъ закрывалъ до половины колеса. Возокъ остановился близъ „коморы“, стоявшей наискосъ отъ дома. Поднимаясь съ глубоко опустившагося сидѣнья, Балабуха взялся обѣими руками за края возка и такъ сильно ихъ нажалъ, выдвигая свою грузную фигуру, что возокъ затрещалъ и раздвинулся въ обѣ стороны.

— Ой, панычу, помалу, бо воза поломаете! сказалъ, съ испугомъ озираясь, погоничъ; знову насъ будуть батюшка лаяти, якъ лаяли за того воза, що вы разтрощили торікъ.

— Роскажи своему батькови! сказалъ Балабуха и закинувъ ноги черезъ край трещавшаго возка, рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ и грузно опустился на землю. Послышался гулъ, точно упалъ съ высоты большущій мѣшокъ съ зерномъ.

— Отъ тобі на! сказала Онися, глядя изъ окна; за вовка промовка, а вовкъ у хату.

— Йди, дочко, причепурись! сказала мать: надінь товсте намисто, та квітки на голову.

— Намисто надіну и квитки надіну, а Балабусі таки дамъ гарбуза, сказала Онися, смѣясь и убѣгая въ „кімнату“.

— Годі, моя дитино, гарбузувати! Треба колись покохати та й заміжъ ити, тихо проговорила мать въ слѣдъ убѣгавшей дочери.

Балабуха стоялъ около возка, а ему подъ ноги бросились, точно бѣшеныя, три презлющія собаки. Наймичка выбѣгла съ палкою и прогнала собакъ. Балабуха, медленно и озираясь, побрелъ къ дому.

Въ сѣняхъ онъ снялъ съ себя шинель и картузъ и бросилъ на стоявшій тутъ сундукъ, вынулъ изъ кармана красный бумажный платокъ, высморкался, откашлялся и тяжелою поступью вошелъ въ „свѣтлицу“. Тамъ не было ни духа. Балабуха снова досталъ платокъ, вытеръ носъ, кашлянулъ трижды и сталъ потихоньку переступать съ ноги на ногу, поглядывая то на дверь въ „кімнату“, то на свои широкіе на „подборахъ“ и въ „рантъ“ шитые сапоги.

„Свѣтлица“ была просторна, но съ малыми окнами, по четыре стекла въ каждомъ. Вся передняя стѣна съ прилегающими углами до половины сплошь увѣшана была образами и представляли изъ себя подобіе иконостаса. По угламъ висѣли найбольшіе и найболѣе чтимые образа,—въ одномъ образъ печерской Богородицы, въ другомъ почаевской, а передъ образами висѣли небольшія лампадки, купленныя свѣжо у заѣзжаго торговца. Сверху и съ боковъ образа прикрыты были большими, разшитыми въ цвѣта и мелкимъ узоромъ полотенцами. Образа висѣли двумя рядами,— одни достигали самаго потолка, другіе доходили до стоявшаго у стѣны, по самой срединѣ оной, прикрытаго чистой скатертью стола. Боковая наружная стѣна была занята портретами какихъ-то архіереевъ, а около нихъ и подъ ними въ простыхъ некрашеныхъ рамкахъ, за стекломъ и безъ стекла, ютились такъ называемые куншты,— бумажныя изображенія нѣсколькихъ сраженій изъ отечественной войны и войны за независимость грековъ. На внутренней дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей „свѣтлицу“ отъ „кімнаты“, развѣшенъ былъ огромныхъ размѣровъ „килимъ“, т. е. коверъ, оригинальный рисунокъ котораго давалъ нѣсколько рядовъ большихъ цвѣтовъ, съ

сочетаніемъ самыхъ яркихъ красокъ, какое можно видѣть и теперь на пасхальныхъ „писанкахъ“. Подъ этой-же стѣной стояла такъ называемая „канапка“, родъ дощатаго некрашенаго и самой простой работы и конструкціи дивана. Канапка прикрыта была мѣстной работы ковромъ. Отъ нея шли вокругъ по стѣнамъ то узкія со спинками скамейки, то также простые и не крашеные стулья, самой разнородной формы, коллекція которыхъ составилась не вдругъ, а съ большою постепенностію, болѣе по случаю, а не по заказу. Въ заднемъ углу, близь порога, стоялъ окрашенный въ синюю краску и расписанный разными цвѣтами небольшой шкафъ въ два яруса, хранившій болѣе разныя подручныя яства и питія и мелкій хозяйственный скарбъ, чѣмъ какую либо посуду. На боковой двери изображено было принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, а на главной—козакъ Мамай съ фляшкой въ одной и рюмкой въ другой рукѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по „свѣтлицѣ“, Балабуха остановился предъ Мамаемъ, будто видѣлъ его въ первый разъ, и въ десятый разъ читалъ классическую подъ нимъ подпись:

Козакъ, душа правдпва,
Сорочки не мае;
Коли не пье, то в... бье,
Таки не гуляе.

Балабуха какъ-бы призадумался. Какіе-то неясные образы вновь появились въ его головѣ при чтеніи давно знакомой подписи, но лице его не выражало никакого движенія мысли или чувства... Коротко обстриженная голова его точно отдыхала на роскошныхъ широкихъ плечахъ. Густыя, черныя брови будто повисли надъ темными, чистыми и необычайно спокойными глазами. Продолговатое лице его пріятно закруглялось книзу и оканчивалось мягкимъ широкимъ подбородкомъ. Балабуха былъ совсѣмъ не дуренъ собой, только толстый и длинный носъ, да широкія мясистыя губы портили немного общую гармонію лица... Въ серединѣ верхней губы видна была глубокая, нѣсколько продолговатая впадина, точно кто притянулъ ее тонкой ниткой и сдѣлалъ изъ одной большой губы двѣ малыхъ, нижняя-жъ, напротивъ, красовалась во всей своей полнотѣ и такъ выдалась къ верху, что кожа на ней вытянулась

и лоснилась, какъ-бы смазанная яичнымъ бѣлкомъ. Общее выраженіе у Балабухи получалось такое, будто въ самомъ дѣлѣ онъ кривлялся, или передразнивалъ кого нибудь. Костюмъ его былъ „зъ достатку“, чистый и новый, но въ то-же время очень оригинальный и совсѣмъ не похожій на народный костюмъ академистовъ прежняго времени: длинный синяго сукна сюртукъ съ широкимъ воротникомъ, безъ разрѣза назади, и бѣлыми, немного выпуклыми металлическими пуговицами, бланжовый жилетъ и такіе-же пантолоны, сильно съуживавшіеся книзу и изламывавшіеся по формѣ скрывавшихся подъ ними большихъ „шкаповыхъ“ голенищъ. Черный, толсто-намотанный вокругъ шеи, полушелковый платокъ и высокіе стоячіе воротнички довершали костюмъ Балабухи... Послѣдніе имѣли столь острые концы, что тогдашнія панночки говорили, что они „нибы хмары ріжуть“, а иной батюшка взглянетъ было на нихъ, улыбнется, плюнетъ и добродушно замѣтитъ: „эге! то-бъ то леміши зъ ихъ добри були“. Одинъ дьячекъ, въ компаніи съ Балабухой, глядя на его голову, покоившуюся въ воротничкахъ и толсто намотанномъ вокругъ шеи платкѣ, сказалъ на ухо сосѣду: „ось дивиця: въ ёго голова зувсімъ, якъ квочка въ обычайці; ище й дві дощечки зъ боку встромлени“. Вообще новомодный костюмъ Балабухи, за оставленіемъ академіи мало ему принадлежавшій, вызывалъ не мало добродушныхъ остротъ и замѣчаній, также какъ и его гладко выбритое, но отдававшее синевой и какъ-бы вымазанное сажей лице, свидѣтельствовавшее о сильной растительности черныхъ какъ смоль волосъ, отъ которыхъ онъ оставлялъ лишь длинные висячіе усы. Одна панночка даже спрашивала у своей матери: „що то, мамо, у того академиста лице также сине, якъ бузъ?“ а другая говорила: „вінъ зъ тихъ білихъ коміривъ выглядае, якъ гречана галушка зъ молока“.

Балабухѣ было далеко за 20-ть лѣтъ. Наука ему опостыла и онъ оставилъ академію при самомъ ея преобразованіи, захвативъ изъ нея лишь новый студенческій костюмъ, много напоминавшій офиціантовъ польскихъ пановъ. Когда Балабуха, бросивъ академію неожиданно для своего отца и прибывъ изъ Кіева домой, сталъ выражать предъ отцемъ свои сѣтованія на новые порядки и трудность науки, отецъ ласково улыбнулся и сказалъ: „це вже, сынку, здається, запаскою тобі запахло... Такъ що-жъ? Кинь ії, ту акаде-

мію, та одружись, та й сідай на парафію". И сынъ точно внялъ совѣту отца и сталъ искать себѣ невѣсты и прихода. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ къ Прокоповичамъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ самолично объясниться предъ Онисею относительно истинной цѣли его частыхъ посѣщеній.

Тихо растворились боковыя двери; Авраамъ съ Исаакомъ скрылись во внутрь комнаты, а вмѣсто ихъ показалась на порогѣ *матушка*. Она была уже не молода. Костюмъ ея былъ такой, какой рѣдко встрѣтите теперь даже въ крестьянской средѣ глухаго украинскаго захолустья. На головѣ у ней стародавняя парчевая шапочка, давно переименованная въ „очипокъ", прикрытый теперь тонкою тканью домашней работы, на манеръ кисеи,—такъ называемою *намѣткою*. Намѣтка искусно повязана была на головѣ, съ большимъ бантомъ позади и спускавшимися двумя длинными концами, на подобіе траурной вуали. Дальнѣйшій нарядъ матушки состоялъ изъ шелковаго лифа съ рукавами, или такъ называемой *юпки*, сшитой изъ темно коричневой матеріи съ мелкими серебряными листочками, и изъ темной плахты и такой-же запаски, т. е. двухъ кусковъ шерстяной матеріи, изъ которыхъ одинъ обхватывалъ нижнюю половину тѣла спереди, а другой сзади и оба укрѣплялись въ таліи шерстянымъ широкимъ поясомъ. Изъ подъ плахты и запаски виднѣлся на вершокъ прошитый заполочью подолъ рубахи, закрывавшій на половину черныя голеница желтыхъ, сафьянныхъ сапогъ, на одной подошвѣ, съ невысокими каблуками и плоскими подковами. На шеѣ висѣлъ „червінець", величиною съ добрый пятакъ, а изъ подъ рукавовъ юпки выглядывали отороченныя также заполочью и оканчивавшіеся узкой сборкой рукава добротной, домашняго холста, рубахи.

Балабуха низко поклонился хозяйкѣ дома и поцѣловалъ ее въ руку, а она поцѣловалась съ нимъ троекратно въ губы.

— Выбачайте, паниматко! може вы одпочивали по обіді, а я васъ розбудивъ, проговорилъ Балабуха густымъ басомъ, но тихо и сдержанно, будто боясь кого нибудь разбудить.

— Ні, Марку Павловичу, сказала матушка: я не одпочивала, а мій старій пішовъ десь на спочивокъ до пасіки.

— А Онисія Степанивна дома? спросилъ Балабуха.

— Дома. Онисю! кликнула матушка свою дочь; выйди, серце, та вынеси намъ по чарці.—Чи горілочки, чи наливочки? спросила она академиста.

Академистъ, подумавъ какъ-бы, отвѣчалъ: та воно після дороги лучче-бъ теи *aquae vitae,* тобъ-то горілочки чарку.

— Вынеси, доню, намъ горілочки, та набери въ тарілку пирожківъ! опять сказала матушка черезъ порогъ.

Онися не замедлила выйти и вскорѣ показалась въ дверяхъ, высокая, тонкая, стройная, какъ тополь. Склонивъ немного на бокъ голову, чтобы не задѣть за перекладину, она вступила въ свѣтлицу, неся на подносѣ водку и пироги. Взглянувъ на нее, Балабуха чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія.

На Онисѣ была *плахта*, вытканная изъ шерсти по поламъ съ шелкомъ, небольшими квадратиками. Квадратики были затканы „жовтогорячимъ“ шолкомъ съ бѣлыми, какъ серебро, тонкими ободками; внизу качались круглые, величиною въ волоскій орѣхъ кисточки, похожія на колокольчики. Красная, съ синими и зелеными цвѣтами, *запаска* свѣтилась, какъ горящіе уголья. Вышитый красными и синими цвѣтами подолъ сорочки опускался на красивые сафъянные полусапожки. Яркосиній шелковый *корсетъ* затканъ былъ золотыми цвѣтами. На головѣ сіялъ цѣлый вѣнокъ цвѣтовъ. Разноцвѣтныя ленты покрывали плечи ея до пояса, будто дождь цвѣтовъ лился съ головы по плечамъ. На шеѣ красовалось роскошное въ нѣсколько снурковъ намисто съ золотыми *дукачами*.

Лице Ониси не блистало красотой, но поражало особою своею привлекательностію. Оно имѣло оригинальное очертаніе, вверху шире, книзу уже, и оканчивалось нѣсколько острымъ подбородкомъ. Двѣ тонкія линіи черныхъ бровей были какъ-бы вырисованы на широкомъ и высокомъ ея челѣ, и своими острыми концами уходили подъ нависшіе надъ выпуклыми висками цвѣты. Изъ-подъ густыхъ, стыдливо поднимавшихся рѣсницъ свѣтились черные, какъ уголь, острые и блестящіе глаза. Тонкій, съ легкимъ возвышеніемъ носикъ какъ-бы свѣтился насквозь, а маленькія темнокрасныя губы выступали впередъ и слегка опускались внизъ; цвѣтъ лица былъ нѣсколько желтоватъ, но его освѣжалъ легкій, едва примѣтный, широкій румянецъ.

Онися вошла и будто принесла съ собою еще больше свѣта въ свѣтлицу, залитую горячимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Балабуха стоялъ и глядѣлъ. Онъ даже забылъ поклониться ей.

Онися по старосвѣтски поздоровалась съ гостемъ, кивнувъ на ходу головой, и поставила подносъ на столъ. Когда она наклонилась надъ столомъ, ленты закачались на ея плечахъ, точно отъ вѣтру, и открыли ея тонкій, ровный, какъ стрѣла, еще дѣтскій станъ. Балабуха опомнился, подбѣжалъ къ Онисѣ, поклонился и молча поцѣловалъ у нея руку. Онися улыбнулась, подмигнула матери и подумала: ей-же Богу, кривиться зъ мене!

— И коли-жъ оце моя Онися встигла убратись въ нову плахту, въ нову запаску, ще й почіпляти стрічокъ та квітокъ на голову? думала матушка, поглядывая искоса на свою дочку.

Онися сѣла на канапкѣ; Балабуха расположился на стулѣ подъ окномъ и робко посматривалъ на нее.

— Чого це я такъ злякався ціеи панны? думалъ Балабуха: я-жъ таки академистъ, филозофъ, а вона, и въ граматиці не була и не вміе павить просклопяти *mensa*; я-жъ знаю Горація та Овидія напамять одъ дошки до дошки.

Балабуха гордо поднялъ голову, откинулъ ее назадъ, закинулъ ногу на ногу, оперся локтемъ объ столъ и молча сидѣлъ въ такой позѣ. Онисѣ эта поза не понравилась; она была горда, разумна, энергична и не любила гордыхъ и характерныхъ людей. Она, сама любила верховодничать, а не покоряться.

Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе; слышалось только, какъ мухи бились объ окна, залитыя горячимъ свѣтомъ.

— Чого-жъ оце мы сидимо? заговорила наконецъ матушка. Ось выпиймо лишь по чарці, то й повеселішаемо та й розговоримось.

И она подошла къ столу, взяла фляшку въ правую руку, рюмку въ лѣвую и повернувшись лицемъ къ гостю, принялась наливать водку.

— И то розумне слово, отозвался Балабуха на такое приглашеніе. *In vino veritas*, казали древни мудреці,—добавилъ онъ съ нѣкоторою важностію, растягивая латинскую фразу.

— Будьмо-жъ здорови, какъ-бы въ отвѣтъ на это произнесла протяжно матушка, выпила съ полрюмки и наливъ вновь, поднесла Балабухѣ. Балабуха выпилъ чарку до дна, отломалъ половину пирога и цѣликомъ послалъ въ широкій свой ротъ.

— А ты, доню, не покуштуешъ оцiеи поганои та гiркои? спросила мать у дочери.

— Спасибi, мамо! Я-жъ не пью, сказала Онися быстро и громко, какъ-бы опасаясь повторенія предложенія.

— Та хочъ за здоровья гостя помочи губы, сказала матушка, подавая дочери рюмку съ водкой.

И мать и дочь хорошо знали стародавній, неизмѣнный обычай прикушать къ гостю и только для виду переговаривались: Онися сдѣлала видъ, будто ей неловко отказаться прикушать за здоровье гостя, а за тѣмъ, нехотя какъ-бы, встала, взяла рюмку, обмакнула губы и поставила на тарелку, утираясь платочкомъ.

Послѣ рюмки разговоръ пошелъ живѣе. Матушка разсказывала про свое хозяйство, про урожай, про пасѣку. Балабуха то тамъ, то здѣсь вставитъ словцо и все посматриваетъ на Онисю, а Онися то подниметъ, то опуститъ свои длинныя рѣсницы, то пристально глядитъ на какой-нибудь *кунштъ*, точно видитъ его въ первый разъ.

Матушка заговорила о смерти и похоронахъ ольшанскаго священника.

— А вы були на похоронi? спросилъ Балабуха Онисю.

— Нi, я боюсь мерцiвъ. Я-бъ три ночи не спала пiсля похорона, сказала Онися и опять начала разсматривать то крашенныя притолки у дверей, то Авраама на дверяхъ, который поднялъ большіе испуганные глаза къ небу, будто видитъ тамъ въ свою очередь мертвеца.

— Який у васъ гарный садокъ, та ще надъ водою, сказалъ Балабуха, обращаясь прямо къ Онисѣ.

— Садокъ гарный, але цёго року не вродили *хруста*, сказала Онися, желая вставить непростое слово.

— Може *фрукты*, сказалъ Балабуха, до це слово латыньске, четвертои деклiнацiи... и воно рода мужеського, тимъ то треба казати фрукты, а не фрукта.

— Ой поганый, та ще вчить мене, подумала Онися и покраснѣла; потривай же, я тобi пiдсуну хруста.

Матушка сообразила, что третье лице тамъ липнее, гдѣ сходятся „хлопець“ и „дiвчина“, встала и проговорила будто про себя: пiду жъ я въ пасiку, та розбужу свого старого; а доки вiнъ спатиме!

Матушка вышла. „Хлопець“ и „дівчина“ молчали. Въ свѣтлицѣ стало такъ тихо, что слышно было тяжелое дыханіе Балабухи, котораго широкая грудь то поднималась, то опускалась, изобличая его внутреннее волненіе.

— Звідкіль почати? що сказати? О музы! О боги! поможіть мині приступити до цеєи червонои запаски, какъ-бы въ слухъ взмолился Балабуха, обращаясь къ древнимъ богинямъ и богамъ.

А они молчали, не помогали. У Балабухи выступилъ потъ на лбу. Онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, потомъ опять лѣвую на правую, а приготовленныя слова совсѣмъ ушли изъ его памяти.

— О, Афина-Паллада! о, божествена Діяна! О, Венера! бросился опять Балабуха за помощью на Олимпъ, глядя на Онисю. Богини класическаго міра, мимо воли его, сновали въ его головѣ одна за другой, пробѣгали рядками, гонялись одна за другой, будто въ „хрещика“ играли, и все красивыя, роскошныя, одна краше другой. А слова все таки ня шли на языкъ. Балабуха вытянулъ платокъ, опять оперся локтемъ объ столъ и переложилъ вновь ногу на ногу.

— Чи не покликати на помічъ Горація? а може Арыстотеля? думалъ Балабуха, перебирая въ умѣ своемъ латинскія вирши. Но онъ чувствовалъ, что и Горацій куда-то удралъ, а Аристотеля и конемъ не догонишь. Передъ нимъ вертѣлись лишь нимфы въ какомъ-то сказочномъ лѣсу, въ полумрачной пещерѣ, надъ тихой, прозрачной водой. На нихъ, какъ на Онисѣ, были красивыя плахты, а зеленая осока и цвѣты покрывали ихъ головы, падали по плечамъ.

— Вы, Онисія Степановно, якъ лісова Діана! вдругъ проговорилъ Балабуха и самъ покраснѣлъ и замолкъ.

Онися взглянула на него удивленными глазами и подумала: „чи вінъ сміеться зъ мене, чи говорить вже дуже по вченому“, но ничего въ отвѣтъ не сказала. Балабуха и самъ спохватился и смекнулъ, что выразился очень высокопарно и темно, и что не слѣдуетъ говорить такимъ академическимъ, какъ онъ думалъ, языкомъ.

— Вы, Онисія Степановно,... я все... вновь началъ Балабуха, рѣшившись упростить свою рѣчь; якъ побачивъ я васъ, то мині ставъ світъ немилый!

— Хиба я така страшна, що вже й світъ вамъ ставъ не милый! смѣло отрѣзала Онися.

— Вы жартуете. Де вже вы страшни! Чи може жъ бути така краса страшною? Краса страшна, то правда, але такъ, якъ були страшни для людей давні боги, якъ страшный Богъ,—началъ философствовать Балабуха: ваши чорни брови, якъ гострі стрілы Купидона; того вразять, той вже на віки вашъ.

— У кого-жъ то були таки стрілы? Вы мабуть говорите про своихъ учителівъ? отозвалась Онися.

— Sancta simplicitas! якъ ты часомъ гарна буваешь своею таки простотою? проговорилъ будто самъ къ себѣ Балабуха.

— Чи вінъ сміеться зъ мене, чи глузуе, що вінъ ученый, а я проста? подумала Онися и стала сердиться.

— Вы такъ говорите по пісьменному, що я ничого не розберу, сказала Онися.

— Чи вже жъ вы не розберете, що я васъ люблю? А коли вы мене любите, то я готовый хочъ и сёгодня до васъ старостивъ слати,—сказалъ Балабуха и самъ удивился, что сказалъ такъ просто и ясно.

— Такъ бы вы й давно казали, то я бъ знала, про що пъеться, сказала Онися и разсмѣялась, ни мало не сконфузившись,—она слышала такія рѣчи уже не въ первый разъ.

Балабуха и самъ усмѣхнулся. При этомъ ротъ его широко растянулся, а по обѣ стороны его образовались по двѣ линіи, какъ-бы по двѣ ижицы. Въ академіи студенты шутили надъ Балабухою и говорили, что когда онъ засмѣется, то у него по одну сторону рта появляются *супины*, а по другую *герундіи*.

Онисѣ показалось, что Балабуха гордо смотритъ на нее и смѣется надъ нею.

— Потривай-же ты, академисте! я тобі накладу въ візъ таки правдивіхъ гарбузивъ, подумала Онися, и у нея въ самомъ дѣлѣ явилась мысль продѣлать эту обычную шутку съ гордымъ академистомъ. Она сама даже разсмѣялась отъ этой неожиданной мысли.

— Чого вы сміетеся? Чи того, що щасливі? спросилъ Балабуха, въ свою очередь усмѣхаясь.

Скрипнули двери въ сѣняхъ. Въ хату вошла матушка. Увидѣла она, что молодые люди обое смѣются и подумала, что все у нихъ окончилось ладомъ.

— Оце я будила, будила свого старого, та й не добудилась, весело проговорила матушка. Коли ваша ласка, обратилась она къ гостю, выпьемо по чарці, та ходимо до пасіки въ садокъ. Може гуртомъ розбудимо старого.

Матушка налила „по чарці“, выпила сама и поднесла Балабухѣ. Балабуха „стукнулъ“ до дна и со внусомъ заѣлъ пирогомъ, какъ-бы послѣ очень тяжелой, но успѣшно оконченной работы.

— Може ще по другій? спросила матушка.

— Ні, спасибі вамъ, пани-матко, весело сказалъ Балабуха; est modus in rebus, якъ казавъ Горацій.

— Вы все по вченому говорите, а мы люде прости, просто й горілочку пъемо, сказала матушка.

Матушка взяла фляшку и тарелку съ пирогами и пригласила Балабуху въ садокъ. Онися выскочила въ „кімнату“, затворила за собою двери, обернулась и передразнила Балабуху передъ дверями, вывернувъ изо всей силы нижнюю губу, какъ у него.

Большой садъ Прокоповичей былъ раскинутъ на всемъ пространствѣ ихъ обширной гористой усадьбы; лишь незначительная часть его занята была цвѣтникомъ, огородомъ и пасѣкой. Главная часть сада расположена была на верхней террассѣ близъ дома и тутъ-то во всей красѣ росли лучшія широковѣтвистыя яблони и груши, въ перемежку по мѣстамъ съ вишнями и сливами. Отсюда садъ спускался по крутой скалистой горѣ большими и малыми группами старыхъ и молодыхъ деревьевъ, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ и пересѣкаемыми то узкими ущельями, то громадными камнями, то легкими уступами и отдѣльно стоявшими гигантскими деревьями. Садъ заканчивался у самаго берега Роси густо поросшими рядами вербъ и при боковомъ солнечномъ освѣщеніи съ вершины терассы давалъ такую восхитительную картину, что Балабуха, взглянувъ съ горы на раскрывавшуюся предъ нимъ зелено-золотистую бездну, невольно выкликнулъ:

— Та й рай же у васъ, пани-матко! Це якъ бы Адамъ зъ того світа вставъ, то згадавъ бы свій рай, що такъ марно стративъ.

Пасѣка была на краю верхняго сада, въ маленькой впадинѣ,

въ зеленомъ „вишнякѣ“. Она обнесена была низкой огорожей, обставленной снопками. Изъ-за нея выглядывали верхи ульевъ, прикрытыхъ свѣтло-желтыми мисками—яндолами, какъ бы широкими шляпами. Въ сторонѣ отъ нихъ виднѣлась *катрага*,—низкій соломенный шалашъ надъ земляной ямой, въ которой складывались ульи пчелъ на зиму. Тутъ лѣтнею порою опочивалъ о. Степанъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ, или же выхмѣлялся на свободѣ.

Матушка отворила маленькія дверцы въ соломенной оградѣ. За ними на грядкахъ желтѣли крупныя головки повняковъ и гвоздиковъ, блестѣли чорнобрывци, разстилались по травѣ гирлянды настурцівъ. Одинъ подсолнечникъ раскинулъ роскошные листья надъ огорожею и свѣсилъ черезъ нее свою тяжелую голову.

Пчелы кружили роемъ надъ пасѣкою, летая вдоль и впоперекъ. Отъ пасѣки несло теплымъ смѣшаннымъ запахомъ воску и гвоздиковъ.

Балабуха вошелъ въ пасѣку. Вдругъ пчела съ разлету ударились въ его лице, какъ будто кто бросилъ ею въ него изо всей силы. Привычный къ такимъ сюрпризамъ, Балабуха не мигнулъ даже бровью и тѣмъ предохранилъ себя отъ дальнѣйшаго нападенія пчелъ. Отецъ Степанъ спалъ въ катрагѣ, притворивъ двери. Матушка открыла ихъ и вошла въ катрагу; за нею вошелъ Балабуха.

— А вставай, паноче! Богъ гостя принісъ, крикнула она.

Отецъ Степанъ отозвался сквозь сонъ, поднялся и сѣлъ на постели, глядя сонными очами на Балабуху.

— Що? га? де? спрашивалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ось-ось! сказала матушка, тыкая ему въ руки фляшку съ горѣлкою.

— Отче Степане! архіерей приіхавъ, сказалъ подшучивая Балабуха.

— Не вже! крикнулъ какъ ужаленный отецъ Степанъ и вскочилъ съ постели, вытаращивъ глаза на Балабуху. Съ просонковъ ему и въ самомъ дѣлѣ показалось, что передъ нимъ стоитъ архіерей.

Отецъ Степанъ протеръ глаза, присмотрѣлся ближе къ Балабухѣ и узналъ его.

— Та це академистъ приіхавъ до насъ! крикнулъ онъ хриплымъ отъ сна голосомъ и бросился обнимать и цѣловать Балабуху, что

было для него нѣсколько трудно, такъ какъ отецъ Степанъ былъ ростомъ значительно ниже Балабухи. Балабуха поднялъ его своими мощными руками и они трижды облобызались.

— Pax vobis, serenissime pater! воскликнулъ при этомъ Балабуха и добавилъ вольный перифразъ: миръ дому сёму и живущимъ въ ёму, оиуская отца Степана, какъ малое дитя.

— А чомъ ты, стара, мене оце не збудила? проговорилъ отецъ Степанъ, обращаясь къ женѣ.

— Хиба жъ не будила! Штовхала тебе та торсала, а ты тільки ногами дригавъ, та махавъ руками. Мій панотець, Марко Павловичу, мае поганый звичай: бъеться спросоння, хочъ такий зъ себе непоказный. Ось якъ ударивъ мене спросоння по руці, то я трохи не впала.

— Сідайте жъ, академисте, въ моій господі, сказалъ отецъ Степанъ, придвигая къ столу скамейку: сідайте та выпъемо по чарці: може я сонъ прожену.

При этомъ отецъ Степанъ зѣвнулъ во всю мочь, крестя въ тоже время ротъ.

— Ой затуляй рота, бо бжолы влетять: подумають що улікъ, сказала матушка.

— Отъ и улікъ! може подумають, що вічко, сказалъ батюшка.

— Эге! добре вічко. Якъ выйде рій, то ще, боронь Боже, весь влетить тобі въ ротъ: не треба буде й збірати, сказала матушка, весело смѣясь.

Отецъ Степанъ налилъ рюмку, сказалъ обычное: будьмо здорови! и выпилъ, а потомъ вновь налилъ и поднесъ Балабухѣ.

— Мы вже, поздоровъ Боже паніматку, выпили зъ ними по чарці; такъ и не знаю, чи пити, чи не пити, сказалъ Балабуха.

— Та пийте! тільки недобрі люде не пьють, сказалъ батюшка.

Балабуха выпилъ и закусилъ пирогомъ. За первой чаркой пошла другая, за ней третяя. Скорый, проворный, говорливый панъотецъ развязалъ языкъ, выпивая чарку за чаркой, а Балабуха все посматривалъ чрезъ пасѣку, не покажется ли Онися. Ониси однако не было.

— Отъ вы вчитесь тамъ въ академіи все по латынському, все пишете вірши, а чи вчять васъ тамъ співати на гласы: *на Господи воззвахъ, на Богъ Господь...* спросилъ отецъ Степанъ.

— А чомъ же? Вчять, сказалъ Балабуха съ нѣкоторою гордостію.

— А чи вміетежъ на третій гласъ? а заспівайте? неожиданно спросилъ батюшка.

— Та годі тобі, старый! Отъ выдумуе ни се, ни те. Де вже, щобъ въ академіи цёго не вчили, сказала матушка, примѣтивъ желаніе своего *старого* проэкзаменовать того, кого она въ мысляхъ своихъ считала своимъ зятемъ.

— Тсъ! остановилъ ее батюшка и затѣмъ, обращаясь къ Балабухѣ, продолжалъ: отъ и не вміете, хочъ и вчились въ академіи: а нуте на *Богъ Господь* гласъ восьмый.

Балабуха засмѣялся, однако затянулъ гласъ восьмый. Онъ зналъ, что старые батюшки любятъ экзаменовать по части пѣнія.

— Такъ, да не зовсімъ, сказалъ отецъ Степанъ, въ насъ на селахъ ось якъ співають! И онъ зарипѣлъ низкимъ басомъ: *Богъ Господь*... гласъ восьмый.

— А нуте заспівайте на четвертый гласъ, вновь сказалъ батюшка, наливая чарку.

Балабуха затянулъ на четвертый. Отецъ Степанъ подтягивалъ, чтобъ выказать и свой голосъ. Въ пасѣкѣ поднялся такой гулъ, что заглушилъ жужжанье пчелъ.

— Добру гортань маете! Отъ за це люблю! И горілку добре пьете! И за це люблю! сказалъ отецъ Степанъ, цѣлуя въ губы Балабуху.—Колибъ вы знали, Марку Павловичу, якъ я опорядивъ свою церкву! Яки я образы поставивъ въ церкви! Такихъ мабуть и въ Кіеві не знайдете. Отъ ходімъ, голубчику, я вамъ покажу!

Отецъ Степанъ поднялся проворно съ мѣста, схватилъ за руку Балабуху и увлекъ его изъ „катраги“. Матушка пошла за ними въ слѣдъ. Въ пасѣкѣ кругомъ ихъ сновали пчелы; не мало ихъ набилось въ бороду батюшки, одна даже ужалила его въ щеку, но онъ не поморщился, а равнодушно бросилъ ее на землю, да все не выпускалъ руки студента, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ не улизнулъ. То и дѣло наклоняясь подъ густо нависшими вѣтвями, пробрались они къ церкви по протоптанной отцемъ Степаномъ узенькой тропинкѣ. Церковь была отворена; сторожъ подметалъ и прибиралъ въ ней послѣ воскресной службы.

Только переступивъ порогъ церкви, отецъ Степанъ выпустилъ руку Балабухи и перекрестился, какъ бы благодаря Бога за то,

что обезпечилъ за собою слушателя, или точнѣе зрителя его дѣлъ на пользу церкви.

Церковь была маленькая, сложенная изъ широкихъ дубовыхъ брусьевъ. Все въ ней было просто и бѣдно; небольшіе купола и узкія окна высоко отъ пола. Не смотря на ясный лѣтній день, въ ней было довольно темно, и только яркій пламень переваливщаго за полдень солнца, прорвавшись сквозь узкое окно, протянулся поперекъ церкви и упалъ на старинный иконостасъ, не гармонировавшій тонкой рѣзьбой и искусно писанными ликами святыхъ съ общимъ убожествомъ церкви. Всѣ стѣны увѣшаны были образами, какъ и свѣтлица отца Степана,—недавней впрочемъ и топорной работы; даже въ куполахъ, на голыхъ стѣнахъ виднѣлись изображенія евангелистовъ и другихъ святыхъ.

Отецъ Степанъ ходилъ отъ образа къ образу и показывалъ пальцемъ. Въ „бабинцѣ“ висѣлъ во всю стѣну образъ страшнаго суда; нижняя часть картины представляла горящее вѣчнымъ огнемъ *пекло*. Середину этой части картины занимала голова какого-то чудовища съ огромными зубами, смахивавшая однако на конскую голову, а межъ зубовъ, въ самой пасти, сидѣлъ на престолѣ сатана, съ рогами, весь черный, но съ бѣлыми зубами. На рукахъ у него сидѣлъ Іуда—столь малыхъ размѣровъ, какъ бы это было маленькое дитя. Голова чудовища будто хотѣла проглотить сатану, но подавилась и сатана застрялъ въ самомъ горлѣ, зацѣпился своимъ высокимъ тропомъ и не могъ пойти дальше. У пасти чудовища пылало пламя и сюда рядами направлялись обнаженные грѣшники: ткачи съ клубками въ рукахъ, портные съ ножницами, сапожники съ копыльями, мельники съ перевѣшенными черезъ плечи жерновами, шли вѣдьмы и другія грѣшницы съ растрепанными волосами, писаря съ перьями и большими чернильницами въ рукахъ, за ними „осаулы“ и „сіпаки“ съ разинутыми ртами, панъ-экономъ въ наточанкѣ и куча жидовъ съ пейсами, а позади всѣхъ рогатые и хвостатые черти, погоняя грѣшниковъ нагайками.

Дивиться! только и могъ сказать отецъ Степанъ, вполнѣ увѣренный, что противъ достоинства картины и ея детальности не можетъ быть возраженій.

— Ой Господи! Господи! восклицала матушка, глядя на картину и тяжело вздыхая.

— А теперъ идіть сюди! сказалъ отецъ Степанъ, взявъ Балабуху за руку; я вамъ покажу такій образъ, що у васъ и въ Кіевѣ такого нема.

И онъ провелъ гостя въ правый притворъ. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ большихъ размѣровъ образъ Покрова Божіей Матери. Отецъ Степанъ сталъ предъ образомъ и сложилъ руки, предоставляя гостю оцѣнить по достоинству то, что, по его мнѣнію, составляло особую красу его церкви. По срединѣ образа нарисованъ былъ амвонъ; казалось, что то двѣ опрокинутыя сковороды, положенныя одна на другую. На амвонѣ стоялъ молоденькій діаконъ съ распущеными волосами, точно маленькая панна въ широкомъ парчевомъ капотѣ. Величиной онъ былъ какъ разъ подъ руки прочимъ фигурамъ. На самой головѣ его облака, а въ облакахъ Богородица, вдвое больше его, съ пеленой въ рукахъ, ниспадавшей такими острыми концами, будто они вырѣзаны были изъ листоваго желѣза. По одну сторону діакона стоялъ Андрей юродивый, спустившій съ одного плеча красную свою хламиду. Голая грудь его была непомѣрно полна, а круглый животъ торчалъ какъ-то отдѣльно, точно онъ привязанъ или прибитъ былъ къ фигурѣ Андрея. Лице святого было очень сердито, рука его сжата была въ кулакъ, поднятый къ верху, а отдѣльно торчавшій палецъ походилъ больше на деревянный зубъ отъ бороны. По другую сторону святого стоялъ съ ярко рыжей бородой и краснымъ лицемъ греческій императоръ, въ зубчатой коронѣ, смахивавшей на опрокинутый вверхъ треножникъ. Онъ гордо смотрѣлъ на стоявшаго рядомъ съ нимъ патріарха, заложивши руки за спину, а патріархъ тоже будто знать его не хочетъ и держать въ рукахъ крестъ, который пригодился-бы бѣдному человѣку на могилу. За патріархомъ стоялъ рядъ монаховъ съ удивительно бѣлыми лицами и одинаково чорными бровями, а тамъ далѣе группы не то „дѣвчатъ“, не то „парубковъ“, съ такими уродливыми физіогноміями, которыя неизбѣжно должны были вызывать въ зрителѣ одинъ развѣ смѣхъ: у одного такое было раздутое и скривившееся лице, что будь это живой человѣкъ, можно было-бы подумать, что онъ набралъ въ ротъ „кислицъ“; у другого будто рожа разнесла одну щеку; у третьяго точно чирей подъ бородою, а глаза такой величины и формы, какъ и самый ротъ. Внизу на рамѣ большими славянскими буквами было написано: *сей образъ соорудили рабы божі Чайкивськи сестрыци. Року Божого 1817.*

Давъ гостю насмотрѣться на образъ, отецъ Степанъ сталъ вызывать его на отзывъ.

— Хто ёго зна... отвѣчалъ Балабуха. Діяконъ дуже малый, до того ще неначе дівчина, а святый Андрей чогось дуже лютый, неначе хоче бити того діда, неначе каже: „ой, стережись старый, бо якъ дамъ, то й зубы вызбираешь“, а той неначе просиця: „и дядечку, голубчику, я-жъ ни въ чимъ не винный“...

— Отъ ка-зна що выдумуете! отрѣзалъ о. Степанъ; тимъ вченимъ скрізь недогода. И потомъ, поправляясь, сказалъ: выбачайте; коли той не подобався, то отъ подивиться на цей образъ!

Тутъ Илія уѣзжалъ на небо на страшно быстрыхъ коняхъ съ огненными гривами. Искры сыпались у нихъ изо ртовъ, а изъ ноздрей и ушей клубьями валилъ дымъ. Красная одежа падала на землю прямо на Елисея, а онъ лежалъ опрокинутый на спину, поднявъ вверхъ руки и ноги.

— Щось тутъ багато вже огню, неначе въ казкахъ росказують про якихсь-то коней, замѣтилъ Балабуха.

— Э, Марку Павловичу! я бо думавъ, що вы насъ хвалитимете, а вы ни се, ни те говорите, сказалъ отецъ Степанъ, съ досадою махнулъ рукою и направился изъ церкви. За нимъ пошли матушка и Балабуха.

— Хотівъ вамъ показати „неопалиму купину“ въ олтарі, продолжалъ о. Степанъ на ходу, та вже не покажу; вы насъ обсьміете. Ходимъ лучше до дому, та выпьемо хиба по трудахъ по чарці.

Въ то время, какъ старый Прокоповичъ хвалился предъ академистомъ своими образами, надѣясь, быть можетъ, расположить его къ дому, Онися надумалась и въ самомъ дѣлѣ надѣлить Балабуху „гарбузомъ“. Она позвала „погонича“ въ кухню покушать, а между тѣмъ послала своихъ дѣвчатъ на огородъ вырвать и принести дра „гарбуза“. Дѣвчата, всегда готовыя на такія штуки, мигомъ сбѣгали на огородъ и принесли два большущихъ „гарбуза“ и еще нѣсколько маленькихъ.

Підить-же, дівчатка, сказала имъ Онися, та вкиньте оціому паничеви въ візъ оці гарбузы, та добре замостить въ сіно, въ задокъ, на самісіньке дно.

— Мы, Онисю, говорили дѣвчатка, вкинемо въ візъ одного гарбуза, то буде паничеви, а другого—для погонича привяжемо підъ возомъ, підъ передкомъ.

— Про мене, привязуйте, та тільки добре, щобъ до дому довезли, сказала Онися, смѣясь.

Дѣвчата достали бичевку, „оперезали“ кругомъ бѣднаго гарбуза и понесли къ возу. Возъ стоялъ въ огородѣ подъ навѣсомъ, за плетнемъ, и потому дѣвчата могли выполнить затѣю Ониси незамѣтно и самымъ тщательнымъ образомъ. Такъ они и сдѣлали, а возвращаясь съ хохотомъ къ дому, принесли еще пару маленькихъ, какъ яблочки, „гарбузовъ“. Онися положила ихъ въ широкіе карманы жениховой шинели, лежавшей въ сѣняхъ.

Устроивъ такую продѣлку, Онися поспѣшно накрыла въ свѣтлицѣ столъ и поставила полдникъ. Вскорѣ скрипнули въ сѣняхъ двери со стороны сада и въ сѣни вошли Прокоповичи съ гостемъ. Противъ нихъ въ свѣтлицѣ стояла Онися, раскраснѣвшаяся какъ маковка, съ весело блестѣвшими насмѣшливыми глазами.

— А я, мамо, говорила она, вже полудень зготувала.

— Добре зробила, моя доню! вже часъ полуднувати, сказала Прокоповичка.

— О, зъ васъ добра господиня буде, замѣтилъ съ нѣкоторою важностью Балабуха, посматривая на Онисю, какъ на свою будущую женухозяйку: мабуть, вы черезъ господарство не выйшли до насъ у пасіку.

— Коли я бджілъ боюсь, сказала Онися, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Васъ и бджолы не кусали-бъ: подумали-бъ, що то квітка, любезно закончилъ Балабуха.

Усѣлись полдничать; пошла опять круговая. Двѣ жареныя курицы, полумисокъ варениковъ съ сметаной и миска простокваши составили нѣкоторое подкрѣпленіе по трудахъ. Когда все было съѣдено, Онися вынесла на тарелкахъ рожковъ, орѣховъ и собственнаго приготовленія „маковниковъ“, а въ добавокъ ко всему и фляшку сливянки. Прокоповичи угощали гостя съ большимъ радушіемъ и просили навѣщать ихъ почаще. Пока выпивалась, рюмка за рюмкой, вкусная наливочка, матушка не безъ цѣли развела пространный разсказъ о своемъ господарствѣ, пересчитала воловъ, коровъ, овецъ, не забыла и свиней, и сколько „пней“ въ пасѣкѣ, проболтнулась, будто невзначай, и о сотнѣ карбонцевъ, спрятанныхъ въ „скрынѣ“. Балабуха слушалъ, расправляя то усы, то высокіе воротнички и искоса слѣдя глазами за легкимъ станомъ Ониси, которая бѣгала изъ комнаты въ свѣтлицу, и обратно.

Передъ вечеромъ Балабуха сталъ прощаться. Прокоповичи вышли за нимъ на крыльцо. Присѣли здѣсь и выпили, попрощались и еще разъ выпили, а за тѣмъ уже Балабуха окончательно распрощался, и полѣзъ въ возокъ, который вновь закачался и затрещалъ подъ его ногами. Лошадки тронули съ мѣста. Прокоповичи посылаля съ крыльца всякія благожеланія, Балабуха оборачивался и кланялся, а выѣхавъ за дворъ, еще разъ снялъ картузъ и низко, низко поклонился по направленію къ Онисѣ. Онися закрыла губы рукавомъ и едва сдерживала смѣхъ, а дѣвчата, выглядывая изъ оковъ кухни, хохотали до того, что слезы у нихъ выступили на глаза.

На дворѣ было тихо. Дневной жаръ ослабѣлъ. Отъ садовъ, отъ вербъ легли тѣни; вѣяло прохладой. Балабуха ѣхалъ длинной улицей подъ прикрытіемъ тѣнистыхъ деревьевъ, стоявшихъ вдоль плетней. Прелесть наступавшаго вечера и только что кончившееся свиданіе съ Онисей настраивали его на тонъ мечтаній.

— Музо моя, богине моя! думалъ Балабуха, припоминая Онисю: яка-жъ ты гарна! Чи е де въ світі краща одъ тебе? Мабуть Юнона, и та не зрівнялась-бы съ тобою.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ нимъ лежитъ что-то твердое и безпокоитъ его.

— Але якъ-же ты погано вымостивъ! Я чогось усе зъізджаю на одинъ бікъ, сказалъ Балабуха, обращаясь къ погоничу и пересовываясь на другую сторону возка.

— Діана! щира Діана! высока, рівна, станъ тоненькій, ніжки маленьки, пальци кляссычни, тонки та довги... Ой, муляе-жъ, бий ёго сила Божа!

И Балабуха опять поднялся выше и началъ высиживать себѣ мѣсто, какъ насѣдка въ гнѣздѣ.

— А що, паничу! мині здаеться, що мы тутъ не оженимось, сказалъ понуро погоничъ.

— Чого-жъ такъ? Певно ты не оженися, але я оженюсь.

— Ба й вы не оженитесь! мрачно произнесъ погоничъ.

— Та чого-жъ такъ? спросилъ Балабуха, усмѣхнувшись.

— Бо мене, чортъ-зна якъ нагодували; и чарки горілки не дали. Я зовсімъ голодный.

— Ну, це ще не велика біда. За те мене нагодували й напоили, ажъ у голові шумить.

На концѣ села стояла корчма. Возокъ катился прямо къ ней.

— Паничу! купить оселедця та чарку горілки, бо, ей Богу, істи хочу, сказалъ погоничъ.

— Добре! спиняй кони! Я й самъ радъ выпити чарку, сказалъ Балабуха.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха крикнулъ стоявшей у корчмы жидовкѣ, чтобы вынесла водки и закуски.

Между тѣмъ бродившія тутъ свиньи собрались около воза и все лѣзли подъ колеса. Погоничъ стегалъ ихъ кнутомъ, а они все свое.

— Якого це дідька вони лізуть підъ візъ? крикнулъ Балабуха.

Ни онъ, ни погоничъ не догадывались, что влечетъ свиней къ возу. Выпили, закусили й поѣхали. А свиньи за возомъ.

— Що це за напасть! сказалъ Балабуха, оглядываясь назадъ.

— Чи то свині, чи собаки? спросилъ онъ у погонича, какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ.

— А вже-жъ свині; а що-жъ більше, якъ не свині, отвѣчалъ погоничъ и махнулъ кнутомъ по лошадямъ.

— Що воно такъ муляе въ нечистого? скоро опять заговорилъ Балабуха. Чи не вкравъ ты часомъ чого, та сховавъ підъ мене? А стань.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха поднялся, сталъ разгребать сѣно и увидѣлъ что-то кругле и большое.

— А бачъ, укравъ та не вмівъ сховати, сказалъ укорительно Балабуха.

— Хто? я! крикнулъ погоничъ и соскочилъ съ козелка: та нехай мене хрестъ святый побъе, коли я що вкравъ.

Погоничъ взлѣзъ на возъ, засунулъ руки въ сѣно и вытянулъ „гарбузъ“. И паничъ и погоничъ раскрыли отъ удивленія рты и только смотрѣли другъ на друга.

— Отъ вамъ и гостинець! Казавъ-же я, що намъ більше не іздити до цеи панны, крикнулъ погоничъ и такъ хлопнулъ „гарбузомъ“ объ землю, что изъ него вся внутренность вывалилась.

Свиньи бросились къ гарбузу; отъ корчмы послышался хохотъ.

— Сідай швидче та поганяй! крикнулъ Балабуха на погонича. Погоничъ повиновался, Балабуха усѣлся, какъ попало; но не проѣхали и сотни шаговъ, какъ онъ опять вскричалъ:

Ой, муляе-жъ, муляе, гаспидське, прокляте!

Остановились, порылись въ сѣнѣ и нашли еще нѣсколько малыхъ гостинцевъ...

Погоничъ выбралъ ихъ изъ сѣна и побросалъ на дорогу. У Балабухи будто замерла душа: онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и опять поблѣднѣлъ. Погоничъ сѣлъ и погналъ лошадей.

— Ой вы Евы, вы скусительки! Це не Діана, це Фурія, аспидъ, василискъ! Чомъ-же ты мині просто не сказала, що не підешъ за мене?

Гордый студентъ разъобидѣлся на смерть. Вся любовь его исчезла, весь пылъ простылъ, всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ.

— Отъ тобі на! поіли свині нашу коляду! проговорилъ самъ къ себѣ погоничъ: а я думаю, чого то наймички регочуться, ажъ на комінъ спинаються, та все на мене скоса поглядають. Та й прокляти-жъ тутъ въ Чайкахъ дівчата!

— Що прокляти, то правда! глухо отозвался Балабуха.

Уже солнце садилось, когда Балабуха подъѣзжалъ къ своему селу—Хилькамъ. Сельцо это будто кто нибудь вбросилъ въ глубокій оврагъ. Кругомъ его стояли горы и въѣхать въ него невозможно было иначе, какъ спускаясь съ недлинной, но очень крутой гор ы

Только что возъ сталъ спускаться, какъ привязанный подъ возомъ „гарбузъ“ оборвался и покатился внизъ по горѣ, рядомъ съ возомъ, силясь какъ-бы опередить его.

— Паничу! зновъ гарбузъ гониться за нами! крикпулъ удивленный парубокъ, показывая на „гарбузъ“ кнутовищемъ.

Балабуха глянулъ и не вѣрилъ-бы своимъ очамъ, если-бы на „гарбузъ“ не показывалъ погоннчъ. Лошади съ разбѣгу попали прямо въ ворота, что у въѣзда въ село, а „гарбузъ“ за возомъ покатился также черезъ ворота.

— Паничу! загубили гарбуза! крикнулъ недогадливый „царинникъ“ и бросился ловить ,,гарбузъ“, чтобъ угодить паничу своего батюшки.

— О ехидна! о Мегера! о породіння сатаны! Це не Венера, це самъ сатана въ плахті! Побий тебе громовержець зъ Олимпа стрілами съ твоіми чорными бровами. Ой відьма! певна відьма! Умудрилась причепити підъ возомъ гарбуза!

Балабуха пріѣхалъ домой, какъ убитый. Мать вышла на крыльцо встрѣчать своего академиста. Балабуха остановился въ

крыльцѣ и началъ вытрушивать свою длинную шинель. Изъ карамановъ выпали два маленькіе „гарбуза“.

— Що то сыну? Яблука повыпадали, чи що? спросила мать, наклонилась и подняла съ земли „гарбузця“; та це гарбузець... гм... гм...

Що це таке? Чи не дала тобі Онися гарбуза?

Сынъ только рукой махнулъ и пошолъ въ садъ. Мать тяжело вздохнула.

— Отъ тобі Онися! Отъ тобі пять корівъ! сто карбованцівъ! сказала она, ударивъ объ полы руками.

Сынъ долго ходилъ по дорожкамъ въ саду, пока совсѣмъ не настала ночь. Онъ перебралъ въ своей памяти всѣ подробности дня, все передумалъ, все перечувствовалъ вновь: и какъ встрѣтилъ Онисю, и какъ говорилъ съ нею, и какъ прощался; онъ и теперь какъ будто видѣлъ ея чорныя, тонкія и густыя брови съ острыми концами, видѣлъ ея прелестную улыбку и немного приподнятую верхнюю губку, изъ-подъ которой и теперь въ темнотѣ блестѣли предъ нимъ бѣлые верхніе зубки, крохотные, тоненькіе. Любовь зашевелилась въ его душѣ бурливо и шумливо, играла какъ крѣпкое пиво; но онъ вспомнилъ „гарбузы“... и его гордость заколыхалась со дна сердца, и, какъ бурливое море, выбросила вонъ хранившееся въ немъ сокровище.

„Гарбузъ“ видѣли люди въ Чайкахъ, видѣлъ „царинникъ“ въ Хилькахъ, видѣлъ погоничъ. Объ немъ станутъ говорить вездѣ въ околицѣ, его осмѣютъ...

— Потривай-же ты, червона запаско! Хиба вмру, щобъ тобі не віддавъ за свое! Я знайду таку красуню, що тобі й не снилось и не привиджувалось. Хиба-жъ я не философъ, не академистъ?

Мать звала сына ужинать, но онъ не пошелъ и уже, поздо, весь измученный, вошелъ въ комнату, и тяжело опустился на постель.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИШЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ.

Рукопись подъ этимъ заглавіемъ представляетъ собою черновой набросокъ историческаго, топографическаго и хозяйственнаго содержанія. Она состоитъ изъ небольшой тетради въ листъ и нѣсколькихъ не сшитыхъ листковъ, не достаточно связанныхъ между собою и по изложенію. „Примѣчанія на новороссійскій край“ обязательно сообщены мнѣ внукомъ ихъ автора, живущимъ въ родовемъ имѣніи Пишчевичей, селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи.

Родъ Пишчевичей выселился въ Россію изъ Австро-Венгріи, въ прошломъ столѣтіи, въ лицѣ Семена Степановича Пишчевича, прадѣда теперешняго владѣльца, и отца автора „Примѣчаній“. Послѣдній оставилъ по себѣ довольное число дневниковъ, замѣтокъ и т. п., былъ человѣкомъ любознательнымъ и начитаннымъ; выйдя въ отставку изъ военной службы въ началѣ нынѣшняго столѣтія или въ самомъ концѣ прошлаго, онъ остатокъ жизни провелъ въ своемъ отцовскомъ имѣніи, селѣ Скалевомъ; съ 1811-го по 1814 г. былъ предводителемъ александрійскаго дворянства; по дѣламъ этой должности и по своимъ частнымъ дѣламъ въ разное время ѣздилъ въ Херсонъ, Николаевъ, Елисаветградъ, Александрію и Кременчугъ, имѣлъ много родственниковъ и знакомыхъ [1]). Александръ Семеновичъ обладалъ наклонностями къ гуманитарнымъ познаніямъ: онъ занимался политикой, исторіей, воспитаніемъ, но, по видимому,

[1]) Между прочимъ, Пишчевичи находились въ родствѣ и съ Хорватами, а именно: мать Александра Семеновича Пишчевича, Екатерина Дмитріевна, была племянницей Ивана Самойловича Хорвата.—*В. Я.*

не особенно успѣшно велъ свое хозяйство и не много понималъ въ немъ, а потому и замѣчанія его о новороссійскомъ краѣ касательно этого предмета отличаются большимъ диллетантизмомъ и во многомъ расходятся съ дѣйствительностью. Бѣглый историческій очеркъ Новороссіи въ началѣ его „Примѣчаній“ имѣетъ болѣе интереса, представляя собою, вѣроятно, передачу свѣдѣній, полученныхъ главнымъ образомъ отъ отца; здѣсь приводятся также нѣкоторыя преданія, слухи и т. п. мелочи, которыя могутъ имѣть этнографическій интересъ, хотя вообще разсказываются вкратцѣ. Сербское происхожденіе автора „Примѣчаній“ наложило очень явственную печать на отзывы и мнѣнія его, касающіяся его соотечественниковъ и Запорожья, но сужденія его могутъ остаться за нимъ. „Примѣчанія“ относятся къ 1806 году, какъ видно изъ одного мѣста ихъ.

В. Ястребовъ.

Изъ записокъ, какія читаемъ о воинскихъ подвигахъ Россіи, видимъ, какимъ трудностямъ подвергались войска, проходя дикую степь, отъ береговъ Днѣпра прилежащую къ Малороссіи, всякій разъ, когда вознамѣривалось правительство наказать хищность крымскихъ татаръ, нападающихъ на Малороссію. О семъ пространно пишетъ генералъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи. Кому не извѣстно, что сіи же татары нѣкогда симъ-же путемъ проходили до Москвы и тяготили русскихъ среди ихъ столицы данью, чиня при томъ неслыханныя наглости, поруганія Божіимъ храмамъ, обезчещивая семейства и безчестивъ ихъ дочерей и супругъ. Наименованія среди Москвы Арбата и Крымскаго Брода навсегда останутся памятниками сего ига.

Императрица Елисавета I, достойная дщерь Великаго Петра, найдя межу предположеніями, оставленными ея родителемъ и назначенными къ событію, что онъ, зная всю цѣну достоинствамъ сербскаго народа, положилъ оный вызывать въ Россію, воспользовалась тѣми притѣсненіями, каковыя сей народъ претерпѣвалъ во владѣніяхъ римской императрицы Маріи Терезіи, и будучи въ дружбѣ съ сего монархинею, испросила сербамъ позволеніе водвориться въ Россіи. Сіе переселеніе сдѣлалось подъ руководствомъ генералъ-маіоровъ Хорвата и Шевича. Притѣсненія, побудившія сербовъ оставить свое прежнее отечество, были

слѣдующія: „до капитанскаго чина сербинъ по службѣ могъ достигнуть, а далѣе никакъ, какія-бы онъ услуги ни оказалъ, не перемѣнивъ религіи греческой на католическую“. Что могло быть обиднѣе для сего мужественнаго народа, который есть и въ религіи своей непоколебимъ! Онъ тѣмъ охотнѣе шелъ въ Россію, что исповѣданіе вѣры въ оной одно съ сербами, и заглянувъ въ древность, находимъ, что сербы и русскіе суть двѣ вѣтви отъ одного славянскаго корня. Но сербы при самомъ входѣ въ Россію уже почувствовали обиду: Елисавета I, водворяя сербовъ въ Россіи, была окружающими ее настроена, что опасно много иностранцевъ въ одномъ мѣстѣ селить. Изъ сего родилось, что съ Хорватомъ вышедшіе поселены около Днѣпра и сія земля названа Новосербіею, а около Бахмута выведенные Шевичемъ составили селенія, и та часть наименована Славяносербіей. Зломыслящіе представили иностранцами сербовъ, которые искали покоя подъ сѣнію православной церкви! Могутъ-ли когда-либо сербы называться въ Россіи иностранцами [1]).

Какъ-бы то ни было, но Елисавета, поселивъ сербовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходить татарамъ въ Россію предлежало, показала тѣмъ, сколь много она надѣялась на сей воинственный народъ. Оправдали-ли сербы сіе ея довѣріе, время показало: они не токмо край имъ ввѣренный защищали отъ набѣговъ татаръ, поляковъ и запорожцевъ, но населивъ все пространство между Бугомъ и Днѣпромъ, доставили въ три послѣдующія войны (1769, 1787 и 18...) [2]) съ Портою всѣ выгоды для арміи, въ которыхъ сами и дѣти ихъ участвуя, оказали престолу примѣрную преданность.

Генералъ-маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ, занявъ подъ выводимый имъ народъ Новую Сербію, избралъ для себя главнымъ мѣстомъ пребыванія на р. Большой Выси небольшую слободку, такъ называемую *Трисягу*, заселенную малороссіянами, едва изъ 20 избъ состоящую, которую онъ назвалъ *Мирогradомъ*. Впослѣдствіи *Миро-*

[1]) Поселеніе корпусовъ Хорвата и Шевича въ разныхъ мѣстахъ естественнѣе объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ Хорвату и нежеланіемъ находиться у него подъ командой. См. Арх. Гавріила, Очеркъ пов. новор. кр., стр. 35 и 36. — *В. Я.*

[2]) Недописка въ подлинникѣ. Вѣроятно, авторъ говоритъ о войнѣ, современной составленію настоящихъ «Примѣчаній». — *В. Я.*

градъ назвали *Миргородомъ* и, дабы отличить отъ Миргорода, въ Малороссіи лежащаго, то къ сербскому Миргороду прибавили „Ново“, и потому вышелъ уже сей *Новомиргородъ*. Это мѣсто ему понравилось по своему хорошему положенію, а при томъ и есть у самой границы польской.

Тогда сдѣланъ былъ штатъ на два полка имъ выводимаго народа: *гусарскій хорватовъ и пандурскій пѣхотный;* каждый изъ этихъ полковъ состоялъ изъ 20 ротъ, а рота изъ 100 человѣкъ. Сіи два полка составлялись изъ сербовъ, грековъ, молдованъ, валаховъ, выводимыхъ Хорватомъ, или послѣ приходившихъ съ семействами, которыхъ семейства извѣстны были подъ именемъ *фамиліатовъ*. Два другіе полка гусарскіе, не принадлежащіе къ сему новому населенію, находились въ Малороссіи, подъ именами: *булгарскаго и македонскаго*. Въ сіи два полка отсылались всѣ тѣ выходцы изъ заграницы, которые являлись въ Россію безъ семействъ, какъ-то венгры, нѣмцы, поляки. Булгарскимъ полкомъ командовалъ премьеръ—маіоръ *Пишчевичъ*, отецъ сочинителя сихъ „Примѣчаній“, а македонскимъ полковникъ *Костюринъ*.

Вся Новая Сербія иначе не дѣлилась, какъ на полки; уѣздовъ или округъ тогда не было. Новая Сербія имѣла укрѣпленныя мѣста: крѣпость св. Елисаветы [1]), шанцы: Глинскъ, Крыловъ, Крюковъ; впрочемъ шанцами назывались всѣ сіи вновь заводимыя селенія, хотя-бы они и безъ укрѣпленія были. Многія селенія названы были по именамъ селеній, оставленныхъ вышедшими сербами въ австрійскомъ владѣніи. Пандурскому полку принадлежали селенія: Бечи, Вараждинъ, Глоговацъ, Сомборъ, Вершацъ, Шолмошъ, Чонградъ, Глинскъ (штабъ—квартира пандурскаго полка), Крыловъ, Крюковъ, Павлышъ, Сланкамень [2]).

[1]) Крѣпость св. Елисаветы заложена генераломъ Глѣбовымъ, которая тогда охранялась гарнизономъ регулярнаго войска. Должно полагать, что оная была устроена сколько для защиты новой Сербіи отъ татарскаго набѣга, столько и для удержанія въ должномъ повиновеніи новыхъ переселенцевъ, ежели они умножатся въ семъ краю.—Авт.

[2]) Здѣсь перечислены всѣ шанцы пандурскаго полка. Шанцы Глинскъ, Сомборъ и Вершацъ отнесены Скальковскимъ и арх. Гавріиломъ не къ пандурскому, а къ гусарскому полку. См. Скальковскій, Хронологич. обозр. т. I, стр. 41—42; арх. Гавріилъ, Очеркъ повѣств. и проч., стр. 11.—*В. Я.*

Во всякомъ селеніи ротный начальникъ былъ и начальникомъ селенія и семействъ ему ввѣренной роты.

Не долго продолжалось начальствованіе генералъ маіора Хорвата въ Новой Сербіи. Онъ былъ обвиненъ передъ престоломъ и его не токмо смѣнили, но и сослали въ Вологду въ политическое заточеніе, изъ котораго выѣздъ ему былъ вовсе запрещенъ. Въ владѣніяхъ австрійскихъ не замедлилъ о семъ распространиться слухъ и потому сербы перестали выѣзжать, а притомъ Марія Терезія, видя, сколь охотно они переселяются въ Россію, оный возбранила.

Изслѣдовать дѣла генералъ-майора Хорвата были опредѣлены генералъ-поручикъ Мельгуновъ и генералъ-маіоръ Исаковъ, которые и открыли для сего слѣдственную коммисію въ крѣпости св. Елисаветы. Первое, что сія коммисія сдѣлала, было описать имѣніе Хорвата. Между прочимъ, въ вину причтено ему было и то, что онъ изъ Австріи и Венгріи выписалъ всю гусарскую и пандурскую аммуницію и тѣмъ изъ Россіи вышла знатная сумма денегъ въ чужое государство. Хорвату вооружить и снабдить составляемое имъ войско иначе нельзя было всѣмъ потребнымъ, ибо въ Россіи о пандурахъ никакого, а о гусарахъ весьма мало понятія тогда имѣли. Прочтя Хорвату сентенцію военнаго суда, отпущенъ онъ былъ на его квартиру, куда посланъ былъ послѣ полковникъ, долженствовавшій его заковать въ желѣзо. Сей полковникъ порученное ему дѣло производилъ съ нѣкоторою робостью. Хорватъ, замѣтя сіе, сказалъ ему: „дѣлай, что тебѣ велѣно, меня ничто не удивитъ отъ москалей“...

По удаленіи Хорвата изъ Новой Сербіи, генералъ-поручикъ Мельгуновъ поставленъ начальникомъ оной. Мельгуновъ сдѣлалъ новое положеніе сему краю, которое стало извѣстнымъ быть подъ названіемъ „мельгуновскаго штата“. По оному Новая Сербія названа новороссійскою губерніею и Кременчугъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а крѣпость св. Елисаветы—провинціальнымъ городомъ. Изъ полковъ гусарскаго Хорватова и пандурскаго устроены два гусарскіе полка, въ 16 эскадроновъ каждый, подъ названіемъ желтаго и чернаго, и часть селеніевъ отдѣлена для составленія елисаветградскаго пикинернаго полка. Въ это-же время и Славяносербія сопричислена къ азовской губерніи и

полкъ тамъ гусарскій названъ бахмутскимъ гусарскимъ. Во время начальствованія Мельгунова начали переходить изъ Малороссіи и Польши малороссіяне и селиться въ селеніяхъ, сербами заведенныхъ, и сіи уже состояли подъ управленіемъ земскаго начальства. Чтобы сіи переселенія умножить, начали давать чины по числу выводимыхъ изъ заграницы семействъ, которыя водворялись въ гусарскихъ селеніяхъ. Отъ ротныхъ земель начали отдѣлять части и раздавать подъ населенія штабъ и оберъ-офицерамъ. Бравшіе таковыя земли шесть лѣтъ избавлялись отъ платежа поземельныхъ денегъ, а по прошествіи оныхъ взималось со всякой десятины по 2 1/2 к, и кто-бы могъ подумать, что столь малая плата заставляла всякаго убѣгать отъ пріобрѣтенія себѣ земли. Населять позволялось тогда выведенными изъ-за границы людьми, но никто, или очень мало разбирали земли, опасаясь, что ежели не залитъ оной, то чтобы не заплатить пени.

Въ 1769 году, при началѣ войны россіянъ съ турками, молдаване, притѣсняемые турками, начали спасаться бѣгствомъ съ своими семействами въ новороссійскую губернію. Въ это время поручено было Василію Степановичу Звѣреву поселить ихъ отъ Буга до Елисаветграда и изъ оныхъ составить молдаванскій гусарскій полкъ, котораго онъ, Звѣревъ, и былъ полковникомъ [1]).

Въ 1775 году войска, возвращаясь изъ Турціи, часть оныхъ была отряжена подъ начальствомъ генералъ-поручика Текели къ жилищамъ запорожскихъ козаковъ, которыхъ разбойничье скопище было уничтожено и вся ихъ земля присоединена къ новороссійской и азовской губерніямъ. При семъ случаѣ вторичная послѣдовала въ семъ краѣ раздача земель къ заселенію и дана льгота къ неплатежу поземельныхъ денегъ на 10 лѣтъ. Въ сіе-же время начали строить городъ Херсонъ, а потому и сія запорожская степь стала больше извѣстна быть подъ именемъ херсонской степи. По уничтоженіи сихъ козаковъ,

---

[1]) Маіоръ Звѣревъ (Лупулъ) поселилъ молдаванъ въ новороссійскомъ краѣ значительно раньше начала турецкой войны. См. Скальковскаго Хронологич. обозр., т. I, стр. 26. Ср. также «Опыт. статистич. опис.», его-же, т. I, стр. 253—254. Изъ выведенныхъ Звѣревымъ и Штеричемъ молдаванъ образованъ новокозачій полкъ, первымъ начальникомъ коего былъ полк. Адабашъ. Въ указ. сочиненіе смотри опредѣленіе границъ его поселенія.—*В. Я.*

Текели испросилъ у императрицы прощеніе сосланному въ Вологду генералъ-майору Хорвату, которому возвращено имѣніе и позволено жить въ своихъ деревняхъ.

Торжествующая Екатерина II, окончивъ славно въ 1774 г. войну съ Портою оттоманскою, наградила нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ сербской націи, со славою служившихъ на ратномъ полѣ, знатными помѣстьями въ Бѣлоруссіи. Въ сіе время новороссійская губернія ввѣрена была князю Григорію Александровичу Потемкину. Сей рѣдкаго ума вельможа сначала очень полюбилъ сербскую націю, любилъ изъ среды ея видѣть около себя, даже сопричислилъ къ тѣлохранителямъ великой Екатерины гусарскій эскадронъ, который весь составленъ былъ изъ сербовъ.

Полки желтый, черный, бахмутскій и молдавскій, которые прежде состояли каждый изъ 16 эскадроновъ, Потемкинъ раздѣлилъ на 6-ти-эскадронные и умножилъ число полковъ гусарскихъ, которые наименованы по провинціямъ, сербскимъ народомъ населеннымъ. Родились имена полковъ: сербскаго, славянскаго, иллирическаго, далматскаго, булгарскаго и пр., а сверхъ сихъ: волошскій, молдавскій, македонскій. Все сіе подавало мыслить, что вельможа сей мечталъ возстановить сербское царство.

Но посреди сего увидѣлъ онъ ссорящихся начальниковъ между собой (ссоры, происшедшія отъ зависти,— порокъ, которому по несчастію сербы подвержены); одному въ Бѣлоруссіи дали больше душъ, другому меньше, третьему ничего. Ни одинъ не хотѣлъ обдумать и порадоваться тому, что начали давать и что всѣмъ вдругъ пожаловать не возможно. Изъ зависти началась ссора, а отъ сей до ненависти шагъ, а потомъ родились доносы одного на другого. Князю Потемкину, до котораго все сіе доходило, наконецъ наскучило и онъ отъ сей толико несогласной націи отсталъ. Ко всему этому надобно было случиться, что генералъ-маіоръ Сем. Гавр. Зоричъ взошелъ у императрицы на ту счастливую степень, какой только можетъ смертный въ семъ мірѣ достигнуть, и сей Зоричъ не хотѣлъ себя ставить въ ровнѣ ни съ кѣмъ, не хотѣлъ помыслить, что ежели монархиня его съ удовольствіемъ видитъ его при себѣ, то не меньше ей и таланты кн. Потемкина нужны по государ-

ственнымъ дѣламъ, которыхъ въ Зоричѣ не видѣлось. Зоричъ не токмо все хотѣлъ равнымъ быть Потемкину, но показывалъ своимъ обращеніемъ, что онъ выше его, гордости былъ непомѣрной съ кн. Потемкинымъ, а ласки чрезмѣрной со всѣми россіянами, что составляло совершенную противуположность тому обращенію, которое князь имѣлъ съ русскими: онъ былъ противъ ихъ гордости непомѣрной, былъ неприступенъ. Натурально судя, что изъ сихъ двухъ особъ Зоричъ имѣлъ сердца всѣхъ на своей сторонѣ, а князю это все не нравилось. Екатерина, положа на вѣсы ихъ обоихъ, увидѣла, что для великости ея дѣлъ князя ей при себѣ надобно удержать, а посему Зоричъ отъ двора удаленъ. Послѣ сего имя сербовъ въ Россіи пало, хотя впрочемъ Зоричъ и не былъ великъ протекторъ своей націи.

Въ 1784 г. новороссійскую и азовскую губерніи, соединивъ во едино, назвали екатеринославскимъ намѣстничествомъ. Въ сіе время и селенія, до того носившія сербскія наименованія, переименованы большею частію по рѣчкамъ или урочищамъ, на которыхъ они поселены, или именами тѣхъ козаковъ, которыхъ хутора на тѣхъ мѣстахъ находились до прихода въ сей край сербовъ [1]). Напр. *Бечи* названа *Усовкою,* потому что тутъ былъ хуторъ козака *Усика, Сомборъ—Диковкою,* ибо козакъ *Дикъ* имѣлъ прежде на томъ мѣстѣ хуторъ. До прихода сербовъ въ сей край около Днѣпра начали было изъ Малороссіи и Запорожья становиться хуторами козаки, изъ которыхъ хуторовъ вышли: *Глинскъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ.* Итакъ лучше захотѣли сохранить память простыхъ козаковъ, можетъ быть разбойниковъ [2]), нежели оставить наименованія въ память народу, заселившему дикій

---

[1]) Здѣсь предложу имена сихъ селеніевъ: Бечи (Усовка), Варажданъ (Протопоповка), Глоговацъ (Косовка), Сомборъ (Диковка), Вершацъ (Нестеровка), Шолмошъ (Стецовка), Чонградъ (Андрусовка), Павлышъ остался при своемъ имени, Сланкамень уничтоженъ совсѣмъ и земля роздана помѣщикамъ, Глинскъ, Крыловъ и Крюковъ остались при своихъ именахъ. Глинскъ былъ штабъ-квартирой пандурскаго полку.

[2]) Что здѣсь предлагается, не есть наобумъ вырвавшееся заключеніе: тому служитъ доказательствомъ то, что Цвѣтинова балка, лежащая надъ столбовой дорогой между Крюковомъ и Александріей, носитъ имя запорожца, пропившаго свою одежду.—Авт.

край и тѣмъ сдѣлавшему важную отечеству услугу, не говоря уже о томъ, что сами служили со славою Россіи и дѣти ихъ служатъ съ рѣдкою приверженностью и мужествомъ [1]). Въ сіе-же время и полки гусарскіе въ русской арміи совершенно уничтожены, которыхъ мѣста заступили легкоконные подъ совсѣмъ другими именами. Отъ сего дворянство сербское, служившее всегда въ гусарскихъ полкахъ, разошлось по всей арміи. Впослѣдствіи дѣти сербскихъ господъ, живущихъ около Бахмута, имѣвшія случай служить при лицѣ государя Александра I, выпросили у него наименованіе ими заселяемаго мѣста славяносербскимъ уѣздомъ и устроеніе города Славяносербска. Дворянству Новой Сербіи остается переименовать Новомиргородъ Новосербскомъ, устроивъ въ ономъ уѣздъ, составить новосербскій гусарскій полкъ, въ который-бы кромѣ изъ сего уѣзда рекрутъ другихъ не давать, а дворяне сами войдутъ въ оный. Сверхъ сего всѣмъ селеніямъ возобновить бывшія сербскія имена, полки гусарскіе елисаветградскій и александрійскій также велѣть составлять изъ оныхъ уѣздовъ, изъ которыхъ они и прежде составлялись.

Когда Новая Сербія начала селиться, тогда здѣсь были большіе лѣса. Хорватъ строго воспрещалъ оные истреблять. Новые поселенцы не иначе могли строить, какъ плетеныя избы. Дальновидный Хорватъ часто говаривалъ: „лѣса должно беречь, они сгодятся для постройки кораблей“. Многіе сему смѣялись, и не мудрено: тогда плаваніе на Черномъ морѣ почиталось собственностью турокъ; никакая нація другая не смѣла лодочки въ сіе море показать. О Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ никто и помыслить не могъ. Но Хорватъ съ гусарскими усами и ментіей на опашку проникалъ тайны кабинетовъ. По удаленіи изъ Новой Сербіи Хорвата и когда начали сей край посѣщать полки, тогда примѣтнымъ образомъ начали истребляться сіи лѣса, ибо сверхъ

---

[1]) Авторъ нашъ, повидимому, совершенно упускаетъ изъ виду необыкновенную живучесть туземныхъ народныхъ названій урочищъ. Что касается услугъ сербскихъ колонистовъ, то онѣ непомѣрно раздуты, такъ какъ не одни-же сербы заселили Новороссію; полки ихъ, вопреки ожиданіямъ, были некомплектны, а оплачивались русскимъ правительствомъ весьма не дешево. См. Скальковскаго, Хрон. обозр., т. I, стр. 64.—*В. Я.*

того, что рубили оные для лагерей безо всякой пощады, но заводимыя въ лѣса команды полковъ, гдѣ проживая, строили обозы, выдѣлывая ложа ружейныя и другія полковыя потребности, а всего хуже было то, что нѣкоторыя команды дѣлали непозволительную продажу лѣса въ постороннія руки.

Главные въ Новой Сербіи лѣса суть: такъ называемая Чута, Великій Лѣсъ и Чёрный Лѣсъ. Въ сихъ лѣсахъ водились медвѣди, дикія свиньи, олени и козы [1]). Теперь сихъ уже не стало, но волки, лисицы и зайцы остались. Въ Чутѣ былъ стекляной заводъ, который послѣ уничтоженъ. Черный Лѣсъ былъ подаренъ князю Потемкину, которымъ онъ проданъ въ другія руки. Теперь Чута и Великій Лѣсъ подъ вѣденіемъ форшмейстера Лебедева, которому позволено продавать валежникъ и очищать лѣса. Справедливо то, что г. Лебедевъ слова „очищать лѣса“ приводитъ во всей силѣ въ исполненіе и продаетъ безъ пощады не валежникъ, а столѣтніе дубы и другое всякое дерево. Соблюдая нѣкоторый порядокъ, онъ доставляетъ казнѣ ничего не значущій доходъ въ сравненіи съ тѣми великими тысячами, которыя себѣ откладываетъ. Лебедевъ происходитъ изъ поповичей и имѣя родню у двора, у какой-то фрейлины комнатною дѣвкою, сего предстательства довольно было, чтобы его въ пять лѣтъ вывесть въ коллежскіе ассесоры за исправный присмотръ казенныхъ лѣсовъ и соблюденіе государственнаго интереса.

Мое мнѣніе: при сихъ лѣсахъ завести суконныя фабрики, и лѣсъ, продаваемый для пользы г. Лебедева, могъ-бы употребленъ быть для фабрикъ. Шерсть для суконъ могла-бы почти у воротъ фабрикъ покупаема быть, заведя для того ярмарки при оныхъ. Все сіе гораздо-бы больше принесло казнѣ прибыли, нежели продажа лѣсу. Напротивъ того, теперь вывозятъ шерсть изъ здѣшняго края на фабрики въ Великороссію и первый разъ платятъ за провозъ оной тѣ фабрики, потомъ другой разъ платятъ, доставляя оную въ сукнѣ для войскъ, въ семъ краѣ расположенныхъ; а учредя фабрики. по моему мнѣнію, около сихъ лѣсовъ, коммисаріаты могли-бы прямо изъ оныхъ получать на обмундированіе войскъ.

---

[1]) Въ Черномъ лѣсу и въ настоящее время довольно водится козъ, какъ намъ не разъ передавали; изрѣдка попадаются, говорятъ, даже олени.—*В. Я.*

Теперь, обращаясь къ описанію херсонской степи, на которой жили прежде запорожскіе козаки хуторами, имѣя конные заводы и малую часть рогатаго скота, не принесли никакой пользы государству, ибо главная цѣль была Россіи взять ихъ подъ свое покровительство, чтобы они защищали предѣлы имперіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Ожиданіе сіе не свершилось: запорожцы границы совсѣмъ не обороняля, а еще способствовали татарамъ проходить въ предѣлы Россіи, грабили Польшу и тѣмъ подавали поводъ къ частымъ непріятностямъ съ сосѣдственными державами. Сіи тунеядцы любили себя больше всего, грабежемъ обогащались и полагали совершеннымъ себѣ счастіемъ то, что могли въ пьянствѣ и разныхъ буйствахъ безпрестанно обращаться. Сіе скопище разбойниковъ, какъ выше сказано, было въ 1775 г. отдѣльнымъ корпусомъ войскъ уничтожено, главный ихъ городъ Сѣчь былъ обложенъ; взявъ Кошевого сего буйнаго общества и истребивъ разогнаніемъ онаго даже имя запорожскихъ козаковъ, земли, имъ принадлежавшія, розданы подъ заселеніе всѣмъ тѣмъ, кто пожелалъ оныя брать, и тѣмъ содѣялась пространная область полезною государству [1]). Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому при 200,000 десятинъ земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 десятинъ земли заселены 3,000 душами и наслѣдниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ ассесоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ на откупу соляныхъ озеръ въ Таврідѣ. Такимъ образомъ Штиглицъ содѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто-бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ современемъ принадлежать жиду!..

Грунтъ земли на всей херсонской степи каменистъ, отчего хлѣбъ родитъ худо, а садовъ въ очень немногихъ мѣстахъ развести можно. Око нигдѣ не остановится здѣсь не токмо на какомъ либо лѣсу, но ни на одномъ деревцѣ. Огородовъ совсѣмъ нѣтъ и зелени никакой,

---

[1]) Данное сужденіе о значеніи Запорожья и раздачи земель, ему принадлежавшихъ, тѣмъ, «кто пожелалъ оныя брать», сужденіе, очевидно тенденціозное, интересно для характеристики отношеній сербовъ и запорожцевъ.—*В. Я.*

что, однакожъ, приписываю я не землѣ, а лѣности жителей, ибо земля во многихъ мѣстахъ мною найдена удобною для огородовъ. Кажется, что здѣсь могъ-бы быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводимъ виноградъ, ежели-бы къ тому приложено было стараніе. Нѣсколько помѣщиковъ сдѣлали было опытъ и довольно удачный; у генералъ-поручика барона Бефвица въ садахъ виноградныхъ дѣлали уже и вино, но двѣ жестокія зимы истребили всю лозу, и хозяева, потерявъ охоту, перестали заниматься онымъ. Въ такомъ случаѣ потребно было-бы поощреніе правительства и не пренебрегать такую отрасль прибытку [1]), который со временемъ замѣнилъ-бы привозимое изъ Молдавіи вино, на что выходитъ изъ государства знатная сумма денегъ, а можетъ быть, выискались-бы и такія мѣста, которыя-бы дали подобное шампанскому, токайскому и другимъ рѣдкимъ винамъ. Примѣръ тому мы видимъ на Дону, гдѣ есть довольно хорошаго вина, но почва цымлянской станицы даетъ вино, которое не уступаетъ бургонскому лучшему вину.

Дикій камень, вынимаемый изъ земли на херсонской степи, служитъ для разныхъ построекъ и потому здѣсь всѣ живутъ въ каменныхъ домахъ, въ которыхъ лѣтомъ прохладно, а зимою чрезмѣрно холодно, и тѣмъ болѣе оный чувствуемъ, что когда хлѣбу неурожай, то и соломы для человѣка нѣтъ, и вырѣзываютъ отъ скота навозъ, который здѣсь называютъ кирпичемъ; лѣтомъ оный высушиваютъ на солнцѣ; на семъ кирпичѣ даже кушанье варятъ. Ограды домовъ также каменныя. Но все сіе строеніе имѣетъ видъ снаружи развалины, бѣдность обѣщающей, когда оное не обмазано. Между симъ камнемъ есть такого рода, который къ строенію очень удобенъ: онъ мягокъ и рѣжется даже ножемъ, можетъ выглаженъ быть найлучшимъ образомъ для строенія, но лѣность народа не позволяетъ употребить трудъ для сей обдѣлки, онъ находитъ болѣе удобства его класть кучею и промежутки залѣпить глиною.

---

[1]) Указомъ 30 апр. 1764 г. предоставлялось право безпошлинной торговли на 10 лѣтъ всякому, кто заведетъ въ Новороссіи виноградный садъ. Въ Елисаветградѣ и Крюковѣ заведены были даже казенные виноградники. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, Шмидта, херс. губ., т. II, стр. 143. — *В. Я.*

Кажется, правительство очень заботится о населеніи херсонской степи и ежели сіе сбудется, то скотоводство тогда уменьшится. Теперь отсюда идетъ много скота за границу, слѣдовательно тѣмъ дѣлается доходъ государству, а тогда оный или уменьшится, или вовсе прекратится. По моему мнѣнію, сію степь оставить при томъ населеніи, въ какомъ она теперь (1806 г.) состоитъ, котораго хотя и не въ большомъ количествѣ, судя по пространству земли, но однако-же довольно деревень разбросано. Ежели полагаютъ, что казна терпитъ отъ малости людей подушный сборъ, то можно наложить подать на землю и владѣлецъ оной можетъ оную заплатить, ибо земля ему даетъ прибыль скотоводствомъ, а поселенцы не будутъ въ силахъ выплачивать, ибо имъ нельзя будетъ тогда столько скота держать, а хлѣбъ рѣдко когда удается. Лѣта здѣсь, можно сказать, видятъ только май мѣсяцъ, а потомъ начинаются нестерпимые жары, которые, безъ помощи сильныхъ дождей, выжигаютъ все. Вотъ причина, отъ чего степь сію населяющіе жители не могутъ засѣваемымъ ими хлѣбомъ прокормиться, а довольствуются покупнымъ, изъ чего видно, что большое число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ. Зимы бываютъ здѣсь рѣдко жестоки, а обыкновенно слабы, за исключеніемъ однако-же зимы съ 1804 на 1805 г., въ которую погибло скота, особливо овецъ, великое множество, и то не лютости зимы приписать должно, а только тремъ днямъ марта мѣсяца, въ которые случились вьюги сильныя съ снѣгомъ, и въ которые погибло столько овецъ, что многихъ хозяевъ въ конецъ разорило, и сію потерю вообще не тысячами, а милліонами ставить должно. По окончаніи зимы, скотъ откармливается легко въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, потомъ, въ жары, начинаетъ худѣть, а съ половины сентября до декабря пользуется умѣренною теплотою и освѣженною травою. Впрочемъ, скотъ рѣдкую зиму бываетъ на сухомъ корму, а обыкновенно довольствуется подножнымъ кормомъ. Изъ всего мною сказаннаго видно, что сія земля вовсе неудобна для жительства людей, а для разведенія скота способна; но чтобы его лучше сберечь, надобно неминуемо имѣть загоны. Степь сія имѣетъ много волковъ, лисицъ и зайцевъ, а птицы всякаго рода въ великомъ множествѣ; нѣкоторыя изъ этихъ птицъ при началѣ зимы улетаютъ въ теплѣйшія мѣста и весною опять возвращаются. Въ прежъ-

нія времена водились здѣсь цѣлые табуны дикихъ лошадей, но теперь осталось ихъ мало. Степь херсонская вмѣщаетъ на себѣ многочисленныя стада (сіи стада называются здѣсь *отарами*) волошскихъ, большею частію, бѣлыхъ овецъ. Чудной сими овцами и почти не понятный ведутъ хозяева счетъ. Ежели отара тысячи двѣ или три, то является къ оной болгаръ [1]) въ пастухи, или *чабаны,* не соглашаясь никакъ служить за деньги, а вводитъ въ отару часть и своихъ овецъ, напримѣръ, въ тысячную отару ставитъ своихъ 500 овецъ, и тогда онъ съ хозяиномъ состоитъ въ половинѣ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ у чабана столько-же овецъ, сколько и у хозяина. Во все это время чабанъ держитъ на общемъ иждивеніи еще нѣсколько болгаръ для присмотру за овцами, держитъ пару или двѣ воловъ, которые везутъ для нихъ съѣстные припасы, держитъ 10 [2])...

Рѣки, сію степь протекающія, выключая Днѣпра и Буга, суть двѣ главнѣйшія: Ингулъ и Ингулецъ. Впрочемъ, всѣ другія рѣчки суть то текущи при сильныхъ дождяхъ и весною отъ талаго снѣга, то ничего (не) значущіе ручейки, на которыхъ заняты пруды и на оныхъ построены мельницы. Всѣ сіи рѣчки изобилуютъ разною мелкою рыбою.

По всей херсонской степи видны во множествѣ разсѣянные курганы, могилами здѣсь называемые; они суть насыпи, по обыкновенію древнихъ, надъ убитыми во время сраженія воинами. Ежели сіи курганы имѣютъ отъ того свое начало, то сильныя побоища долженствовали быть въ сихъ мѣстахъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ кургановъ поставлены каменныя статуи, изображающія мущинъ или женщинъ, грубой обработки. Не извѣстна причина, для чего сіи изображенія были выставлены: былъ ли это монументъ убитому, лежащему въ курганѣ, или народы, обитавшіе сію степь, покланялись сему истукану. Сіи курганы служили запорожцамъ маяками для польскихъ предѣловъ, ибо тогда не было на сей дикой степи дорогъ, а они добирались отъ кургана до кургана до желаемаго мѣста. Кажется, что всякій полякъ,

[1]) Сіи болгары заходятъ сюда изъ-за Дуная не для какого другого промыслу, какъ быть чабанами. — Авт.

[2]) Окончаніе фразы затеряно. — *В. Я.*

проѣзжая таковой курганъ, долженъ содрогнуться, видя предъ собой путеводителя, который нѣкогда доводилъ разбойниковъ до его отчизны, гдѣ сими неистовыми людьми предавалось все грабежу, насилію и мечу.

На степи херсонской во время сильныхъ снѣжныхъ зимъ бываетъ опасно при вьюгахъ проѣзжать оную и, потерявъ дорогу, неминуемая гибель должна послѣдовать. Кажется, сему можно бы помочь; по обѣ стороны прорѣзать рвы, которые бы были путеводителемъ до Херсона, Николаева и Одессы отъ стороны Крюкова. Обсадить сіи рвы деревьями можно-бы, и это бы было, кромѣ украшенія, и польза, но сіи деревья не уцѣлѣютъ, ибо мы видимъ, что проѣзжіе чумаки, для сваренія своихъ кашъ, рубятъ и версты, и за сіе остаются не наказанными. По моему мнѣнію, сію дорогу обсадить кустами бузины,— дерево, для топлива не способное, но цѣль, для которой посажена, была бы выполнена, и на таковомъ пространствѣ разведя, сколько бы цвѣту можно было бы собрать для аптекъ!

Ѣдучи по сей степи, видимъ во время сильныхъ вѣтровъ, осенью отрываемый бурьянъ, такъ называемымъ *перекати поле*, который съ чрезмѣрною скоростью перекачиваясь по необозримой равнинѣ, уподобляется вдали какому (sic) бѣгущему звѣрю, а иногда, поднимаясь вѣтромъ вверхъ, представляетъ большую летящую птицу. Сей травы суть два рода: одинъ называется *катранъ*, который весною простолюдины ѣдятъ въ великомъ числѣ и почитается кровочистительнымъ, а другой, *курай*, составляетъ, когда созрѣетъ, круглый кустъ колючей травы, которую верблюды ѣдятъ преимущественно всѣмъ травамъ. Оба же рода сей травы извѣстны здѣсь подъ именемъ *перекати-поле*. Сія трава нерѣдко сама себя приготовляетъ для топлива, заносима будучи въ какую ни есть глубокую лощину или водомоину, откуда уже вѣтромъ не будучи поднята, накопляется большою кучею; тогда живущіе по близости такого мѣста набираютъ *оную* для топлива въ домахъ.

Здѣсь кончается тетрадь; ниже слѣдующее воспроизводится по отдѣльнымъ листамъ, уцѣлѣвшимъ повидимому, не вполнѣ.

Здравый разсудокъ не дозволяетъ отыскивать въ архивѣ запорожскаго скопища какихъ либо записокъ о началѣ ихъ скопища, но нѣкоторые разсказы, отъ стариковъ мною слышанные и перешедшіе къ

нимъ по преданію старѣйшихъ изъ нихъ, здѣсь предложу. Натурально судя, нельзя за всѣ сіи бредни ручаться.

Начальное ихъ скопище произошло отъ небольшаго числа людей, приплывшихъ отъ Азова на плавкахъ (лодки они называли плавками) и основали свое жилище на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ теперешняго Херсона, назвавъ оное Алешками (Алешки теперь уѣздный городъ таврической губ), по имени Алексѣя, ими надъ собою поставленнаго начальника. Сіи Алешскіе жители, впослѣдствіи времени, раздѣлились на два именованія, хотя и составляли одно общество: живущіе въ Олешкахъ назывались *плавниками* и упражнялись въ рыбной ловлѣ, а живущіе по днѣпровскимъ плавнямъ и островамъ, лѣсомъ покрытымъ, именовались *пластунама*. Сіи пластуны занимались стрѣльбою звѣрей, тогда въ плавняхъ въ великомъ множествѣ бывшихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Херсонъ, владычествовала какая то дѣвица, по имени *Харсія*, надъ какимъ-то народомъ и имѣвшая войну съ какимъ-то царемъ, который ее покоривъ, истребилъ и полонилъ ея народъ, послѣ чего владѣнія Харсіи исчезли. Всего этого мы не находимъ ни въ какой исторіи и потому надобно считать за басню, ими выдуманную, или быль, разсказами изуродованную. Впослѣдствіи турки, или крымскіе татары, начавъ притѣснять олешскихъ жителей, то они оставили сіе мѣсто и перешли на правый берегъ Днѣпра, основавъ свое жилище ниже пороговъ и потому назвали себя *порожанами*, а впослѣдствіи *запорожцами*, главное же свое мѣсто наименовали *Сѣчью*. Здѣсь ихъ скопище начало умножаться изъ разныхъ мѣстъ приходящими, въ томъ числѣ найболѣе такими, которые содѣяли какое либо преступленіе.

Сѣчь раздѣлилась на четыре части, *пиріями* названныя. Каждая *пирія* состояла изъ 10 куреней, а каждый курень вмѣщалъ въ себѣ тысячу человѣкъ [1]). Курень былъ пространное строеніе. Весь городъ обнесенъ былъ валомъ; у *брамы*, или воротъ стража впущала только извѣстныхъ людей. Во всякомъ куренѣ оставалось до 200 че-

[1]) Число козаковъ, жившихъ въ куренѣ, разумѣется, сильно преувеличено. Что касается общаго числа куреней, то Скальковскій насчитываетъ ихъ 38. См. Ист, Н. Сѣчи. Ч. I. стр. 74.—*В. Я.*

ловѣкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *сиромахъ*, не имѣвшихъ ни какой собственности; они получали жалованье и провіантъ и должны были быть готовы, по первому востребованію, на службу, и потому сіи сиромахи назывались (?) регулярными воинами. Прочіе жили хуторами, зимовниками называемыми, гдѣ плодили скотъ и лошадей, и имѣли, смотря по достатку, другихъ бродягъ человѣкъ по нѣскольку для присмотру за скотомъ. Сихъ прислужниковъ не рѣдко хозяинъ зимовника вооружалъ, сажалъ на кони и отправлялъ грабить Польшу, дѣлясь добычею съ ними. О таковыхъ побочныхъ походахъ Кошевой и войско часто ничего не знали. Во время уже сего распорядка живущіе на островахъ всѣ остались при прежнемъ своемъ наименованіи *пластуновъ* и сверхъ звѣриной ловли завели многочисленныя стада свиней, которыя откармливались и до того одичали, что когда пріѣзжали купцы оныхъ покупать, то иначе не могли ихъ взять, какъ застрѣливъ. Нѣсколько изъ сихъ пластуновъ завели большіе заводы кошекъ, вмѣщаемыхъ въ выстроенныхъ сараяхъ и не токмо доставляли хозяину прибыль отъ продаваемыхъ ихъ кожъ, но еще и тѣмъ, что на нѣкоторой окрестности не смѣли появляться ни хори, ни . . . . . (*пропускъ въ подлинникѣ*); онѣ все это давили и приносили для корму своимъ дѣтямъ. Хозяинъ, снимая сіи кожи, продавалъ, а мясо бросалъ кошкамъ.

Запорожцы не забывали ограбленнымъ серебромъ, золотомъ и другими камнями украшать церковь въ Сѣчи и таковое окровавленное приношеніе полагали богоугоднымъ. Сія церковь соединяла въ себѣ неоцѣненныя богатства. Однихъ евангеліевъ, серебромъ украшенныхъ, считалось 30, въ томъ числѣ до 10 непомѣрной величины, изъ которыхъ, во время крестнаго хода, каждое едва поднимаемо было 4 человѣками; паникадилъ было 12 огромныхъ, серебряной оправы. Въ срединѣ города выстроены были дома кошевого, судьи и войскового писаря. Сверхъ сего, войсковая скарбница, въ которой хранилась войсковая казна и пушкарня, гдѣ были пушки. Всякая *пирія* имѣла свою скарбницу, гдѣ содержалась особая казна, принадлежавшая той пиріи.

Всѣ вообще запорожцы не имѣли женъ ни въ Сѣчи, ни въ зимовникахъ. Нѣкоторые, однакожъ, женились въ сосѣднихъ городахъ или деревняхъ и оставляли тамъ своихъ женъ. Были таковы, что женились въ раз-

ныхъ мѣстахъ по два и по три раза. Но сіе казалось прекращеннымъ по слѣдующему случаю. Одинъ козакъ, заѣхавъ въ мѣстечко Кропивное [1]), женился на племянницѣ своего кошевого, Григорія Калныша, и оставивъ жену у ея матери, уѣхалъ въ Запорожье, обѣщавъ скоро возвратиться. Мать долго ожидала, но не видя возвращенія, взяла дочь и отправилась къ своему брату въ Сѣчь. Сей случай заставилъ кошевого сдѣлать постановленіе, что всѣ тѣ козаки, которые пожелаютъ жениться, должны оставить свои хутора и поселиться деревнями, на рубежѣ полковъ Новой Сербіи. Таковыхъ деревень составилось пять, подъ названіями: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая и Желтая. Сіе постановленіе имѣло свое начало за 8 лѣтъ до истребленія Сѣчи, т. е. начали было умомъ жить, но поздно. Правда, что сіи заселенія умножалися такими людьми, которые изъ пикинерныхъ поселеній пожелаютъ, тогда запорожцы приходили вооруженною командою и брали ихъ съ семействами, называя своими родственниками и препровождая во вновь заводимыя свои деревни. Средство умножить такимъ образомъ число жителей было только извѣстно однимъ буянамъ-запорожцамъ.

На сей степи было довольно сайгаковъ или дикихъ овецъ. Старики помнятъ ихъ стада, покрывавшія сію степь. Разсказываютъ, что когда приходило время имъ ягниться, тогда стада приходили къ хутору и вблизи онаго останавливались до тѣхъ поръ, пока всѣ не токмо оягнятся, но и ихъ ягненки придутъ въ силу. Повидимому, они сближались къ людямъ для того, чтобы обезопасить себя отъ хищнаго звѣря, но въ мнимыхъ своихъ защитникахъ обрѣтали то, чего убѣгали: запорожцы оставляли ихъ въ покоѣ только до того времени, пока ихъ дѣти придутъ въ силу, и тогда начинали убивать старыхъ и малыхъ и тѣмъ отгоняли отъ себя такую скотину, которая, можетъ быть, современемъ содѣялась-бы домашнею. По замѣчанію старыхъ запорожцевъ, сайгаки удалились, невѣдомо куда, за годъ до истребленія Сѣчи и во весь сей годъ, подходя табунами къ зимовникамъ, производили нѣкій странный крикъ. Такъ заставляютъ запорожцы оплакивать паденіе ихъ войска даже и звѣрей.

---

[1]) М. Крапивное въ « » верстахъ отъ гор. Переяславля.—Авт.

Начало весны здѣсь прекрасно; вся равнина покрыта хорошей, изобильной травой, между которой разбросаны разнородные цвѣты; но сія пріятность едва до исхода іюня мѣсяца продолжается; тогда начинаются жары и теплые вѣтры, пожигающіе всю зелень. Трава изсыхаетъ, стада скота, съ весны на жирныхъ пастбищахъ утучненныя, начинаютъ худѣть и ежели осень отъ дождей и возвращеніе теплой погоды не поправитъ кормъ, то скотъ, входя въ зиму худымъ, нерѣдко производитъ падежъ. Таковый климатъ мы находимъ, по описаніямъ, въ дикой Аравіи, за то она и осталась необитаемою; но Россія, привыкшая превозмогать самое невозможное, приказала заселить сію степь. Народъ живетъ и бѣдствуетъ: новое доказательство, что сіи степи надобно-бы оставить для скотоводства, а не заставлять на оныхъ мучиться людей.

Всѣ жилища, и тѣ самыя, которыя уже по 20 лѣтъ заселены, кажутся по своей скудности какъ будто вчера на то мѣсто перенесенными. Многіе скажутъ: какъ-же заселили часть сей степи отъ Кременчуга до Елисаветграда? Да, заселили, но тамъ есть отчасти черноземъ, а большею частію песокъ, на которомъ кое-какъ хлѣбъ родится, а въ дождливое время и довольно хорошъ, а на Херсонской степи земли нѣтъ и на два вершка, а по (подъ) ней камень или известь, на которой, извѣстно, нельзя ни хлѣбу, ни садамъ быть [1]).

Сія-же степь опредѣлена судьбою была видѣть первыя заселенія жидовъ. Разсѣянные по всему міру, херсонская степь ихъ пріемлетъ въ видѣ хлѣбопашцевъ. Подъ ихъ деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пашутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не

[1]) Въ дѣйствительности глубина чернозема въ херсонской степи измѣняется отъ 4 вершковъ до 1½ аршина. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами ген. шт. А. Шмидтъ, херсонск. губ., I, стр. 112. Не будемъ оспаривать мнѣнія автора о малоплодородности степи, считая вопросъ о томъ исчерпаннымъ вполнѣ.—*В. Я.*

вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжести, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними кляузами займутъ всю честную бесѣду разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову не придетъ выпрячь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопашцами не будутъ никогда.

Этимъ исчерпывается все содержаніе „Примѣчаній на новороссійскій край“ А. С. Пишчевича. Изъ дневниковъ его за разные годы начала нашего столѣтія приводимъ ниже замѣтки, касающіяся состоянія новороссійскаго края и колонизаціи его.

„Дневная Записка на 1806 годъ“. 27-е іюня. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ черногорскій сердарь Никшичъ-Требашиничъ съ своею женою, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Онъ человѣкъ лѣтъ уже 60-ти, но здоровый, а женился на молодой россіянкѣ, бойкой и умной, и живутъ очень хорошо. Сердарь есть важный чинъ въ Черной горѣ, здѣсь едо переводятъ на полковничій, но что до того, а скажемъ, зачѣмъ зашелъ г. Никшичъ въ Россію. Извѣстно, что турки притѣсняютъ черногорцевъ въ ихъ землѣ, которымъ сіе притѣсненіе не дешево стоитъ, но не меньше непріятно въ такомъ сосѣдствѣ жить, вѣчно быть, такъ сказать, на караулѣ и въ готовности или убить, или самому быть убиту. Вотъ что побудило господина Никшича оставить свою отчизну, которому многіе его родные послѣдовали, числомъ до 100 душъ, и они вышли въ послѣдній годъ царствованія великой Екатерины; 12,000 десятинъ земли имъ отведено подъ поселеніе недалеко отъ Одессы [1]). Черногорцы съ древнихъ временъ были всегда приверженными Россіи и въ прошломъ году они всѣ при-

---

[1]) Разсказанное переселеніе черногорцевъ и герцеговинцевъ состоялось въ 1804 году; колонія ихъ названа славяносербскою. См. Опытъ статист. опис. новор.

сягнули въ вѣрности оной (?). Г. Никшичъ жилъ покойно на отведенной имъ землѣ, которую колонію умножить располагали многіе черногорскіе жители, но опредѣленіе въ начальники въ здѣшній край, и съ немалою довѣренностію, дюка-де-Ришелье все испровергло. Онъ не любилъ черногорцевъ, началъ ихъ притѣснять и изъ 12,000 десятинъ земли оставилъ имъ только 500, потомъ хотѣлъ ихъ обратить въ колонистовъ, тогда когда они суть всѣ дворяне. Сіи, натурально судя, писали въ свою отчизну о всѣхъ неудовольствіяхъ, какія съ ними повстрѣчались въ Россіи, и тѣмъ прекратился выходъ дальнѣйшій черногорцевъ. Изслѣдуемъ, какую отъ сего выгоду получаетъ дюкъ-де-Ришелье? Онъ, служа тайно Бонапартію на гибель Россіи, остуживаетъ ревность черногорскаго народа и всѣхъ единоплеменныхъ славянъ, живущихъ въ европейской Турціи, къ престолу русскому и тѣмъ помогаетъ вошедшимъ уже въ Далмацію французамъ къ одержанію поверхости надъ политикою русскою въ тамошнемъ краю.

25 октября. Теперь Кременчугъ наполняется жидами, которые, въ силу указа, должны оставлять шинкарство, и вздорожали всѣ съѣстные припасы до чрезмѣрности въ городѣ, и пока выдумаютъ, чѣмъ жить, принялись торговать деньгами; вся мѣдь и мелкія ассигнаціи въ ихъ рукахъ, и берутъ промѣнъ, какой хотятъ: теперь по 7 коп. съ рубля имъ платятъ. Ежели покупать въ лавкѣ, и купецъ, продавши рублей на десять, видитъ сторублевую или пятидесяти-рублевую ассигнацію, говоритъ, что нечѣмъ сдать, за неимѣніемъ сдачи, теряетъ свою прибыль, и товаръ лежитъ.

„*Записки Ал. Пишчевича на 1813 г., состоящія въ разныхъ письмахъ*“. *13 мая. Кривой Рогъ.* Въ Кривомъ Рогѣ вынимается аспидный камень плитами, изъ котораго выдѣлываются доски. Здѣсь-же въ землѣ выкапываютъ глину разныхъ цвѣтовъ. Можетъ быть современемъ будутъ дѣлать здѣсь фарфоръ, о которомъ таковаяже молва пронесется, какъ о саксонскомъ и др. Ровно прошло 30

кр, I, ст. 225. Сравни хронологич. обозр. ист. новор. кр. того-же автора, II, 164—165. Въ послѣднемъ сочиненіи число отведенной черногорцамъ земли показано то-же, что и у нашего автора, въ первомъ-же—всего 3800 десятинъ. Вѣроятно, цифра Пишчевича точнѣе.—*В. Я.*

лѣтъ, какъ я на семъ мѣстѣ былъ, тогда пустомъ и едва изъ нѣсколькихъ двориковъ состоявшемъ.

3 іюня. Обѣдать я остановился въ новопоселяющейся деревнѣ *Усвятъ*, при рѣчкѣ Громоклеѣ. Сія деревня составлена изъ трехъ націй: великороссіянъ, приведенныхъ изъ курской губ., малороссіянъ изъ полтавской и черниговской губ. и молдаванъ, изъ разныхъ мѣстъ сошедшихся. На ночлегъ пріѣхалъ я въ такъ называемую *Дворянскую* деревню, начало свое возъимѣвшую отъ того, что нѣсколько простыхъ, недостаточныхъ валаховъ, отправясь въ Валахію, у тамошняго дивана купили себѣ дворянское достоинство и, явясь опять въ Россію, начали жить, пользуясь новымъ своимъ титломъ, совершенно вольными людьми, не платя податей, не отбывая рекрутской повинности, и словомъ, ничего по земству, живучи на правѣ дворянъ. Такимъ образомъ вся Молдавія и Валахія перешли-бы сюда, содѣлавшись дворянами, ибо диванамъ сихъ княжествъ что до того, что простые мужики, заплативъ имъ щедро, становятся на ряду съ русскимъ дворянствомъ, лишь-бы они не были наравнѣ съ гордыми ихъ боярами. Такимъ образомъ 18 семей сихъ покупныхъ дворянъ, соединясь въ одно общество, купили эту землю, на которой я ночую, у помѣщика Сѣднева, въ числѣ 6,000 десятинъ, заплатя по тогдашнему дешевому времени по 95 коп. за десятину [1]). Земля сія удобна для хлѣбопашества, имѣетъ много сѣнокоса, дикаго камня для строенія, воду хорошую и довольно рыбы въ рѣчкѣ. Обстроивъ себѣ домы, завели довольно скота и мнили быть маленькими удѣльными князечками; люди были довольны своимъ состояніемъ, но чортъ стоялъ на бивакѣ и улыбался ихъ мнимому счастію. Началось тѣмъ, что правительство русское хватилось умножающемусь валахскому дворянству въ Россіи и потому потребовало вѣрныхъ документовъ на сіе титло, и всѣхъ тѣхъ, которые таковыхъ не

---

[1]) Не знаемъ, къ какому времени относится эта купля-продажа; судя по старинным купчимъ, которыя приходилось намъ видѣть, въ сѣверной части херсонской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія можно было купить 1500 дес. (не заселенныхъ) за 500 р., хотя, случалось, платили и по 3 р. за десятину; такая цѣна держалась и въ первые годы нашего столѣтія, но уже въ 20-хъ годахъ десятина стоила 10 р.—*В. Я.*

представятъ, велѣно обратить въ крестьянство. Натурально судя, они никакихъ доводовъ къ тому не имѣли и потому поступили въ тотъ классъ, изъ котораго выбраться стоило имъ и труда, и денегъ. За тѣмъ одинъ молдаванинъ продалъ свой участокъ въ 500 десятинъ по 1 рублю подполковнику Воропанову, который послѣ отнялъ у нихъ лучшіе покосы и выгоднѣйшія поля для посѣвовъ, отнялъ шинокъ и запрещалъ даже брать вино въ другомъ мѣстѣ.

4-го іюня. Кормить лошадей остановился я на станціи *Вшивой*, въ 20 верстахъ отъ Елисаветграда. Таковое неопрятное названіе получила она потому, что говорятъ, въ водѣ здѣшняго мѣста заводятся иногда насѣкомыя, похожія на вшей. Однакожъ, между сими животными заводитъ деревеньку секретарь Зеленый, служащій въ магистратѣ [1]).

„Записки Александра Пишчевича на 1815 годъ, состоящія въ разныхъ письмахъ“.

...При семъ нельзя умолчать о томъ, что мы не совсѣмъ безопасны среди своихъ домовъ: въ трехъ верстахъ отъ меня, въ лѣсахъ Золотаревскихъ, скопище разбойниковъ, отъ апрѣля мѣсяца скрываясь, служитъ ужасомъ сосѣдямъ своимъ. Сія шайка составилась изъ бѣглыхъ солдатъ, отданныхъ въ рекруты прошедшаго года, бывшихъ уже судимыми за разбой, но милостивымъ манифестомъ отъ наказанія прощенныхъ, а отданныхъ въ строй почтенныхъ воиновъ... Золотаревская шайка умножилась подговоренными ею-же другими рекрутами, и не безъ того, чтобы нить сего общества не простиралась и по селеніямъ, а особливо Золотаревкѣ. Лѣса, служащіе убѣжищемъ симъ людямъ, легко могутъ быть окружены и содержимы въ нѣкотораго рода блокадѣ, пока вся внутренность лѣса разыщется. Прошедшій разъ, когда начинщики сей шайки были пойманы, то открылась жилищемъ имъ пространная яма, дощанымъ засовомъ задвинутая, на который накоплено было не мало древеснаго листа. Съ весны первый набѣгъ они сдѣлали на домъ помѣщика Зенфирова, а на сихъ дняхъ ограбили помѣщиковъ Требинскаго и бывшаго у него въ гостяхъ Марковича, а

---

[1]) Старожилы, не безъ очевидной натяжки, производятъ это названіе отъ *вошивая* или *обшивая*: здѣсь *обшивали* военно-поселянъ.—*В. Я.*

потомъ тоже учинили въ домѣ г. Мефтедовскаго. Часть вещей, ограбленныхъ у сихъ господъ, найдены въ шалашѣ золотаревскаго баштана. Смертоубійствъ хотя еще и нѣтъ, но дѣло уже отъ того отстоитъ на одинъ шагъ. Удивительно, что полки насъ окружаютъ [1]), а не участвуютъ въ поимкѣ сихъ негодяевъ, а еще удивительнѣе дѣятельность земской полиціи.

---

[1]) Полки: саратовскій пѣхотный расположенъ въ александрійскомъ, а пензенскій пѣхотный въ елисаветградскомъ уѣздахъ.—Авт.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ.

Предлагаемая Записка заимствована изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ древняго малороссійскаго рода Сулимъ, обязательно сообщенныхъ намъ Т. В. Кибальчичемъ. Авторъ этой Записки Акимъ Семеновичъ Сулима былъ послѣднимъ генеральнымъ судьею Малороссіи и умеръ въ 1818 году, когда перестала существовать и должность, которую онъ занималъ, съ введеніемъ обще-имперскихъ учрежденій по проэкту Сперанскаго.

Содержаніе и назначеніе Записки объясняются въ слѣдующемъ заголовкѣ оной: „По второму Департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярскіе суммы“. Время-же представленія Записки значится въ слѣдующей помѣтѣ въ концѣ перваго листа: „2-го августа 1798 года послано при письмѣ къ его высокопревосходительству, господину генералу отъ инфантеріи, малороссійскому военному генералъ-губернатору, управляющему гражданскою частію малороссійской и кіевской губерній, Александру Андреевичу Беклешову“.

Имѣя, по видимому, очень ограниченное содержаніе, Записка Сулимы знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями особаго малороссійскаго суда въ послѣдніе годы его существованія; кромѣ того она проливаетъ свѣтъ на положеніе этого суда во времена весьма отдаленныя и открываетъ нѣкоторыя совершенно новыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія.

Во время правленія Малороссіею гетмановъ, для канцелярскихъ служителей войсковой генеральной канцеляріи и генеральнаго суда,

построенъ былъ особой домъ, подъ названіемъ: Курѣнь войсковый, гдѣ жили болѣе ста человѣкъ.

На содержаніе-жъ ихъ даны были отъ гетмановъ и высочайшими грамотами утверждены деревни, въ которые избираемые изъ ихъ самихъ посылались управители и всѣ съѣстные припасы доставляли въ курѣнь въ натурѣ; а предъ праздниками Рождества Христова и Воскресенія и наличные собираемые изъ деревень деньги, по росписанію генеральнаго писаря, или по препорученію его старшаго канцеляриста, раздаваемы были по трудамъ и способности каждому.

Которые-жъ войсковые канцеляристы могли имѣть содержаніе сами отъ себя, тѣ жили на нанимаемыхъ ими квартирахъ и на всемъ своемъ иждивеніи. А за то и за ревностную службу, какъ тѣ, такъ и живущіе въ куренѣ награждаемы были отъ гетмановъ чинами войсковыхъ товарищей, сотниковъ къ мѣсту, также къ мѣсту чинами полковыхъ старшинъ: хорунжого, асаула и писаря, а изъ знатнѣйшихъ фамилій—въ бунчуковые товарищи и полковые судьи.

Когда правленіе гетмановъ престало и на мѣсто войсковой генеральной канцеляріи учреждена малороссійская коллегія; то главнокомандующій въ Малой Россіи и президентъ той коллегіи, покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи всѣ собираемые тогда въ Малой Россіи въ скарбъ войсковый доходы, дѣлалъ отъ себя для тогдашнихъ въ Глуховѣ присудственныхъ мѣстъ, и во первыхъ для малороссійской коллегіи и суда генеральнаго, о секретаряхъ и канцелярскихъ чинахъ и служителяхъ штаты въ 766-мъ и 769-мъ годахъ, кои по разсмотрѣнію своему дополнялъ, и на конецъ 776-го года предложеніемъ коллегіи предписалъ производить годовое жалованіе противъ положеннаго въ высочайше конфирмованныхъ 763-го года штатахъ состоящимъ въ Москвѣ коллегіямъ и канцеляріямъ.

И въ слѣдствіе того по предписаніямъ коллегіи малороссійская скарбовая канцелярія отпускала жалованье.

ВЪ МАЛОРОССІЙСКУЮ КОЛЛЕГІЮ.

1 экзекутору	465 р.
3 секретарямъ каждому по	375 »
2 секретарямъ.	250 »
1 протоколисту	225 »
1 регистратору	200 »

1 актуаріусу . . . . . 200 р.
1 архиваріусу . . . . . 200 »
2 адвокатамъ каждому по . . . . . 120 »

Сихъ послѣднихъ должность состояла въ томъ, чтобы приносимыя отъ просителей апелляціи и частныя прозьбы прежде подачи просматривать и о исправности оныхъ подписью на нихъ свидѣтельствовать.

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

10-ти первой статьи по . . . . . 120 р.
11-ти второй . . . . . 80 »
23-мъ третьей по . . . . . 60 »
1-му вахмистру . . . . . 60 »
2-мъ истопникамъ по . . . . . 18 »
1-му переплетчику . . . . . 25 »

ВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЪ.

1-му экзекутору . . . . . 250 р.
2-мъ секретарямъ каждому по . . . . . 250 »
1-му протоколисту . . . . . 225 »
1-му регистратору . . . . . 200 »
1-му актуаріусу . . . . . 200 »
1-му архиваріусу . . . . . 200 »
1-му нотаріусу . . . . . 150 »
2-мъ адвокатамъ каждому по . . . . . 120 »

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

4-мъ первой статьи по . . . . . 120 р.
8-ми второй по . . . . . 80 »
10-ти третье по . . . . . 60 »
2-мъ истопникамъ по . . . . . 18 »

Каковы деньги въ то время, по дешевизнѣ всего, почитались за достаточные.

Какъ въ коллегіи, такъ и въ генеральномъ судѣ канцеляристы, за отдѣленіемъ въ помощъ протоколисту и регистратору человѣкъ по 15-ти, раздѣлены были по повытьямъ, которыхъ состояло отъ десяти до двенадцати, и въ каждомъ, кромѣ повытчика, было канцеляристовъ отъ 15-ти до 20-ти, а въ иныхъ и болѣе, въ которомъ числѣ человѣкъ сто было совершенно обучившихся и въ письмоводствѣ искусныхъ, имѣвъ съ нихъ многіе пособія къ тому отъ наукъ пріобрѣтенныхъ въ малороссійскихъ училищахъ.

Сіи сверхъ штата множайшіе служители на собственномъ пждивеніи, въ упованіи награжденія или одними чинами, или таковыми жъ къ мѣстамъ, по выше выраженному, и получали оные отъ коллегіи съ патентами на чины, по предложеніямъ главнокомандующаго.

На канцелярскіе жъ расходы, какъ-то: дрова, свѣчи, бумагу, сургучъ и протчіе положительнаго количества денегъ не было; но всегда при надобности требовано изъ скарбовой канцеляріи, которая требуемое количество денегъ и отпускала для покупки тѣхъ надобностей, съ записками въ книгѣ.

А для храненія въ коллегіи и генеральномъ судѣ дѣлъ и денегъ опредѣлялся достаточный караулъ изъ роты фузелерной, въ вѣдомствѣ коллегіи состоявшей.

При устроеніи губерній по высочайшимъ учрежденіямъ Малая Россія раздѣлена была на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую; а нѣкоторая часть Малой Россіи причислена и къ бывшей екатеринославской губерніи.

Когда же, въ силу всевысочайшаго его императорскаго величества 796-го года, ноября 30-го, указа Малая Россія возстановлена въ прежніе свои границы, и для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ возобновленъ малороссійскій генеральный судъ, съ раздѣленіемъ на два департамента, который прежде былъ средней инстанціи и состоялъ подъ апелляціею малороссійской коллегіи, а нынѣ по оному высочайшему указу состоитъ подъ апелляціею правительствующаго сената и есть дѣйствительно по части судныхъ дѣлъ на мѣсто той коллегіи; то при открытіи онаго вступили въ оба департаменты по родамъ всѣ дѣла нерѣшенные и не оконченные изъ бывшихъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, верхнихъ земскихъ судовъ, губернскихъ магистратовъ и верхнихъ расправъ губерній: кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской и части екатеринославской, всего изъ шестнадцати присудственныхъ мѣстъ, да сверхъ того въ первый департаментъ вступили дѣла изъ совѣстныхъ судовъ. Всего же вступило въ 1-й департаментъ уголовныхъ триста и слѣдственныхъ о преступленіи должностей 12-ть. А во 2-й департаментъ двѣ тысячи двѣсти сорокъ девять дѣлъ.

Въ сіе время, когда въ прежнихъ шестнадцати присутственныхъ мѣстахъ отписывали дѣла 16-ть секретарей, 16-ть протоколистовъ, 16-ть регистраторовъ, и въ каждомъ мѣстѣ не менѣе десяти—однихъ по штату состоявшихъ канцеляристовъ сто шестьдесятъ, осталось толикое число не оконченныхъ дѣлъ, и при таковомъ еще облегченіи, что дѣла цѣною ниже двадцати пяти рублей изъ нижнихъ мѣстъ въ верхніе на апелляцію не восходили.

А теперь въ оба департаменты генеральнаго суда вступили всѣ оные не оконченные въ палатахъ и верхнихъ мѣстахъ, и вновь вступаютъ дѣла во всякой уже, по праву книги: *Статутъ*, ценѣ по апелляціямъ на девяносто четыре присутственные мѣста, какъ то: 20-ть подкоморскихъ судовъ, 20-ть повѣтовыхъ судовъ, 26-ть городовыхъ магистратовъ и 28-мъ ратушъ: сверхъ того въ первый департаментъ вступаютъ изъ всѣхъ оныхъ судебныхъ мѣстъ всѣ уголовныя дѣла, заключающія въ себѣ преступленія, подвергающія подсудимыхъ къ лишенію жизни, лишенію чести и торговой казни, хотя-бы подсудимые мнѣніями нижнихъ присутственныхъ мѣстъ и были оправданы; къ тому-жъ вступаютъ дѣла о преступникахъ, не имѣющихъ совершенныхъ лѣтъ, принадлежавшіе прежде разбору совѣстныхъ судовъ; да въ оба департамента входятъ не только на тѣ 94 мѣста, но еще по жалобамъ и на 20-ть городничихъ, и на 20-ть нижнихъ земскихъ судовъ, и того на сто тридцать четыре присутствія. И уже съ открытія втораго департамента однихъ апелляціонныхъ, и по тѣмъ жалобамъ, противу коихъ требуетъ генеральный судъ объясненій отъ вышесказанныхъ подвѣдомыхъ ему мѣстъ, вступило двѣсти тридцать пять, не полагая въ то число тѣхъ жалобъ, кои при самой подачѣ разрѣшаются, и получаемыхъ къ выполненію и резолюціи отъ равныхъ мѣстъ сообщеній, а отъ подчиненныхъ рапортовъ, каковыхъ бумагъ во второй департаментъ донынѣ вошло три тысячи четыреста двадцать пять, и ежедневно не малымъ числомъ входятъ; а въ 1-й департаментъ таковыхъ-же бумагъ вошло 1686: уменьшенія-жъ сихъ въ оба департаменты входящихъ дѣлъ и бумагъ ожидать не можно, по тому найпаче, что въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ кромѣ дворянъ, разночинцевъ и священниковъ, болѣе милліона жителей въ одномъ подушномъ окладѣ состоитъ, разграниченія земель не было, а владѣнія по большой части въ каждомъ селеніи совмѣстные и чрезполосные нѣсколькихъ помѣщиковъ и многихъ козаковъ, также священно и церковнослужителей, имѣющихъ наслѣдственныя и покупныя земли.

Къ тому-жъ въ нынѣшнемъ генеральномъ судѣ производятся такія дѣла, которыхъ въ прежде бывшемъ не было, именно: въ 1-мъ департаментѣ слѣдственныя о преступленіи должностей, кои по обширнымъ матеріямъ и по не малому иногда въ одномъ дѣлѣ числу подсудимыхъ, требуютъ особаго секретаря и особой экспедиціи съ канцелярскими служителями; а во 2-мъ департаментѣ по записямъ изъ главнаго начальства государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, и по частнымъ просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ дворянамъ на закладываемыя ими въ банкъ имѣнія, часть сихъ дѣлъ отяготительна для канцелярій потому, что о благонадежности закладываемаго имѣнія надлежитъ соби-

рать отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ справки, и выправляться съ алфавитными бывшихъ гражданскихъ палатъ запретительными книгами; а по выдачѣ свидѣтельствъ не только въ своей губерніи, но и по всей имперіи, гдѣ письмо крѣпостей производится, писать о запрещеніи, при случаѣ-жъ разрѣшенія и объ ономъ, на что множество исходитъ бумаги и сургуча. А не меньше и на то, что сей судъ по получаемымъ всегда изъ всѣхъ губерній сообщеніямъ объ учиненіи запрещеній и разрѣшеній на имѣнія дворянъ, купцовъ и другаго званія людей, при займѣ ими денегъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія и казенныхъ палатахъ изъ выработанной преступниками суммы, или по подрядамъ и откупамъ, или-же по долговымъ къ нимъ частныхъ людей претензіямъ, о таковыхъ запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ пишетъ отъ себя здѣшней губерніи во всѣ повѣтовые суды, городовые магистраты и ратуши.

По симъ обстоятельствамъ малороссійскій генеральный судъ по обоимъ департаментамъ, изъ дознаннаго опыта, находитъ необходимымъ, для успѣшнаго производства вшедшихъ въ оной старыхъ, и особо вновь входящихъ во множествѣ дѣлъ, особливо. въ 1-й департаментъ уголовныхъ, по коимъ подсудимые со всей губерніи присылаемые въ Черниговѣ содержатся, во многомъ числѣ, въ одномъ острогѣ, и о скорѣйшемъ коихъ окончаніи послѣдовало строжайшее предписаніе, имѣть примѣрно прежде бывшимъ малороссійской коллегіи и генеральному суду:

ВО 2-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

1-го экзекутора.
2-хъ секретарей.
2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.
2-хъ протоколистовъ.
2-хъ регистраторовъ.
1-го актуаріуса.
1-го архиваріуса.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.
12-ть второй.
26-ть третьей.
1-го вахмистра.
2-хъ сторожей.
1-го переплетчика.

На канцелярскіе расходы 1,200 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ.

А ВЪ 1-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

2-хъ секретарей.

2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.

2-хъ протоколистовъ.

2-хъ регистраторовъ, съ коихъ одинъ сверхъ регистраторской отправлялъ-бы и экзекуторскую должность.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.

10-ть второй.

8-мь третьей.

1-го вахмистра.

2-хъ сторожей.

1-го перепетчика.

Да на канцелярскіе расходы въ годъ 600 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ, съ коихъ многіе производятся и по секрету.

При каковомъ штатѣ можно раздѣлить въ каждомъ департаментѣ канцелярію на 12-ть повытей, дабы были 10-ть въ уголовныхъ, а въ гражданскомъ департаментѣ для просителевыхъ дѣлъ, и въ каждомъ отправлялись дѣла двухъ повѣтовъ: два-жъ повытья учредить въ 1-мъ департаментѣ, одно для слѣдственныхъ дѣлъ о преступленіи должностей, а другое для поточныхъ дѣлъ; во 2-мъ-же департаментѣ одно для частныхъ интересныхъ дѣлъ, а другое для отписки при выдачѣ свидѣтельствъ въ вспомогательный банкъ, и чрезъ то избѣжать затрудненія и обыкновеннаго при множествѣ дѣлъ въ канцеляріи замѣшательства.

А высочайшимъ именнымъ 797-го года, декабря 18-го, изданнымъ указомъ изъ губернскихъ штатовъ обращены на содержаніе дворянства совѣтники и ассесоры палатъ, суды и расправы уѣздные и нижніе земскіе суды, съ канцелярскими ихъ суммами, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами и повивальными бабками, архитекторы и механики, и въ Малой Россіи, именно: генеральные судьи и совѣтники, и опредѣлена въ Малой Россіи ко взносу сумма 80,000 тысячъ рублей; но какъ въ генеральномъ судѣ на мѣстѣ ассесоровъ присудствуютъ депутаты, въ каждомъ департаментѣ по пяти, которые особое отъ дворянъ здѣшней губерніи получаютъ жалованье, въ годъ всякій съ нихъ по пяти сотъ рублей, а вмѣсто уѣздныхъ повѣтовые суды имѣютъ содержаніе отъ доходовъ, въ правѣ книги: *Статутъ* имъ позволенныхъ.

По Малороссійской-же губерніи всего въ расходѣ . 95,700 р.
въ которую сумму не полагая опредѣленнаго въ семъ-же указѣ для городничихъ съ канцеляріями ихъ отъ городовъ содержанія въ . . . . . 7,700 »
Да исключая содержаніе отъ короны губернскаго правленія съ прокуроромъ въ . . . . . 9,970 »
Казенной палаты въ. . . . . 10,770 »
И 20 повѣтовые казначейства въ . . . . . 18,760 »
Всего на сіи расходы . . . . . 39,500 »
На предписанные въ высочайшемъ указѣ для здѣшняго края изъ дворянской суммы расходы употребляется только . . . . . 40,500 »
Слѣдовательно изъ . . . . . 80,000 »
суммы остается безъ употребленія на тѣ расходы . . . 39,500 »

То изъ сихъ денегъ можно отдѣлить нѣкоторую часть на содержаніе вышеписаннаго штата малороссійскаго генеральнаго суда и тѣмъ удобнѣе, что покупаемою для расходовъ бумагою, при употребленіи оной на просителевы дѣла по исхожденію ихъ, взыскивая за каждый листъ по цѣнѣ гербовой по 30-ти копѣекъ, отпускаемая на расходы сумма можетъ выручиться съ превосходствомъ.

Сверхъ вышеписаннаго нужнаго штата генеральный судъ полагаетъ принимать къ дѣламъ благородныхъ людей, дабы они пріучались на пользу службы какъ судопроизводству дѣлъ, такъ и знанію законовъ въ семъ краѣ употребляемыхъ, а за то, что они будутъ служить на собственномъ своемъ иждивеніи, и по усмотрѣніи способности и прилежности ихъ, награждать, по прежнему обыкновенію, слѣдующими по линіи чинами преимущественно предъ тѣми, кои продолжаютъ служеніе съ полученіемъ жалованья.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Извѣстно, что малороссійская старшина довольно безцеремонно относилась къ праву собственности: захватывала недвижимыя имущества другъ у друга, грабила вдовъ и сиротъ, въ особенности-же доставалось меньшей братіи „черни“. Старшина разными мѣрами вынуждала у находившихся въ зависимости отъ нея простыхъ козаковъ запродажныя росписки не только на пахотныя земли и угодья, но даже на грунты. Понятно, что лишенный пристанища козакъ дѣлался нищимъ и попадалъ въ кабалу къ своему эксплуататору. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого печальнаго въ исторіи экономическаго быта Малороссіи явленія можетъ быть и помѣщаемый ниже ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ подначальнымъ ему сотникамъ.

Не смотря на неоднократные императорскіе указы, а затѣмъ гетманскіе универсалы и полковничьи ордеры, запрещавшіе старшинѣ скупать грунты у простыхъ козаковъ, она продолжала обдѣлывать свои темныя дѣлишки, такъ что прилуцкій полковникъ, что-бы пресѣчь злоупотребленія, угрожаетъ, какъ читаемъ въ ордерѣ, за каждое „упущеніе и послабленіе истязаніемъ (тѣлеснымъ наказаніемъ) и жесточайшимъ штрафомъ“.

Другіе два документа рисуютъ намъ простой и скорый порядокъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII вѣка.

Два селенія подаютъ просьбу въ гетманскую канцелярію объ опредѣленіи границы между ихъ землями; гетманъ посылаетъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Чуйкевича и поручаетъ ему разобрать споръ. Чуйкевичъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ и по опросѣ

понятыхъ „старинныхъ“ мѣстныхъ обывателей, ставитъ рѣшеніе (децизію) по праву даннаго ему гетманомъ полномочія, гетманъ же подтверждаетъ только своимъ универсаломъ постановленіе Чуйкевича.

Н. С—ко.

---

1. Ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана о нескупль козачьихъ грунтовъ малороссійской старшиной.

Ордеръ съ полковой прилуцкой канцеляріи панамъ сотникамъ полку прилуцкаго: полковому Степану Лукомскому, монастирскому Ивану Романовичу, ичанскому Андрею Стороженку, иваницкому Федору Свѣрскому, карабутовскому Самойлу Левандовскому, красно-колядинскому Петру Максимовичу, сребранскому Николаю Троцинѣ, варвинскому Димитрію Конѣскому да журавскому Федору Тарасѣвичу:

Сего декабря 23 въ указѣ ея императорскаго величества изъ войсковой генеральной канцеляріи написано: прошедшихъ де разныхъ годовъ неоднократно де отъ войсковой генералной канцеляріи во всѣ полки малороссійские, въ томъ числѣ и въ полкъ прилуцкий, о нескуплѣ козаковъ предлагаемо било, а особливо въ минувшомъ 1739 году, по состоявшому имянному, блаженыя и вѣчно-достойныя памяти, ея императорскаго величества, государинѣ Анни Іоанновны, самодержицы всероссийской, за собственною ея императорскаго величества рукою, указу накрѣпко запрещено, чтобъ отнюдь никто ни подъ какимъ видомъ не точию козаковъ, но и козачихъ кгрунтовъ завладѣвати и за собою закрѣпляти, впредъ до высочайшого ея императорскаго величѣства соизволения и указу на то не дерзалъ, да кромѣ де того, и сего 1741 году, по силѣ полученного изъ правительствующаго сената о прощении винъ полковника нѣжинского и полковой старшини, и кои 736 и 734 года кгрунта у козаковъ покупили, и о возвращении безденежно, и о не скуплѣ впредъ во всей Малой Россіи, въ противность указамъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ.

Указами изъ войсковой генералной канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые изъ сотниковъ, въ отмѣнность оныхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ, паки дерзали изкупивъ козаковъ у подданство себѣ привращати, въ чомъ на нихъ въ войсковую генералную канцелярію и жалобы произойшли, почему отъ генералной войсковой канцеляріи изслѣдовати велѣно, и по изслѣдованіи де безъ достойного штрафа винному никакъ оставлено не будетъ; но дабы иногда

таковыхъ весма предосудителныхъ, въ отмѣнность ея императорскаго величества указовъ, поступковъ и въ другихъ местахъ паче чаянія происходить не могло, того ради велѣно тѣмъ ея императорскаго величества указомъ, дабы такъ полковая старшина, яко и сотники, по силѣ оныхъ запретителныхъ о томъ высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, всеконечное и безъ сысканія и малѣйшия отмѣны чинити исполнение, и того требовати подъ опасениемъ за какое-либо въ томъ упущение или послабление истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того той состоявшійся подтвердительный о томъ указъ вездѣ по всѣмъ полку прилуцкэго сотнямъ опубликовати, и о полученіи и исполненіи прислати въ оную войсковую генеральную канцелярію репортъ, а особливо въ слушаніи и исполненіи оного такъ полковой старшинѣ, яко и сотникамъ подписатся, и тѣ подписки прислать въ генеральную войсковую канцелярію немедленно.

Того ради сего числа, по содержанію оного ея императорскаго величеетва указа, опредѣлено въ прилуцкой канцеляріи послати во всѣ полку прилуцкого сотнѣ къ сотникамъ настоящимъ и наказнымъ, такожъ и сотеннымъ старшинамъ сей ордеръ, найкрѣпчайше напомянуть, дабы они по силѣ запретителныхъ о томъ ордеровъ, всеконешне, безъ всякія и малѣйшія отмѣны, чинили исполненіе и того, яко настоящіе сотенные командири, сами они перестерегали, подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ упущеніе и послабленіе самимъ имъ истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того сей состоявшій подтвердительный о томъ ордеръ вездѣ по всѣмъ сотенъ своихъ селамъ и деревнямъ публиковати, о полученіи и о исполненіи, вмѣсто репорта и отрепортованія о томъ въ генеральную войсковую канцелярію, на семъ ордерѣ подписатся, а особливо о слушаніи и исполненіи оного, такъ настоящимъ, яко и наказнымъ сотникамъ и сотеннимъ старшинамъ на сообщеной при семъ ордерѣ подписки подписатись должно, и оный ордеръ, начавъ отъ полковой сотнѣ, во всѣ по ряду, списавъ съ оного точние копѣи съ нарочнимъ, промѣчая на ономъ, какого числа и часа полученъ ордеръ, въ другую сотню съ кимъ отправленъ будетъ, съ росписками отсылати, а отъ Журавки должно оный тожъ съ нарочнимъ сюда прислать. Данъ въ Прилуцѣ, декабра 24 дня, 1741 года.

На ордерѣ тако:

Григорій Galaganъ.

Полковий писарь Иванъ Александровичъ, канцелярістъ Григорій Леонтиевъ.

По указу ея императорскаго величества, мы нижеподписавшіеся полку прилуцкого полковники, полковая старшина, сотники и сотенная

старшина сею нашею подписею въ войсковую генеральную канцелярію обовязуемся, что ежели-бы имѣли мы сами козаковъ и ихъ кгрунта скупляти, кои указами ея императорскаго величества въ продажи и въ покупки воспящени, то должни подлежати неотмѣнно таковому штрафу, какой по указамъ ея императорскаго величества за такови скуплѣ положенъ. 1741 году декабра 29 дня.

(На копіи подписались полковникъ и вся полковая старшина).

Списано съ копіи. Н. С—ко.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о разграниченіи земель между жителями селъ Мартиновки и Рожновки.

Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ

Іоанъ Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского нѣжинскому, старшинѣ его полковой, а особливо сотниковѣ ивангородскому и всѣмъ войсковимъ и посполитимъ того полку обивателямъ и кому колвекъ, теперь и въ потомніе часи, вѣдати надлежатиметь, симъ нашимъ ознаймуемо универсаломъ: поневажъ заводъ мартиновскихъ жителей зъ рожнувскими о поля спорніи чрезъ немалій часъ трымае и не моглъ прійти до мирного окончанія, того ради мы нарочито посылали отъ боку нашего пана Александра Чуйкевича, знатного товариша войскового туда съ крайною волею нашею, для всеконечного размежованія тихъ поль, которіи увазѣ своей давнюю границу, высланними одъ покойного Василя Забѣли мижи ими мартиновцями и его тогда подданими рожнувцями составленную и концами въ розиску вираженними, у своихъ мѣстахъ лежачими, раздѣленную, узнавши быти за твердую и правдивую, обнови и въ первобитномъ составленіи оную быти подтверди, якое розграниченіе поля и на паперѣ, для лучшои въ потомніи часы крѣпости, велѣлисмо вписати, за симъ мы гетманъ тое его пана Чуйкевича пилное разсмотрѣніе и розмежованіе грунтовъ между мартиновцями и рожнувцями, давнихъ концовъ предреченнихъ поновою теперъ означенное, яко разсудили бити слушное и обомъ сторонамъ безобидное, такъ оное симъ нашимъ универсаломъ стверждаемъ, которою новагою пилно варуемъ и приказуемъ, даби тое розграниченіе, знаками въ розиску вираженими, оцирклюване и моцненне, зъ обоихъ сторонъ цѣло и твердо въ потомніе вѣки было содержано и нихто зъ старшини и чернѣ

оного нарушати не дерзалъ, а особливе, яко мартиновцѣ въ рожнувское поле вступати, такъ и рожнувцѣ въ мартиновскіе грунта впиратися чрезъ Забѣлинскіе концы, теперь поновленіе, кажною мѣрою, подъ зарукою талярей двохъ сотъ и невступнимъ войсковимъ срогимъ караннемъ и винами правними, не важились, упоминаемъ. Данъ въ Глуховѣ въ канцеляріи нашей войсковой. Августа 5, року 1714.

М. П. Звишменованній гетманъ рукою власною.

---

2. Децизія или рѣшеніе гетманскаго уполномоченнаго по сему дѣлу Андрея Чуйкевича, подтвержденное универсаломъ Скоропадскаго.

Децизія.

Поневажъ одъ ясневельможного, его милости, пана гетмана сей розискъ узнанъ есть за слушній и подлугъ оного зуполное есть злеценіе учинить всеконечную границу межи полями мартиновскими и рожнувскими, яко листъ приватній егожъ панскій совершенно въ томъ мене информуетъ, теди властию одъ ясневелможного рейментара и добродѣя моего мнѣ данною розграничаю мартиновскіе и рожнувскіе поля концами небожчика пана Забѣли Василя вышеменованными, а теперь ново поновленними, а концямъ пана Івана Кераевскаго, товариша войскового, за дорогою къ ичанскимъ полямъ, на мартиновскихъ кгрунтахъ покопаннимъ нѣтъ мѣстце, потому, же рожнувцѣ своимъ противнимъ переораннемъ нивочтожили, ихъ озеро, противъ хойхи будучое, мартиновцямъ по прежнему приворочается, и же одъ первѣйшого въ Мартиновки поселенія надлежить и прислушаеть оное мартиновцямъ, безъ которого и прожити имъ невозможно, яко самого мѣстца положеніе виявляе, а що рожнувцѣ, впершись, на той сторонѣ, гдѣ озеро, поорали поле мартиновске, то до того орання однюдь вже не мають наймнѣйше интересоватися рожнувцѣ, понеже тое поле мартиновскимъ рукамъ досталось, подлугъ граничнихъ концовъ, одъ конца Забѣлиного узъ дорогу парафѣевску покоцанихъ до бугра противъ хойхи и по знаки граничніе и межовіе ичанскіе аж до Утки и озера за срѣбранскимъ шляхомъ. Звлаща же и Бусенко и Андрей Почотирко, старинни жители рожнувскіе повѣдали, ижъ за дорогою парафѣевскою противъ хойхи и за озеромъ межи кгрунтами мартиновскими и ичанскими нѣколи не мали себѣ кожной они рожнувцѣ части найменшои сѣнокоснои, черезъ тую теди границу ирклѣевскимъ жителемъ одъ молодого небожчика Забѣли составленную, а теперь повими концями одновленную и правними поступками укрѣпле-

ную, абы такъ мартиновци не вступали въ рожнувске поле и сѣнокоси, яко и рожнувцѣ абы наимнѣйше не впирались до мартиновскихъ кгрунтовъ, а не черезъ конци забѣлински, а не черезъ дорогу парафѣевскую до бугра, противъ хойхи, къ ичанскимъ полямъ границею оцирклiованнымъ до Утки и озера, пилно егожъ панскои велможности варую и неотступними правними винами и срогимъ войсковимъ караннемъ ствержданю. У Мартиновцѣ, іюля 19, 1714 року.

Александръ Чуйкевичъ, висланецъ рейментарскій.

Библіографія.

Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1884 г.

Приступая къ описанію мѣстечка радомысльскаго уѣзда Чернобыля, древняго Стрежева, авторъ счелъ нужнымъ рекомендоваться: «Военный человѣкъ въ отставкѣ, если владѣетъ смысломъ, не обезсиленъ немощами и не обремененъ частными своими или чужими дѣлами, не можетъ долго сидѣть, сложа руки и ничего не дѣлая, кромѣ удовлетворенія животныхъ потребностей. Онъ привыкъ къ походамъ и обозрѣніямъ, притомъ съ своей обычной точки зрѣнія: защиты и нападенія, разумѣется воображаемыхъ, но возможныхъ». Такимъ заявленіемъ начинаетъ свою книжку г. Л. П., очевидно свободнѣе владѣющій оружіемъ, чѣмъ перомъ. То оружіе, съ которымъ онъ выступаетъ на этотъ разъ противъ твердынь, «воображаемыхъ, но возможныхъ», не похоже на утонченную толедскую шпагу, какою маневрировалъ когда-то литераторъ Де-ла-Серда. Это тяжеловѣсная берданка, по правдѣ сказать, совершенно напрасно захваченная авторомъ въ свою экскурсію. Въ его маленькой книжкѣ ужасно много полемическаго задора. Дымъ отъ выстрѣловъ застилаетъ Чернобыль и мѣшаетъ ясно видѣть его очертанія... Между тѣмъ точныя и обстоятельныя описанія отдѣльныхъ поселеній и мѣстностей нигдѣ не могутъ быть такъ желательны и умѣстны, какъ въ юго-западномъ краѣ, живущемъ по старому, безъ земскихъ учрежденій и гласнаго обсужденія дѣлъ, гдѣ всѣ свѣдѣнія объ общественной и экономической жизни не выходятъ еще изъ стѣнъ канцелярій. Но къ такимъ описаніямъ менѣе всего примѣнительна воинствующая манера. Авторъ дѣлается мало убѣдительнымъ, когда, напримѣръ, въ вопросѣ о еврейскомъ вліяніи въ краѣ ставитъ въ вину евреямъ даже празднованіе субботняго дня (стр. 29), или въ сравнительномъ благосостояніи еврейскаго населенія Чернобыля подозрѣваетъ участіе Aliance Israelite. Строгость къ евреямъ вообще у

него большая. Единственнаго любезнаго отзыва удостоиваются у него сыны Израиля за форму своихъ могильныхъ памятниковъ, «удобныхъ для постройки брустверовъ», между тѣмъ какъ «круглыя» (?) надгробныя сооруженія христіанъ, по его отзыву, не годятся для этой цѣли. Предвзятыя точки зрѣнія вносятъ путаницу во многихъ мѣстахъ описанія мѣстечка и его жизни. Такъ, разсказывая о чернобыльскихъ раскольникахъ, г. Л. П. заявляетъ, что они зажиточнѣе и развитѣе по уму, чѣмъ мѣстное православное населеніе и объясняетъ это обстоятельство «нѣкоторыми удобствами опеки и контроля офиціальности, а съ ней лишнихъ издержекъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ». И рядомъ, тутъ-же, дѣлаетъ изумительный выводъ, что *«поэтому* раскольники большею частію грамотны, не имѣя офиціальныхъ училищъ и обходясь безъ инспекторовъ, окружныхъ и сельскихъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи евреямъ, которые также почти всѣ грамотны, не имѣя офиціальныхъ училищъ и строгаго инспекторства надъ ними».

Тамъ, гдѣ замѣчанія автора подкрѣплены фактами, съ нимъ нельзя не согласиться. Таковы его выводы объ общихъ сторонахъ нашего духовенства, объ его сословной обособленности, о взглядѣ на церковь, какъ на источникъ дохода, и происходящей, вслѣдствіе этихъ причинъ, офиціальности отношеній между духовенствомъ и мірянами, не существующей у раскольниковъ и иновѣрцевъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Л. П. объ одномъ учрежденіи, тѣсно примыкающемъ къ церкви, но существующемъ помимо мѣстнаго духовенства: «при ильинской церкви существуетъ православное братство, самое давнее въ губерніи, учрежденное еще въ то давнее время, когда въ нашемъ краѣ духовенство болѣло съ народомъ общими болѣзнями и сохранившееся чудесно до нашихъ временъ, благодаря именно тому, что учреждено не по теперешнему типу братствъ или приходскихъ попечительствъ, обреченныхъ, подъ предсѣдательствомъ и завѣдываніемъ приходскихъ священниковъ, на служеніе духовному сословію, а по давнему обычаю обречено на служеніе самому православному чернобыльскому обществу, подъ предсѣдательствомъ и распоряженіемъ избраннаго обществомъ цихмистера, которымъ въ настоящее время состоитъ крестьянинъ Стефанъ Зозуля, завѣдующій имуществомъ братства и капиталомъ въ 2000 рублей. Имущество и капиталъ братства не смѣшиваются съ церковными суммами, коими распоряжаются консисторія и благочинные. Главное дѣло этого оригинальнаго братства—погребеніе мертвыхъ, даровое для бѣдныхъ и съ пожертвованіями для богатыхъ». Полнаго сочувствія заслуживаетъ также выражаемое г. Л. П. желаніе скорѣйшаго законодательнаго урегулированія положенія владѣльческихъ мѣстечекъ, подобныхъ Чернобылю,

или уничтоженія, напримѣръ, такой аномаліи, какъ устраненіе старообрядцевъ отъ выборовъ въ мѣстечкѣ, лишающее ихъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Объ этихъ старообрядцахъ (безпоповцахъ и поповцахъ) авторъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія. Онъ опустилъ только исторію ихъ поселенія въ Чернобылѣ, о чемъ нѣкоторыя данныя могъ найдти въ «Архивѣ юго-западной Россіи» (ч. V, т. I). Подобно основателямъ «Вѣтки», они бѣжали отъ притѣсненій въ своемъ отечествѣ и поселились во владѣніяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, на правахъ «вольныхъ плебеевъ». Сохранился и договоръ ихъ съ графомъ Яномъ Ходкевичемъ, на основаніи котораго они поселились въ Чернобылѣ, нѣсколько раньше 1772 года.

Помимо указанныхъ слабостей, книжка г. Л. П. представляетъ довольно обстоятельный сводъ по исторіи, топографіи и экономической и общественной жизни Чернобыля. Она много выиграла-бы отъ устраненія «элемента борьбы», красной нитью проходящаго черезъ всю книжку и доходящаго до единоборства... съ правильною русскою рѣчью. Ревнителю русскихъ интересовъ въ краѣ, какимъ безспорно оказывается г. Л. П., нельзя говорить: «онъ былъ женатъ съ Софіею Кмитовой», «препятствовавшихъ его волокитству онъ трактовалъ пулею», или «теоретическая забота четырехъ въ дѣйствительности сводится на ничто», и т. под. Если, по приведенному уже заявленію г. Л. П., онъ «не можетъ сидѣть, сложа руки», и литературной дѣятельности его суждено продолжаться, то нельзя не пожелать, чтобъ на устраненіе причинъ, вліяющихъ на достоинство его этимологическихъ и синтаксическихъ «построеній», была употреблена хотя нѣкоторая часть тягостнаго для него досуга.

В. Г—ко.

Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева. Харьковъ. 1883 г.

Оживленіе малорусской литературной производительности въ началѣ шестидесятыхъ годовъ выдвинуло группу поэтовъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась въ «Основѣ». Въ памяти многихъ остались имена Кузьменка, Руданскаго, Глѣбова, Кулика, талантовъ не яркихъ, но искреннихъ и слишкомъ рано покинувшихъ литературную сцену. Избравшій спеціальный родъ, Глѣбовъ оставилъ басни, успѣхъ которыхъ не исчерпанъ до сихъ поръ, Кузьменко—стихи и талантливую повѣсть, остальные—по двѣ-три пьесы, которыя не забудутся. Съ прекращеніемъ журнала, а потомъ и вообще появленія малорусскихъ книгъ, эти голоса замолкли.

Нѣсколько раньше названныхъ писателей выступилъ авторъ названной книги. Его имя можно встрѣтить еще въ «Молодикѣ» Бецкаго, а подъ малорусскими стихами стоитъ оно въ «Хатѣ», вызвавъ въ то время живыя надежды. Судьба удалила потомъ надолго г. Щоголева отъ литературнаго поприща и не дала развиться полнѣе его дарованію. Но и по вышедшему сборнику его пьесъ, малому зерну, которое онъ сберегъ для народной нивы, какъ-бы святыню сердца, его безспорно слѣдуетъ поставить во главѣ той группы поэтовъ, о которой говорилось сейчасъ.

Читатель, прежде всего, пріятно обрадованъ, встрѣчая поэта, сознательно стоящаго на художественной почвѣ. Вопросъ о тенденціозной и художественной поэзіи въ украинской письменности не можетъ быть, впрочемъ, вопросомъ. Разрѣшеніе его дано массою созданныхъ самимъ народомъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ чувствомъ красоты, т. е. идеала. Высокія идеи присущи высокимъ сердцамъ, какими не могутъ не быть поэтическіе таланты. Но силу поэзіи даютъ не идеи, а ихъ выраженіе, жизненность образовъ. Въ яркости образовъ, въ силѣ чувства и въ томъ особенномъ своемъ освѣщеніи, какое сообщаетъ предметамъ и мыслямъ духовный складъ поэта—все вліяніе и дѣйствіе поэтическаго дара. Насъ миновала, и да минуетъ впредь, борьба съ искусствомъ въ области самаго искусства, равно какъ и опытъ переложенія въ стихи передовыхъ статей. На этомъ полѣ копья ломаются до сихъ поръ, хотя сила здраваго смысла беретъ свое и назвать Пушкина праднымъ забавникомъ рѣшится теперь только безпредѣльно самоувѣренное невѣжество.

Г. Щоголевъ хорошо обдумалъ свои поэтическіе рессурсы и хорошо овладѣлъ ими. У него есть качество важное для писателя и не часто встрѣчающееся: правильное сознаніе своихъ силъ. Нѣтъ пьесъ рефлектирующихъ, нѣтъ тенденціозной поэзіи и нѣтъ также, скажемъ вскользь, достающихся дешево переводовъ русскихъ поэтовъ. Истинная сфера его творчества—небольшая картинка, типъ, проявленіе какого либо чувства, все согрѣтое сильнымъ лиризмомъ; краски его всегда народны, и муза не покидаетъ степи, лѣса, хаты и поля.

Таковы его описательныя вещи. Но встрѣчаются у него стихи и иного порядка. Господствующій тонъ тѣхъ немногихъ пьесъ, гдѣ онъ открываетъ свой собственный душевный міръ—глубокая скорбь. Нетронутая, чистая природа, простой, старый, вольный строй жизни, любовь къ ближнему, сочувствіе страданью и бѣдности—таковы поэтическіе завѣты, съ какими онъ вышелъ въ міръ. Жизнь изломала и разбила сны юности, разъувѣрила въ чистыхъ надеждахъ, отняла все дорогое,

оставивъ на днѣ души горькій осадокъ. Свѣтъ подернулся въ глазахъ его дымкой лжи и грязи и міровоззрѣніе поэта доходитъ до пессимизма.

Этихъ, проникнутыхъ скорбью пьесъ, не много въ книгѣ («Струни», «Степъ», «Вітрові», «Покій», «Січа», «Годинникъ», «Пляцъ», «Тестаментъ»). Какъ тѣ люди, которые умѣютъ хоронить свою скорбь и не открываютъ первому встрѣчному свои душевныя раны, поэтъ предпочитаетъ разсказывать о чемъ нибудь другомъ и рисуетъ оттѣненныя лиризмомъ, живыя картинки жизни. И по выдержанности и по формѣ это лучшія вещи въ сборникѣ. Самыя свѣтлыя между ними относятся, конечно, къ раннему времени, къ молодой порѣ. Такія пьесы, какъ «Безрідні», «У полі», «Шинокъ», «Розцвіла червона квітка надъ водою», «Хвороба», «Колядка», «Весна» и еще двѣ-три, по своей граціи и задушевности, могутъ быть названы безукоризненными. Мѣткостью стиха и своей изящной сдержанностью онѣ должны-бы, безъ сомнѣнія, нравиться въ народной средѣ, если-бы книги чаще и легче проникали въ хату. Доказательство, впрочемъ, на лицо: пьеса «У полі» невѣдомыми путями проникла въ народъ и поется кое-гдѣ, какъ пѣсня, утративъ, по обыкновенію, при такомъ переходѣ, самую память объ авторѣ.

Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ стихотвореній рисуются типы труда и трудящагося люда («Ткачъ», «Косарі», «Будинокъ», «Могильщики»). Эти пьесы заставляютъ вспомнить невольно Пьера Dupont. Извѣстная аналогія пріемовъ производитъ сходство въ формѣ и, читая пьесы этого рода въ книгѣ г. Щоголева, не разъ вспоминаешь знаменитое начало пѣсни «Les ouvriers»:

Vous, dont la lampe le matin,
Au clairon du coque se rallume!..

Въ этихъ пьесахъ и въ балладахъ («Поминки», «Рыбалка», «Лоскотарки») авторъ чрезвычайно умѣстно и счастливо вводитъ живописныя старинныя выраженія, народныя названія растеній и принадлежностей ремеслъ,—слова столь образныя, что подъ ихъ звукомъ какъ-бы чуется самый предметъ. Баллады г. Щоголева очень картинны и ничѣмъ не уступятъ лучшимъ произведеніямъ этого рода у Алексѣя Толстого или Полонскаго.

Авторъ «Ворскла» чистѣйшій лирикъ. Его дарованію совершенно чужды ноты сарказма или дидактическій тонъ. Пьесы съ этимъ оттѣнкомъ («По закону», «До бурсаківъ», «Швець», «Якось намъ солі не стало на страву») совершенно ничтожны и лишни и нарушаютъ своей дисгармоніей цѣльное впечатлѣніе книги. Таковъ-же «Покинутый хутіръ»,

съ его странною скорбью о разоренномъ дворянскомъ гнѣздѣ, менѣе всего умѣстною послѣ этихъ строкъ вступительной пьесы «Струни»:

Не тобі я, добродію,
Сытый та щасливый,
Друковатиму мій гомінъ
Щирый и мисливый.

Щобъ тобі его утямить,
Щобъ зъ нимъ одружитись,
Треба знову безъ сорочки
На світъ народитись...

Въ пьесѣ, которую можно-бы назвать «Видѣнье въ зеркалѣ», поэтъ очень образно рисуетъ судьбу народа въ родной слободской Украйнѣ. Только манерность нѣкоторыхъ куплетовъ нарушаетъ впечатлѣніе, также какъ въ стихотвореніи «Келихъ», гдѣ употребленіе техническихъ словъ доведено до излишества и ими совсѣмъ задавленъ поэтическій замыселъ вещицы. Подобныя отступленія у г. Щоголева, впрочемъ, не часты, и его надо причислить къ поэтамъ—строгимъ къ себѣ, совершенно справедливо взвѣшивающимъ не только каждое слово, какъ надо дѣлать въ прозѣ, но и каждый звукъ.

Въ этихъ семи десяткахъ стихотвореній видѣнъ прирожденный поэтъ. Если онъ не настолько силенъ, чтобъ заставить подражать себѣ, то самъ безспорно не подражаетъ никому, и въ украинской поэзіи его имя не будетъ забыто.

В. Г—ко.

Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. В. П. Жуковскаго. Кіевъ. 1884 г.

Два слова объ этой книжонкѣ мы скажемъ не съ цѣлью ея разбора. Будучи продуктомъ рыночной литературы, она таковому не подлежитъ. Мы хотимъ выразить только изумленіе, какъ съ такимъ умственнымъ багажемъ можно являться, хотя-бы и на рынкѣ. Никогда не встрѣчалось намъ ничего болѣе тупого и плоскаго. Прародители всѣхъ этихъ русскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и иныхъ сценъ: гг. Горбуновы, Вейнберги, Лейкины, въ сравненіи съ г. Жуковскимъ, кажутся гигантами. А онъ увѣряетъ насъ, что рисуетъ бытъ классической страны юмора, гдѣ насмѣшливая нотка проникаетъ рѣчь всякаго, отъ малаго ребенка до дряхлаго старика... Каждый изъ этихъ разсказовъ и сценъ производитъ

впечатлѣніе, какое вызываетъ въ обществѣ сказанная кѣмъ нибудь тупая пошлость, которой смѣется одинъ разсказчикъ, при гробовомъ и сострадательномъ молчаніи слушателей.

Г. Жуковскій не читалъ, конечно, ни Гоголя, ни Квитки. Но чтобы знать, что такое малорусскій юморъ, ему стоило прислушаться только къ народнымъ разсказамъ или заглянуть въ печатные ихъ сборники. У него отпали-бы тогда какъ охота издавать свою книжку, такъ и желаніе взимать за свое остроуміе по 25 копѣекъ.

Онъ не знаетъ, конечно, что многія произведенія нашихъ писателей суть ничто иное, какъ записанные изъ устъ народа разсказы и что еслибъ дать себѣ трудъ записывать остроумную болтовню деревенскихъ балагуровъ, то составилась-бы библіотека, подъ которой, какъ соръ, затерялись-бы книжки, подобныя издѣлію г. Жуковскаго и его присныхъ.

На зарѣ малорусской письменности первые писатели, люди съ талантомъ, погрѣшили, присвоивъ нашему сельскому люду тупыя и дураковатыя черты. Это могло находить объясненіе въ эпохѣ, когда одинъ выходъ на сцену мужика казался уже дерзостью. Питомцы той традиціи, гг. Ващенки-Захарченки и tutti frutti, держались старыхъ преданій, но лишились уже старыхъ свойствъ: ума и веселости. Карающая Немезида расправилась по своему съ упорствующими до сихъ поръ псевдонародными гаерами и наградила ихъ глупостью, обезоруживающей негодованіе.

Г—ко.

Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.

Намъ доставлена книга, заглавіе которой мы привели. Авторъ оной, или только издатель, какъ догадываются нѣкоторые, видимо желаетъ самой широкой для нея публикаціи или-же разносторонняго разбора ея и обсужденія. Объ ней однако такъ много говорилось въ нашей печати, въ изданіяхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, что говорить вновь послѣ того, что всѣми было прочитано, значило-бы досаждать читателю и такъ сказать мозолить ему глаза тѣмъ, отъ чего, быть можетъ, онъ давно уже отвернулся. «Помочи, галстухи, перчатки, духи, помада, одеколонъ»..., слышите вы на каждомъ шагу, проходя мимо еврейскихъ лавочекъ и испытавъ уже, что это за товаръ, переходите на другую сторону, чтобы не слышать болѣе самыхъ зазываній. Подобное впечатлѣніе можетъ производить и широкая публикація, полученная названною нами книгою. Притомъ намъ вовсе чужда всякая публицистика и та внутренняя политика, которая широко разводится здѣсь на

девяти десяткахъ страницъ веленевой бумаги; мы имѣемъ дѣло лишь съ исторіею, притомъ мѣстною, а въ этой области еврейскому вопросу посвящено въ книгѣ всего три страницы. Намъ, слѣдовательно, говорить тутъ почти не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ оставить безъ вниманія и этого микроскопическаго явленія въ области нашей исторіи, хотя-бы для того, чтобы отмѣтить фактъ, камъ мало придается ей значенія въ рѣшеніи такого даже вопроса, который вписанъ въ нее слезами и кровію, и какъ подгоняются къ рѣшенію предвзятой задачи ея общія указанія.

Г. Демидовъ Санъ-Донато, или стоящій за его спиною иной авторъ хочетъ построить проэктъ равноправности евреевъ въ Россіи на двухъ страничкахъ изъ исторіи той обширной области, которой собственно и принадлежитъ вся исторія еврейства Россіи. И здѣсь впрочемъ онъ не сказалъ ничего инаго, кромѣ избитой и затасканной мысли, которую онъ проводитъ чрезъ всю исторію еврейства, что только-де религіозный фанатизмъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось жить евреямъ, въ соединеніи съ невѣжествомъ народныхъ массъ, былъ причиною и вѣковыхъ страданій евреевъ и тяжелыхъ, хотя совсѣмъ несправедливыхъ противъ нихъ обвиненій. И въ Польшѣ, и въ Литвѣ бѣдные еврейчики, по мнѣнію автора, послѣ тѣхъ страданій, отъ которыхъ они бѣжали сюда изъ Европы, старались честно трудиться въ отведенной имъ якобы единственной сферѣ торговыхъ занятій; но тутъ, послѣ люблинской уніи, произошелъ переворотъ во внутреннемъ строѣ польскаго королевства, который будто-бы измѣнилъ ихъ соціальное положеніе и внутреннюю организацію ихъ общинъ и испортилъ дальнѣйшую ихъ репутацію: усилившаяся на счетъ королевской власти шляхта гнала-де ихъ отъ себя, а мѣщанство стѣсняло ихъ въ торговлѣ, такъ что они несчастные по неволѣ стали въ положеніе ростовщиковъ и факторовъ, начали арендовать у праздной шляхты всякія статьи доходовъ и доведены были до такой крайности, что брали въ аренду самыя даже церкви... Понятно, что это вызывало месть и расправу народа какъ съ панами, такъ и съ жидами, но виноваты тутъ собственно паны, а имъ евреямъ отъ чегоже и не тѣснить тѣхъ, которыхъ всѣ тѣснили...

Въ томъ-же смыслѣ авторъ книги даетъ объясненіе происхожденію нынѣшней обособленности нашихъ евреевъ и кагальнаго ихъ устройства. Въ періодъ ослабленія въ Польшѣ и Литвѣ государственной власти, въ періодъ усиленія шляхетскаго произвола и необезпеченности личности, соединялись де люди въ разные общественные союзы, подъ названіемъ цеховъ, гильдій и братствъ, въ которые однако не принимались евреи, сама де шляхта организовалась въ крѣпкую, общественную и политическую группу; ну, и бѣдные, покинутые всѣми, еврейчики

соединились также въ свою отдѣльную ассоціацію, а когда литовскіе евреи соединились съ польскими, сталъ большой кагалъ, который существуетъ и доселѣ. Виноваты опять Польша, шляхта, цехи, братства, мѣщане и рядовые шляхтичи, но только не евреи; эти послѣдніе, тѣснимые всѣми, всегда уединялись въ сферу свободныхъ занятій, которыми пренебрегали другіе, въ томъ числѣ и въ ростовщичество, шинкарство и арендованіе церквей.

Одну только свѣтлую пору находитъ авторъ въ судьбѣ нынѣшнихъ русскихъ евреевъ, именно пребываніе ихъ подъ властію литовскихъ князей: тутъ евреи были вполнѣ свободны, равноправны, не обособлялись отъ остальнаго населенія, носили одинаковую съ нимъ одежу и мѣстныя даже фамиліи, какъ Шпакъ, Бородавка и пр. Авторъ только не упоминаетъ о томъ, что и отсюда за что-то выгнали евреевъ и подвергли конфискаціи ихъ имущество, а также—что они ухитрились снова втереться въ милость къ князю, ихъ изгнавшему и потомъ опять принявшему.

За что здѣсь, какъ и вездѣ, евреевъ гнали и преслѣдовали, авторъ не говоритъ, предполагая, конечно, всюду одну и туже причину—религіозный фанатизмъ и невѣжество окружавшей евреевъ среды. Только съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма и разсѣяніемъ невѣжества въ государствахъ Западной Европы наступила, по мнѣнію автора, для евреевъ эпоха мира и благоденствія, другими словами: только тамъ они забрали верхъ, гдѣ возобладалъ религіозный индифферентизмъ и космополитизмъ.

Все переданное нами изъ quasi историческаго очерка автора разбираемой книги не есть, конечно, никакая исторія и не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Голый и краткій перечень законодательныхъ мѣръ противъ евреевъ, общія фразы объ ихъ страданіяхъ, подтасовка и искаженіе общензвѣстныхъ историческихъ фактовъ не способны дать вѣрныхъ выводовъ и послужить правильному разрѣшенію еврейскаго вопроса. Для этого, кромѣ многаго другаго, прежде и болѣе всего нужна обстоятельная и правдивая исторія внутренней жизни самихъ евреевъ, ихъ отношеній къ другимъ частямъ населенія, ихъ занятій и способовъ жизни, ихъ идеаловъ общественныхъ и принциповъ нравственныхъ, ихъ вѣроученія и нравоученія. Все это обходится не только защитниками, но и обвинителями еврейства: у первыхъ нѣтъ для этого достаточно честности и мужества, у вторыхъ просто знанія. Внутренняя исторія еврейства, а также вѣроученіе и нравоученіе евреевъ составляютъ, можно сказать, кромѣшную тьму, а безъ ихъ разъясненія не возможно правильное сужденіе о томъ, что мы называемъ еврейскимъ во-

просомъ. Въ нашихъ рукахъ находилось обширное изслѣдованіе современнаго вѣроученія и нравоученія еврейскаго, принадлежащее лицу, которое посвятило этому труду 20 лѣтъ своей жизни. Авторъ этого неизданнаго сочиненія оставляетъ совершенно въ сторонѣ *Талмудъ*, какъ сборникъ самыхъ противорѣчивыхъ сентенцій и наставленій, изъ котораго съ полнымъ удобствомъ извлекаютъ обыкновенно доказательства *pro* и *contra* еврейства, но беретъ тѣ равносильныя нашимъ каноническимъ книгамъ изданія, которыя признаются въ нашемъ и заграничномъ еврействѣ священнѣйшими и важнѣйшими руководствами въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни, и по строгомъ и всестороннемъ ихъ разборѣ приходитъ къ заключенію, что это никакая вѣра и никакая нравственность, а лишь длинный рядъ правилъ и наставленій на всевозможные случаи практической жизни—относительно того, какъ обходить въ нихъ не только обрядовый, но и нравственный законъ и самаго Господа Бога. Нельзя, напримѣръ, давать деньги въ ростъ, но можно дать ихъ *единовѣрцу*, чтобы онъ купилъ и перепродалъ что-нибудь, и вообще на предметъ торговли, подъ видомъ помощи, а барыши или проценты придутъ подъ видомъ благодарности, и—нарушенія закона не послѣдуетъ. Нельзя обманывать, но для защиты и блага своего народа это не будетъ грѣхъ. Тяжкій грѣхъ еврею перейти въ христіанство, но если онъ будетъ полезенъ своимъ, онъ не исключается изъ ихъ общества. Нельзя *возжигать* огонь въ субботу, а слѣдовательно и ставить самоваръ, но можно, говоря громко: «Ахъ какъ-бы хотѣлось мнѣ напиться чаю»! въ полголоса прибавить, но такъ, чтобъ слышалъ тотъ, къ кому это должно относиться: «Иванъ, поставь самоваръ»... И эти книги во всеобщемъ употребленіи, по нимъ располагаетъ свою жизнь вся масса нашего еврейства, которая творитъ жизнь и... погромы. Вотъ что надо раскрыть и изучить, а не творенія великихъ философовъ, поэтовъ и разныхъ артистовъ изъ евреевъ. Нельзя не пожелать, чтобы было издано въ свѣтъ изслѣдованіе, о которомъ мы упомянули и котораго лишь обрывки остались теперь въ нашей памяти. Во всякомъ случаѣ оно послужило-бы первымъ шагомъ на томъ пути къ изученію еврейскаго вопроса, на который мы выше указали и который признаемъ единственно надежнымъ. Но авторъ онаго не имѣетъ средствъ для изданія. Не приметъ-ли на себя этого изданія г. Демидовъ-Санъ-Донато? Адресъ автора мы готовы указать.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЕВРЕЙСКІЙ ПЛѢНЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ 1770—1772 ГГ.

Въ недавно добытыхъ мною обрывкахъ архива „послѣдней“ Сѣчи Запорожской, я среди тысячи бумагъ, вполнѣ истлѣвшихъ и по неволѣ преданныхъ мною огню, отыскалъ еще много довольно любопытныхъ документовъ, особенно: *о гайдамакахъ, о войнѣ 1769—1774 годовъ, о сношеніяхъ Запорожья съ крымскими и ногайскими татарами, о торговлѣ съ Очаковомъ* и Польшею и проч. Между ними нашелъ я довольно любопытную переписку о „Еврейскомъ плѣнѣ въ Запорожьи“, которою желаю подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

Во время достославной Румянцевской компаніи противу турокъ и татаръ (1769—1774 г.), посланъ былъ, по волѣ главнокомандующаго, одинъ отрядъ запорожскихъ козаковъ на лодкахъ, подъ командою храбраго войсковаго старшины *Даніилы Третьяка*, къ устьямъ Днѣпра и Буга, для поисковъ противъ непріятеля, особенно близъ Очакова и Кинбурна. Эта „Низовая команда“ или „Пѣхота“, во время вылазки и преслѣдованія татаръ по берегу, захватила въ ногайскихъ степяхъ, въ октябрѣ 1770 года, часть табора крымскаго хана Крымъ-Гирея и въ немъ плѣнныхъ волоховъ и евреевъ, всего 673 души. Вѣроятно это былъ „ясыръ“, добытый татарами за Днѣстромъ, или въ польскихъ предѣлахъ, который они вели въ Крымъ, на продажу туркамъ. Въ числѣ плѣнныхъ было болѣе 100 евревъ съ женами и дѣтьми.

Походный Кошъ, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ: „кодакскому полковнику *Блакитному* „пригнанныхъ“ на Запорожье

кущовскимъ атаманомъ *Максимомъ Ротомъ* плѣнныхъ принять и размѣстить въ селеніи Паланки и ждать дальнѣйшихъ приказовъ. Но тутъ явился весьма щекотливый вопросъ: кто и чѣмъ будетъ кормить плѣнныхъ? ибо еще прежде сего было приведено въ Запорожье 1,300 волоховъ, освобожденныхъ тоже изъ татарскаго плѣну, во время поисковъ близъ Очакова. На счетъ христіанъ дѣло обошлось просто: имъ дозволено было оставаться въ запорожскихъ предѣлахъ, или-же удалиться за Днѣпръ, въ малороссійскія селенія [1]). Вслѣдъ за симъ отъ кошеваго съ походнаго Коша приказано: „такъ какъ повелѣно было, чтобы волоховъ распустить, а жидовъ отъ громады годовать, а иначе они всѣ съ голоду сгинуть, то полковнику кодакскому этому жидовскому народу харчевые припасы отъ поспольства отпустить съ запискою, сколько, какого числа, якихъ харчей или на то денегъ дано будетъ?“ Изъ документовъ видно, что для прокормленія жидовъ выдано проса 61 четверть, цѣною на 152 руб., и 58 четвертей муки.

Но евреи 25 октября просили кошевое начальство: что такъ какъ они, подобно волохамъ, не могутъ оставаться на жительство въ запорожскихъ предѣлахъ, а нуждаясь въ продовольствіи, отягощаютъ кодакскую громаду, то чтобы ихъ часть отпустили въ Польшу для добычи денегъ на „выкупъ“ ихъ изъ плѣна. Кошъ далъ приказъ войсковому старшинѣ Треть ку, какъ собственнику ясыра: „учинить въ командѣ своей о вышеписанномъ *консиліумъ* (совѣщаніе) и какъ у васъ о семъ положено будетъ, прислать къ намъ рапортъ.“ Третьякъ не медля отвѣчаетъ, что по опредѣленію всей *пѣхоты* (т. е. лодочной команды) рѣшено: отпустить 6-ть жидовъ въ Польшу для собранія денегъ на выкупъ и для ихъ конвоя назначенъ товарищъ кущевскаго куреня *Романъ Пашковскій*. Ордеръ походнаго Коша такъ любопытенъ, что мы списываемъ его буквально:

Г. полковнику кодацкому, Стефану Блакитному [2]).

„При опредѣленныхъ изъ Коша войска низоваго козакахъ, имѣете вы отбитыхъ пѣхотною запорожскою командою, при разбытіи

---

[1]) Мы полагаемъ, что эти волохи и молдоване были осадчими, т. е. основателями селенія «ВолосскіеХутора», въ 20 верстахъ отъ Екатеринослава.

[2]) Блакитный (błękitny, съ польскаго) голубой.

ханскаго обоза и ето ясыра, подъ Кинбургомъ жидовъ, если они находятся всѣ въ Новомъ Кодакѣ, собравъ, выбрать изъ нихъ шесть человѣкъ такихъ, которыхъ-бы здѣсь оставались жены и дѣти, либо родственники, а паче отцы, отпустить ихъ, съ посылаючимся при семъ свидѣтельствомъ, польской области въ разныя мѣста, къ ихъ родственникамъ, за конвоемъ сихъ козаковъ, для собранія договоренныхъ ими за содержаніе себѣ въ харчахъ и одѣяніи, также и на выкупъ 8,000 руб. денежной суммы, на пять мѣсяцевъ, съ тѣмъ имъ объявленіемъ, что если они тѣхъ денегъ въ показанный срокъ не выстарчатъ (не доставятъ), то оставшіеся въ Кодакѣ жиды и все ихъ родство имѣютъ окрещены быть и по неволѣ, или самой смерти преданы будутъ, безъ всякаго пощадѣнія, непремѣнно".

„13 ноября 1770 г."

Но не смотря на упомянутый „консиліумъ" запорожской пѣхоты и мудрый ордеръ походнаго Коша, случилось препятствіе (*цирконстанціе*, какъ сказано въ бумагѣ)[1]), какого паше „товариство" вовсе не ожидало. Евреи лишь только достигли польскаго рубежа, то нашли тамъ покровителей поляковъ, которые посовѣтовали имъ прежде уплаты денегъ обратиться „съ слезнымъ письмомъ" въ главную квартиру арміи, бывшую въ Яссахъ. И главнокомандующій, графъ Румянцевъ, послалъ въ Кошъ слѣдующій ордеръ:

„Жители польскаго мѣстечка Янова, жиды, здѣсь объявили, что взяты они командою войска запорожскаго во время разбитія ханскаго обозу, при городѣ Кинбурнѣ, и отпущены отъ васъ съ срокомъ въ Польшу для збору денегъ на выкупъ себя и другихъ жидовъ изъ плѣну, и что, не находя себя въ состояніи собрать назначенную вами сумму, возвратиться опасаются. Я потому рекомендую вамъ прислать ко мнѣ безъ замедленія рапортъ: сей зборъ денегъ на выкупъ по собственному-ли вашему благопризнанію опредѣленъ, или въ сходствіе даннаго какова-либо о томъ отъ вышняго начальства повелѣнія?"

Графъ Румянцевъ.

„*Яссы*, февраля 26 дня 1771 года.

---

[1]) Забавно читать въ козачьихъ письмахъ латинскія слова: *консиліумъ* (*consilium*, совѣтъ) и цирконстанція (*circumstantio*, случай); вѣроятно, писарями были учившіеся въ академіи или поляки, сдѣлавшіеся запорожцами.

На это Кошъ отвѣчалъ, что запорожская пѣхота съ боя взяла часть обоза крымскаго хана и въ ней бывшихъ плѣнныхъ волоховъ и жидовъ, и о своемъ подвигѣ донесла главному своему командиру графу Панину. Евреи, зная наши обычаи (воспрещеніе оставаться въ Запорожьи), пожелали свободы и сами предложили выкупъ. Войско согласилось и послало избранныхъ ими депутатовъ въ Польшу съ конвоемъ. 30-го апрѣля они уже были въ мѣстечкѣ Смѣлой (кіевской губ.), гдѣ евреи уже имѣли и деньги. Кошъ проситъ, слѣдственно, изъ уваженія къ службѣ пѣхоты и въ поощреніе новыхъ поисковъ надъ непріятелемъ, утвердить эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что запорожскія селенія содержали и кормили евреевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Но Румянцевъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ, и еще разъ писалъ кошевому начальству:

„Получа вашъ рапортъ подъ № 728 на мой посланной къ вамъ ордеръ, и не видѣвъ въ немъ того, чтобы давало вамъ право освобождать плѣнныхъ за выкупъ, какъ сіе вы чините съ жидами, за коими я къ вамъ писалъ, схотѣлъ я вамъ тутъ изъяснить ту причину, по которой я вхожу въ сіе дѣло. По военному общему праву, плѣнникъ взятый оружіемъ принадлежитъ своею особою всегда государю; слѣдственно и свобода его не зависитъ отъ партикулярной воли воина, а найпаче въ продолженіи еще войны. Но естьли ваше войско исключительный имѣетъ для себя законъ, или древній обычай, позволяющіе вамъ поступать инако; я о томъ не вѣдая, нахожу однакожъ за прилично припомянуть вамъ, чтобы вы сіе чинили, доложась настоящему своему командиру; а въ прочемъ, въ отдачѣ по условію денегъ выпущенными жидами, я воспященія не прикажу чинить.

Графъ Румянцевъ.

9-го маія 1771 года.

Изъ главной квартиры. Городъ Яссы.

Вскорѣ является и отъ самыхъ евреевъ изъ форпоста Семлика [1]) всенижайшее донесеніе:

---

[1]) Въ Ново-Сербіи, т. е. въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсон. губ., на р. Выси, близъ Ново-Архангельска.

Его ясне-вельможности пану Кошевому.

„По нынѣшнимъ печальнымъ военнымъ обстоятельствамъ павшіе въ полонъ сродственники наши, жиды, содержатся въ селеніяхъ принадлежащихъ войску команды вашей ясневельможности и по причинѣ не въ состоянія заплатить потребное число выкупныхъ денегъ, и по нынѣ не выпущены, о которыхъ всенижайшея прошенія приносимъ вашей ясневельможности. Мы по нашей бѣдности и нищетѣ, съ собранными 600 рублями, для заплату за тѣхъ нашихъ сродственниковъ, сюда къ семлицыну форпосту прибыли, но намъ пропуску чинить не могутъ здѣшніе командиры [1]), того ради мы нижайшіе рабы вашей ясневельможности, всенижайше падши къ ногамъ вашимъ, слезно молимъ: чтобы на нашу крайнюю нищету взирая, по своему вездѣ славившемуся великодушію, тѣхъ нашихъ родственниковъ приказали на нашъ коштъ съ повѣреннымъ отаманомъ сюда къ семлицыну форпосту доставить, для полученія отъ насъ вышепоказанныхъ 600 руб. денегъ, да привезеннаго для высокой вашей персоны 40 аршинъ кармазиннаго тонкаго сукна; для чего и посылаемъ при семъ нарочнаго отъ себя человѣка, съ прошеніемъ нашимъ и съ приложеніемъ письма его высокаго сіятельства, графа-фельдмаршала П. А. Румянцева о тѣхъ нашихъ однородныхъ.

Вашей ясневельможности нижайшіе рабы (подписи по еврейски).

Ноября 10. 1771 г.

Присланное евреями письмо графа Румянцева было слѣдующее:

Государь мой, Петръ Ивановичъ.

Обыватели польскаго мѣстечька Янова и другихъ, жиды, принесли вторичное прошеніе о освобожденіи взятыхъ войскомъ запорожскимъ ихъ однородцовъ, удерженныхъ по сіе время въ селеніяхъ войску принадлежащихъ, по той токмо причинѣ, что назначеннаго выкупа восми тысячъ рублей не могли собрать по крайней нищетѣ своей. Надѣяся на извѣстное мнѣ ваше благоразсужденіе, прошу васъ, государь мой, приказать ихъ освободить, ибо, положимъ, хотя-бы и было обыкновеніе брать съ плѣнныхъ за выкупъ деньги; но въ уваженіи крайняго несостоянія ихъ выплатить требуемое

[1]) Ново-сербское военное начальство.

количество денегъ, надлежитъ показать человѣколюбіе надъ сими бѣдными людми, кои, сидя въ неволѣ, лишены всѣхъ къ тому способовъ: а единородцы ихъ, пребывая въ Полше, отъ войны и болѣзней обнищавшіеся, о исправленіи своемъ стараяся, конечно пособить имъ не могутъ.

Пребываю въ прочемъ съ моимъ истиннымъ вамъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ покорнымъ слугою

Графъ Румянцевъ.

Октября 1771 года.

Получивъ хотя любезное, но и точное приказаніе, Кошъ собралъ сходку для рѣшенія этого дѣла и вотъ что было опредѣлено:

„1771 года декабря 7, атаманы куренные и козаки да старшины войсковые, будучи на сходкѣ, приговорили: чтобы взявши 600 вуб. денегъ, жидовъ отпустить, ибо и графъ Румянцевъ неоднократно пишетъ въ Кошъ“.

Такъ окончилось это любопытное дѣло: 14 января 1772 года, Кошъ удостоилъ и жидовъ слѣдующимъ своимъ отвѣтомъ:

Жидамъ Самуилу Марковичу, Марку Лазаревичу и Мошку Осиповичу.

„При донесеніи вашемъ посланные 600 руб. деньги [1]) и сукно чрезъ нашихъ нарочныхъ козаковъ: *Ивана Щоку* и *Данила Заволоку* получены тутъ исправно, а родственники ваши жиды, находившіеся въ здѣшнихъ мѣстахъ, при семъ къ вамъ отправляются. А для охраненія ихъ въ пути и препровожденія до семлицкаго форпосту здѣшнихъ войсковыхъ три человѣка опредѣлено“.

А вотъ и финалъ: кодацкій полковникъ Гаврило Поповичъ 20 января 1772 года донесъ Кошу, что на десяти повозкахъ, нанятыхъ евреями по 8 злотыхъ за всякую, доставлено въ Семликъ, т. е. на польскій рубежъ 77 евреевъ, съ дѣтьми и женами.

Въ заключеніе приводимъ благодарственное письмо евреевъ, писанное 15 февраля 1772 года изъ Умани:

„За освобожденіе нашего рода жидовъ, до границъ семлицкаго форпоста, безъ приключенія и ни отъ кого никакой обиды, благополучно препровожденныхъ, и за такое вашей ясневельможности

---

[1]) «Серебренною монетою», прибавлено, а въ Сѣчь даже царское жалованье выдавалось мѣдными деньгами.

милосердіе и не оставленіе рода нашего приносимъ всепокорнѣйшую и нелицемѣрную нашу со всякою учтивостію и старшинамъ и всему войску запорожскому благодарность. Да и впредъ ясневельможность вашу всенижайше упрашиваемъ, если, по волѣ всемилосерднаго Бога, еще подъ случай нашъ родъ въ запорожское низовое войско попадется, не оставлять... Тѣ-же евреи, подъ покровительствомъ ново-сербскаго маіора Павла Эрдели, достигли Умани, гдѣ мы достали, и въ презентъ вашему ясневельможности посылаемъ 8 головъ сахару, и просимъ оный принять и себѣ въ здоровье употреблять".

А. Скальковскій.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ есть мѣстечко Рахмановъ; само по себѣ это мѣстечко маленькое, безъ всякой торговли, но интересное тѣмъ, что въ немъ почти нѣтъ жидовъ. Населяющіе это мѣстечко крестьяне представляютъ значительныя особенности, сравнительно съ крестьянами ближнихъ селеній; это народъ рослый, видный, свѣжій, трезвый, трудящійся и зажиточный; по типу они скорѣе подходятъ къ украинцамъ, чѣмъ къ волынякамъ. Между ними нѣтъ ни одного католика, тогда какъ окружающія это мѣстечко селенія, нѣкоторыя на половину, состоятъ изъ католиковъ. Это объясняется тѣмъ, что еще во времена польскаго владычества, даже при русскомъ правленіи, въ этихъ мѣстахъ была очень сильна католическая пропаганда. Въ семи верстахъ отъ Рахманова есть селеніе Сурожъ, огромное имѣніе, принадлежавшее іезуитамъ, гдѣ находились іезуитскія миссіонерскія школы. И теперь еще указываютъ въ сурожскихъ лѣсахъ мѣста, гдѣ іезуиты добывали желѣзную руду, указываютъ провалившіеся погреба, которые крестьяне засыпали, боясь ихъ раскапывать изъ суевѣрнаго страха передъ іезуитскими проклятіями, страха, сохранившагося и до настоящаго времени. Въ 9 верстахъ отъ Рахманова Шумскъ, бывшій когда-то удѣльный городъ русскихъ князей. Въ этомъ мѣстечкѣ были католическій францишканскій монастырь и тринитарскія школы. Удивительно, какъ уцѣлѣлъ Рахмановъ, что между его обитателями нѣтъ ни одного католика.

Въ этомъ мѣстечкѣ проживалъ столѣтній дѣдъ Иванъ *Добротворъ*, которымъ очень гордились Рахмановцы. Я былъ знакомъ съ Добротворомъ, когда лѣтомъ пріѣзжалъ въ свое имѣніе, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рахманова. Добротворъ любилъ поговорить о старинѣ, особенно за чаркой водочки. Интересны его расказы о временахъ польскаго владычества, о занятіи Волыни русскими войсками, о Суворовѣ, о переходѣ изъ уніи въ православіе и особенно о ненавистной панщинѣ и ея уничтоженіи.

„За Польщи біда була; паны грабували панівъ, а мужиківъ грабували жолніри, та ще якісь „драбы“ були; таки були обідрани, та здорови. Наровить прійти до хаты, коли мужиківъ немае дома, а сами жинки въ хаті, щобъ де що чи вкрасти, чи одняти. И виршу таку драбы собі зложили; якъ увійде въ хату, той каже:

Помогай Бігъ, тітко!
Несе драба дідько.
Дай мині солонины
Моій жінці на хрестины!
Не дай мині козы,
Бо въ торбу не влізе.
Не дай мині теля,
Бо на тебе буде веле.
Дай мині того франта,
Що висе у банта.

Себъ то ему сала, що мужики вішають на горіщи до бантины.

Якъ забирали насъ підъ Россію, то війска було дуже багато, такъ якъ каши: та всі були у красній одежи, такъ якъ раки. Бачивъ я и Суворова; було якъ іде, то грають маршъ“. И Добротворъ проигралъ на губахъ маршъ, которымъ войска встрѣчали и провожали Суворова.

„А якъ одібрала насъ Россія одъ Польщи, то стали насъ навертати на благочестіе (на православіе); въ духъ усі пристали на благочестіе; паны дуже на тее гнівались, а мужики на те не потурали; пріихали якісь зъ Россіи, чи попы, чи ченці, чи може архимандриты и стали по церквамъ учити службу правити; якъ хто не второпа, то бере зъ рукъ братерьску свічку, та такъ по голові и латае.

Татаръ я вже не памятаю; а казали стари люде, що колись нападеніе було одъ татарівъ; тоді усімъ заказували, щобъ куповали собі рушниці: „продай, каже телицю, купи рушницю“. Казали, шо козаки колись воювали зъ поляками; були козаки, „амбурьци“ назывались (очевидно, ямбургскій пикинерный полкъ), то ти багато поляковъ побили; а ще бувъ козакъ „Жертва“, той также багато поляківъ побивъ и одибравъ відъ турка Бендеры и Очакивъ.

Якъ задумали поляки рухавку робити, то сбирались у святого Яна [1]) нибы юбилеушъ справляти, а вони збирались рухавку робити: іздили до Ярмолинець, коней купували и наряжали до рухавки своихъ козачкивъ, лакеівъ, фурманівъ, пастушкивъ. Панъ Менижнскій [2]) въ Корсунахъ (лѣсное урочище) сподівався повстанцівъ и державъ тамъ сіно, овесъ, хлібъ, мясо, горілку, сало; вінъ приказувавъ и мужикамъ давать полякамъ хлібъ, якъ будуть ити черезъ Брыково; ляхи ночували въ Корсунахъ. Отъ за тее и взяли Менжиньского и, кажуть, до Танбова его спровадили. Богъ Милосердный наславъ на поляківъ путь нечестивый и сами одъ себе погибли.

За Польщи тяжкои панщины не було, а якъ настала Россія, то дуже тяжка панщина стала. Якъ повелось руское начальство, то заразъ паны дали намъ мычки прясти; довго думали мы, що зъ тими мычками робити, а далі взяли, та й попалили ихъ, отъ паны и призвали руське начальство, а сі якъ стали намъ дрібного бобу сыпати (по просту пороть); то вже нема чого казати, треба панівъ слухати; то одъ того часу уже тяжка панщина повелась. Бувъ панъ Стебницкій, той прикуе було чоловіка до колоды, та такъ чоловікъ и повиненъ зъ тею колодою ходити; у Стебницкого такій ящикъ бувъ выдовбаный зъ дуба; якъ не прийде хто на панщину, каже: заслабъ, то Стебницкій накладе въ той ящикъ снігу, положе туды слабого чоловіка, засуне ящикъ крышкою и лежить въ ящику чоловікъ, поки снігъ ростане. Були таки роги зроблени, надівавъ

---

[1]) Каплица между Рахмановымъ и Шумскимъ, къ которой поляки совершали въ прежнее время торжественные крестные ходы.

[2]) Менжинскій — помѣщикъ с. Брыкова, бывшій мировой посредникъ; за участіе въ мятежѣ 1863 г. имѣніе его конфисковано, а самъ онъ сосланъ. Брыково купила отъ казны графиня Блудова.

на людей роги; а було якъ забье якого чоловіка, то такъ въ корчахъ его и закопають. Такій ще бувъ и Прушиньскій. Було такъ бье людей, що тіло одстае одъ костей. Всі молили Бога, щобъ Богъ давъ намъ волю; бо въ „Отче-наши“ говорится: *да буде воля Твоя*, то мы и сподівалися воли. Потішивъ Царь міръ христіянскій, давъ намъ волю. Нехай Богъ за тее дае Царю корону въ небі.

Ой, спаси Бігъ нашому Царёви,
Що выручивъ мужиківъ
Зъ польскои неволи.
Ой, спаси-Бігъ щей нашій Цариці,
Що не ходять на паньщину
Наши молодиці.
Ой, спаси-Бігъ тай нашій Царівні,
Що стали мужики
Зъ панами на-рівні.

Отъ таку мы пісню зложили и заспівали, якъ давъ намъ Царь волю!“

Эта пѣсня есть чисто произведеніе народнаго творчества. Особенно хорошо поетъ эту пѣсню „Ямпильскій дідъ“ [1]). Лѣтомъ въ прошломъ году Добротворовъ умеръ, имѣя отъ роду 105 лѣтъ. До ста и болѣе лѣтъ онъ рубилъ еще дрова, а затѣмъ, не будучи въ силахъ рубить дрова, гонялъ на водопой скотъ до самой смерти.

Теперь уже не покажутся повстанцы ни въ Брыковѣ, ни въ Корсунахъ. Изъ корсунскихъ дубовъ графиня Блудова выстроила въ Брыковѣ церковь и школу. Интересна эта школа: въ ней учится все молодое поколѣніе Брыкова, отъ 5 лѣтъ до женитьбы или до выхода въ замужество. Нѣтъ въ этой школѣ ни опредѣленныхъ каникулъ, ни экзаменовъ, ни отчетовъ. Приходи, кто хочетъ и учись: утромъ, вечеромъ, лѣтомъ, зимою, когда угодно. Учителемъ приходскій священникъ, не женатый, который живетъ въ самой школѣ. Въ церкви поетъ Божественную службу все народонаселеніе Брыкова. Много сдѣлала для русскаго дѣла на Волыни графиня Блудова; много проявила она энергіи въ борьбѣ за русское дѣло и съ поляками и консерваторами. Стара становится графиня Антонина Димитріевна, а на смѣну ей нѣтъ и не видно человѣка.

И. О.

[1]) Мѣстечко Ямполь, кременецкаго уѣзда.

ЖИВОЙ УПЫРЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УМЕРШИМИ УПЫРЯМИ [1]).

Куръезное такое произшествіе случилось въ 1831 году, въ селѣ Подосахъ, кіевской губерніи, бердичевскаго уѣзда. Впервые тогда появилась холера и своими многочисленными жертвами на долго оставила въ памяти народа этотъ годъ, извѣстный у него и доселѣ подъ названіемъ „великаго помірка“. Тогда по селамъ умирало ежедневно по нѣсколько десятковъ душъ въ каждомъ.

Завернула эта „пошість“ и въ с. Подосы. Съ начала іюня стали умирать селяне по одному, по два въ день; но чѣмъ дальше, тѣмъ смертность становилась больше. 24 іюня умерло восемь душъ, лежало больныхъ до двадцати.

Селяне не знали, что дѣлать, какъ отвратить отъ себя такое зло. Пробовали различныя средства: святили воду въ криницахъ на четырехъ концахъ селенія, заставляли нѣсколькихъ женщинъ, въ одеждѣ Евы, подъ вечеръ, оббѣжать вокругъ всего села; но ни то, ни другое средство нисколько не помогло. Наконецъ, кто-то посовѣтовалъ имъ обратиться къ Максиму Мазуренку, крестьянину сосѣдняго селенія Степанокъ, который, какъ ходилъ слухъ, можетъ излечивать всякую болѣзнь. 28 іюня два крестьянина изъ с. Подосовъ пріѣхали къ Мазуренку съ просьбой отправиться къ нимъ для истребленія открывшейся у нихъ болѣзни. Мазуренко согласился и на другой день былъ въ Подосахъ. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ онъ объявилъ крестьянамъ, что вся эта болѣзнь происходитъ отъ умершихъ недавно мѣстнаго пономаря и его жены, похороненныхъ въ одной могилѣ и гробу.

— Это они, говорилъ Мазуренко, встаютъ ночью, вылазятъ изъ своихъ гробовъ и ходятъ по селу, по хатамъ: гдѣ въ хату зайдутъ и дохнутъ на человѣка, тотчасъ онъ и заболѣетъ, а у кого еще и кровь высосутъ, тотъ не поднимется уже во вѣки вѣчные.

Тутъ его заявленіе подтвердила крестьянка Явдоха Карпенкова. Она стала разсказывать, какъ однажды позднимъ вечеромъ встрѣтилъ ее на улицѣ умершій пономарь и, ударивъ палкой, велѣлъ вести его къ своему сыну, мѣстному дьячку. „Я, говоритъ,

---

[1]) Дѣло изъ махновскаго уѣзд. суда о кр. Максимѣ Мазуренкѣ за откопаніе мертвыхъ тѣлъ и отрубленіе имъ головъ. 1831 г. Хран. въ К. Ц. Архивѣ.

подвела его къ дяковой хатѣ, отворила дверь и впустила его въ сѣни, а сама стала подъ хатою и слушаю, что-то будетъ; какъ вдругъ загрохотали горшки и миски въ хатѣ, а на другой день, помню, жаловался дьячекъ, что кто-то ночью потолкъ у него въ хатѣ всѣ миски и горшки: даже, говоритъ, шлеи и возжи нашелъ я близъ церкви, а помню хорошо, что съ вечера положилъ ихъ подъ хатою на завалинѣ".

Хотя Явдоха считалась полуумной, но въ настоящую минуту почти все село потеряло голову, и всѣ вполнѣ повѣрили заявленіямъ Карпенковой.

— Такъ что-жъ, Максимъ, нельзя-ли какъ бѣдѣ помочь?

— Отъ чего нельзя?—можно. Нужно только сейчасъ-же идти къ могилѣ пономаря и его жены, откопать ихъ и отрубить имъ головы; а то вотъ у васъ сегодня умерло девять душъ, а на завтра умретъ еще больше, если только этого не сдѣлать.

Нужно было добиться согласія дьячка, сына покойниковъ, которыхъ предложенная мѣра касалась. И вотъ громада направляется къ дьячку съ просьбой отрыть могилу отца и матери его.

— Что хотите, дѣлайте съ ними, только-бы они не ходили больше по селу, отвѣтилъ дьячекъ Ѳедоръ Левицкій.

Тогда громада, предводительствуемая Мазуренкомъ, двинулась къ кладбищу.

Разрыли могилу, открыли гробъ; Мазуренко съ топоромъ въ рукахъ вскочилъ туда и принялся рубить головы пономарю и его женѣ; ударилъ разъ, другой,—изъ перерубленной шеи показалась кровь.

— Вотъ видите, сколько проклятые выпили людской крови! замѣтилъ Мазуренко.

— И въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ замѣчаніе Мазуренка присутствовавшій при вскрытіи могилъ мѣстный сотскій Денисъ Дмитренко и прибавилъ: „а вѣдь все это кровь христіанская".

— Дайте-же мнѣ осиновый колъ, я ихъ приткну тутъ до самой земли; тогда ужъ не поднимутся больше.

Подали два колка, Мазуренко пригвоздилъ ими пономаря и его жену. Затѣмъ потребовалъ хворосту и тутъ-же въ гробу сжегъ ихъ головы.

— Теперь засыпайте землею, обратился къ присутствовавшимъ; уже больше не встанутъ.

Въ благодарность за такое лѣченіе подосская громада рѣшила выдать Мазуренку изъ общественной казны рубль серебромъ, да полъ-корца ржи и, сверхъ того, послать трехъ человѣкъ для уборки Мазуренковаго хлѣба.

Между тѣмъ вскорѣ дошло извѣстіе о врачеваніи Мазуренка до мѣстнаго начальства; послѣднее привлекло его къ уголовной отвѣтственности. На судѣ Мазуренко заявилъ, что онъ уже въ теченіе пяти лѣтъ пособляетъ людямъ въ различныхъ болѣзняхъ, что дѣлаетъ это въ силу врожденной способности: „я, говоритъ, родился упыремъ, и пока жить буду, буду помогать людямъ въ ихъ болѣстяхъ“.

Для излѣченія самаго Мазуренка отъ „упырства“ начальство предало его церковному покаянію на полтора года.

К. Кошовикъ.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКОЙ „ПОКОРМЕЖНОЙ.“

Въ „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго, въ разсказѣ о производившейся въ 1765—1769 гг. въ Малороссіи, по распоряженію тогдашняго ея правителя, графа П. А. Румянцева, генеральной описи приводится эпизодъ, свидѣтельствующій о томъ, въ какія натянутыя отношенія поставила эта опись производившихъ ее великороссійскихъ военныхъ чиновъ и отвѣтственную предъ ними малороссійскую старшину. Когда, по требованію первыхъ, послѣдніе представляли имъ всѣ свои документы на владѣемыя ими земли, въ томъ числѣ и гетманскіе универсалы, тѣ, подъ вліяніемъ взаимнаго раздраженія и не имѣя никакого уже представленія о значеніи постепенно умаляемой, а наконецъ и совсѣмъ упраздненной гетманской власти, въ насмѣшку называли гетманскіе универсалы *покормежными*.

Чтобы понять всю язвительность этой насмѣшки, надо имѣть понятіе о „покормежной“, самый терминъ которой, по отдаленности времени, кажется для насъ темнымъ. Это былъ отпускной видъ, или свидѣтельство, который давался отъ помѣщика крестьянину, отправлявшемуся куда либо на заработки, и гарантировалъ до нѣ-

которой степени помѣщиковъ отъ побѣговъ ихъ крестьянъ. Не явившійся вовсе изъ такого отпуска, или просрочившій оный, кромѣ отвѣтственности предъ помѣщикомъ, привлекался къ уголовной отвѣтственности предъ судомъ, и такой-же отвѣтственности подлежали и всѣ тѣ, которые держали его у себя.

Мы не имѣемъ въ эту пору подъ рукою необходимыхъ справокъ о первоначальномъ происхожденіи и формѣ „покормежныхъ". Въ то время, когда они употреблены были въ видѣ остроты надъ гетманскими универсалами и ихъ обладателями, народъ малорусскій еще не былъ ознакомленъ съ этимъ аттрибутомъ крѣпостнаго права, какъ и съ самымъ крѣпостнымъ правомъ; но съ 1783 г. благодѣтельныя дѣйствія сего послѣдняго распространены были и на гетманщину, а за нимъ неизбѣжно должны были прійти и „покормежныя", въ той формѣ, въ какой царили уже во всей остальной Россіи.

Находящійся въ нашихъ рукахъ образчикъ „покормежной" принадлежитъ болѣе позднему времени, но и отъ него уже вѣетъ такою затхлостію и гнилью, отъ которыхъ заставляютъ отвернуться порядки и понятія нашего времени. Вотъ этотъ образчикъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ, какъ точная иллюстрація къ той остротѣ, которая стала характернымъ достояніемъ исторіи.

По указу его величества, государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, и по публикованному въ народѣ плакату, отпущенъ нижеподписанный въ работу отъ подписаннаго числа впредь на одинъ годъ для прокормленія по покормежной, которая явлена и оставлена въ лохвицкомъ повѣтовомъ казначействѣ и въ книгу записана подъ нумеромъ 626-мъ, и съ симъ отпускомъ вольно его до срочнаго означеннаго въ семъ пропуску числа въ наймахъ и въ работахъ держать, а по срокѣ явиться въ домѣ своемъ, и болѣе нигдѣ не жить и никому не держать, подъ такимъ подтвержденіемъ, какъ въ плакатѣ изображено. Сія покормежная, за подписью и за печатью казначея, дана, въ благополучномъ городѣ Лохвицѣ, крестьянину госпожи надворной совѣтницы Катерины Г....., малороссійской полтавской губерніи, лохвицкаго повѣта, жителю села Пѣсокъ, Науму Петрову сыну Бѣлику, которой примѣтъ таковыхъ:

росту 2-хъ аршинъ, 5-ти вершковъ, волосовъ русыхъ, глазовъ сѣрокарыхъ, лѣтъ отъ роду 22-хъ, въ публичномъ наказаніи не былъ: тысяча восемъ сотъ пятого года, маія двадцять второго числа. Казначей, коллежскій ассесоръ Кошаревскій, бухгалтеръ Мясницкій, губернскій регистраторъ Степанъ Салимовскій.

(М. П.) Указные пошлины взяты.

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНѢ.

Инымъ именемъ не можемъ окрестить того безвѣстнаго женскаго пансіона въ г. Нѣжинѣ, начала нынѣшняго столѣтія, афиша объ учрежденіи котораго случайно попала намъ въ руки и которое, быть можетъ, имѣло свою жизнь и свою исторію, сохранившуюся, вѣроятно, въ памяти нѣжинскихъ старожиловъ.

Называемъ этотъ пансіонъ такимъ громкимъ именемъ по одной особенности его общей программы, именно: *Мифтологіи*, помѣщенной между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ.

Учредительницею сего высшаго разсадника наукъ для благородныхъ дѣвицъ, преемствовавшихъ въ чередованіи мѣстныхъ поколѣній пани гетмановой Апостоловой, была какая-то захожая, вѣроятно, французская дѣвица Елисавета Руссетъ. Собственнымъ-ли умомъ она дошла до необходимости включенія въ программу воспитанія *Мифтологіи*, или такова была потребность благородныхъ нѣжинскихъ малороссіянокъ, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ нѣжинская афиша—документъ рѣдкій и по своимъ частностямъ далеко не безъинтересный въ темной исторіи нашего женскаго просвѣщенія. Дата его не обозначена, но, судя по почерку и бумагѣ,онъ долженъ быть не позже 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Даемъ ему мѣсто и въ тѣхъ видахъ, не послужитъ-ли онъ поводомъ для кого либо изъ нѣжинцевъ собрать воспоминанія объ училищѣ дѣвицы Елисаветы Руссетъ и о томъ, какъ она просвѣщала нѣжинскій нѣжный полъ по части *Мифтологіи*.

Учреждается пансіонъ въ городѣ Нѣжинѣ для благородныхъ дѣвицъ, въ домѣ дѣвицы Руссетъ.

Въ ономъ пансіонѣ преподаваться будутъ слѣдующіе предметы:

1. Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики, исторія, географія и арифметика.
2. Французскій языкъ по правиламъ грамматики.
3. Мифтологія.
4. Нѣмецкій языкъ по правиламъ граматики.
5. Музыка, танцы и рисованіе.
6. Чистописаніе.
7. Рукодѣліе.

Цѣна въ годъ 800 руб. и уплачивается половина денегъ впредь за 6 мѣсяцей.

Содержательница пансіона принимаетъ на себя всю услугу, нужную для воспитанницъ; всякая дѣвица при вступленіи въ пансіонъ приноситъ съ собою, кромѣ постели—одну скатерть, шесть салфетокъ, одну ложку столовую, чайную чашку, пару столовыхъ ножей, одинъ стаканъ; выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ, не женатыхъ господъ, и во время классическаго преподаванія никто такъ-же не принимается.

Елисавета Руссетъ.

ПОСЛѢДНІЯ ДОМОГАТЕЛЬСТВА МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

Когда въ первые годы второй половины XVII ст. теченіемъ событій поставленъ былъ вопросъ о соединеніи Малороссіи съ московскимъ государствомъ, рѣшеніе его занимало цѣликомъ какъ одну, такъ и другую страну: на Москвѣ созывался *земскій соборъ*, въ гетманщинѣ *генеральная рада*, напрягались думныя головы, писались многолистныя посланія, скакали гонцы, составлялся и пересоставлялся многостатейный договоръ, въ которомъ со всею щепетильностію процѣжены были одной и другой стороной тѣ права и вольности, которыхъ добился малороссійскій народъ отъ польскихъ королей и которыя онъ желалъ удержать, переходя подъ московскую державу. Желаніе удержать эти нрава и вольности толкнуло Дорошенка въ подданство турецкое, а Мазепу въ объятія Карла. И дѣйствительно внутренній строй польской и московской державъ были такъ не одинаковы и даже діаметрально противуположны, что было изъ-за чего стоять обѣимъ договаривавшимся теперь сто-

ронамъ. Рабовладѣльческая, но сильная единствомъ власти Москва не могла пойти по широкому, но скользкому пути либеральныхъ учрежденій Польши, съ которыми приходилъ подъ ея державу малороссійскій народъ, и новое объединеніе раздѣленныхъ вѣками двухъ половинъ Россіи должно было идти не путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—общей политическо-общественной работы, а путемъ постепеннаго урѣзыванія широкихъ „вольностей“ подчинявшейся стороны и приведенія ея къ общему строю жизни стороны, ее принимавшей, пока не начнется новая, совмѣстная работа органически сплоченнаго цѣлаго.

Когда черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, представительство малороссійское оглянулось на свое прошлое, оказалось, что отъ многаго, что составляло достояніе предковъ и особыми *пактами* утверждено было на вѣчныя времена, не осталось и слѣда, отъ другаго оставались лишь жалкіе обломки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣдній гетманъ и малороссійская старшина, далеко отодвинувшіеся уже отъ народа, затѣяли попытку возстановить по новому плану разрушенное зданіе, нашлось еще для ихъ о семъ челобитной до 20-ти крупныхъ, хотя и не выдерживающихъ критики пунктовъ [1]). Извѣстно, какая судьба постигла челобитчиковъ и ихъ страну, по волѣ такъ сказать неумолимаго рока.

Прошло еще около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вотъ что осталось отъ прежнихъ широкихъ домогательствъ Разумовскаго и его собратіи.

1831 года, августа 3-го числа.

Положеніе общества дворянскаго повѣта стародубскаго. О нашихъ нуждахъ чрезъ депутатовъ всеподданнѣйше просить Государя императора при принесеніи благодарности за возстановленіе грамоты дворянству жалованной.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Чтобъ судъ и расправа была по праву Статуту, съ оставленіемъ учрежденныхъ по оному праву возныхъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. на 1883 г., іюнь, стр. 317—336.

Чтобъ теченіе правленія возстановлено было сообразно учрежденіямъ для управленія губерніи всероссійскія имперіи. Потому 1-е что оныя учрежденія есть новѣйшій созрѣлый плодъ совершеннаго познанія вообще и подробно, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, частей внутренняго государственнаго правленія, требовавшаго поправленія, 2-е что общую отъ оныхъ учрежденій пользу каждый малороссіянинъ позналъ и ощутилъ по пятнадцатилѣтнему ихъ въ Малой Россіи теченію и 3-е что статьи оныхъ учрежденій, о выборѣ къ должностямъ на всякіе три года чиновъ, поступивъ въ число первыхъ выгодъ дворянскаго общества, по грамотѣ на преимущества жалованной, внушаютъ, что общество дворянское, которое не управляется по учрежденіямъ, умалено въ своихъ правахъ, выгодахъ, отличностяхъ, преимуществахъ и даже нравоученіяхъ, противъ тѣхъ дворянскихъ обществъ, которыя по учрежденію управляются.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобъ съ повѣта стародубовскаго, во время рекрутскихъ наборовъ, даточные люди принимаемы были въ рекруты ниже указной мѣры однимъ вершкомъ, потому что въ здѣшнемъ округѣ родъ людей нерослыхъ, такъ что современемъ вовсе невозможно будетъ изъ здѣшнихъ природныхъ жителей найти рекрутъ въ указную нынѣшнюю мѣру. Во всемъ-же прочемъ, что принадлежитъ до порядка при наборѣ рекрутъ, было-бы поступаемо по словамъ и силѣ единаго генеральнаго учрежденія, состоявшагося 1766 года, сентября 29 числа.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Малая Россія съ того времени, какъ состоитъ подъ всероссійскою державою, пользуется правомъ винокуренія и продажею выкуриваемаго вина, и при своемъ древнемъ на то правѣ, платитъ, сверхъ повсегодно съ душъ, хлѣбную въ казну деньгами подать: но постепенно принуждена ощущать въ винномъ куреніи и въ продажѣ вина стѣсненіе: 1-е отъ новаго учрежденія по городамъ и казеннымъ деревнямъ питейныхъ откуповъ, коихъ до 1784 года въ Малой Россіи не было, 2-е отъ новаго предпріятія откупщиковъ великороссійскихъ смежныхъ губерній, чтобъ свободно вино курить и продаватъ, удалить съ мало-

россійскихъ цѣлыхъ уѣздовъ, прикосновенныхъ къ границамъ великороссійскихъ губерній, тѣхъ самыхъ уѣздовъ лѣсами изобильныхъ, коихъ весь почти хозяйскій доходъ, въ одной только статьѣ сей состоитъ, о чемъ по указу правительствующаго сената въ семъ 1801 году дворянскіе винные заводы описаны и многіе помѣщики подписками обязаны. Для того просить государя императора свободу винаго куренія и продажу вина на земляхъ малороссійскихъ, кому оная по правамъ и привилегіямъ принадлежитъ, оставить въ полной ея мѣрѣ, безъ всякаго впредь подобнаго нарушенія и стѣсненія, сообразно высочайшему указу 1783 года маія 3 числа, пункта 13.

Обсуждалось и писалось это въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го. Возстановленіе имъ дворянской грамоты, данной Екатериной и отмѣненной Павломъ, окрылило надежды переродившагося къ этому времени малороссійскаго шляхетства, и вотъ его *pia disideria*, судьба которыхъ намъ неизвѣстна. Если отбросить отъ нихъ статью 1-ю, касающуюся общаго гражданскаго управленія, и статью 2-ю относительно роста поставляемыхъ стародубовскими помѣщиками рекрутъ, то всѣ автономныя домогательства новыхъ представителей малороссійскаго народа сведены теперь къ одному невинному желанію свободно курить хлѣбное вино.

Раньше сего, четверть вѣка назадъ, другіе представители того-же народа, заканчивая свою политическую и общественную роль, не въ цѣломъ, правда, составѣ своемъ, но въ отдѣльныхъ личностяхъ, додумались до аналогичнаго идеала:

Спати, лежати,
Горілочку кружати.

Одни, слѣд., желали быть поставщиками, другіе потребителями одного и того-же продукта...

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ КІЕВ. ГРАЖД. ГУБЕРНАТОРУ ПАНКРАТЬЕВУ.

Случайно досталась мнѣ коллекція писемъ, въ числѣ 135-ти, отъ разныхъ частныхъ лицъ къ кіевскому гражданскому губернатору Петру Прокопьевичу Панкратьеву. Всѣ они принадлежатъ

одному 1809 году. Трудно въ этой обширной перепискѣ уловить что либо, имѣющее историческій интересъ; большая часть ихъ содержитъ въ себѣ разнаго рода ходатайства, просьбы о содѣйствіи и помощи, выраженіе благодарности за оказанныя услуги, сообщеніе новостей и проч. Во всемъ этомъ хламѣ, обреченномъ на забвеніе и тлѣніе, показались мнѣ заслуживающими вниманія лишь нѣкоторыя письма кіевскихъ пановъ, характеризирующія тѣже неискреннія отношенія ихъ къ представителю правительственной власти, въ какихъ находилась шляхта во всѣхъ новоприсоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ. Это не была, конечно, „волынская революція“, такъ ярко очерченная въ письмахъ о ней неизвѣстнаго современника; но и здѣсь мы видимъ туже навязчивость и тоже унизительное заискиваніе, а въ одномъ изъ писемъ и явно проглянула готовность показать камень, который друзья и пріятели всегда держали за пазухой. Приведу нѣсколько характерныхъ и просто даже забавныхъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

Помѣщикъ Ивановскій, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ высказывая свою благодарность Панкратьеву за какую-то услугу, пишетъ, что ничѣмъ инымъ не можетъ отблагодарить его, какъ только „продуктомъ власной экономіи своей“, а потому и посылаетъ при письмѣ „цугъ“ (четверку) сѣрыхъ лошадей, которыя проситъ принять, не лишая его и впредь своихъ „ласкъ“. Панкратьевъ не поддался искушенію и подарка не принялъ, отписавъ, что у него самого на конюшнѣ довольно лошадей и что онъ не имѣетъ въ нихъ никакой надобности.

Помѣщикъ Игнатій Голневскій изъ с. Димера пишетъ, 5 генваря 1809 г.: „убитаго людьми моими въ димеревскихъ лѣсахъ дикаго кабана посылаю вашему превосходительству въ знакъ моего должнаго почтенія, яко начальнику, подъ управленіемъ коего я имѣю счастіе находиться“, и тутъ-же прибавляетъ: „много виноватъ я предъ его высокопревосходительствомъ Димитріемъ Прокопьевичемъ Трощинскимъ, что за оказанные имъ мнѣ милости не имѣю чемъ изъявить моей ему благодарности; ежели-бъ я былъ такъ счастливъ, чтобы мнѣ найти другаго кабана дикаго, то-бы съ удовольствіемъ послалъ и ему; но зная, что ваше превосходительство находитесь съ Дмитріемъ Прокопьевичемъ въ тѣсной дружбѣ, то я и надѣюсь, что принятіемъ сего малаго подарка одобрить изво-

лите къ обоимъ вамъ навсегда высокопочитаніе того, который пребываетъ вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою".

Антонъ Езерскій, вѣроятно управляющій, изъ с. Шибенне пишетъ тому-же Панкратьеву: „при отъѣздѣ въ Малороссію г-на моего Андрея Яковлевича Искры, имѣя повелѣніе лучшаго звѣря съ охоты его препровождать къ вашему высокопревосходительству, для того при семъ заполіовавши „дзика", къ вашему высокопревосходительству препровождаю и съ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію остаюсь" и проч.

Каэтанъ Проскоровъ изъ Коринна въ такой формѣ преподноситъ подобный-же подарокъ: „позвольте ваше превосходительство отъ полеванія моего къ столу вашему принять сарну и кабана и при вкушаніи онаго воспомянуть о томъ, который съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣетъ называться вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою".

Въ иномъ родѣ письма выдающихся польскихъ магнатовъ: холодно-вѣжливое письмо гр. Браницкаго, имѣющее дѣловой и офиціальный характеръ, и изысканно-пріязненное по формѣ, но ѣдкое по содержанію письмо губернскаго маршала гр. Адама Ржевусскаго. Эти два письма передаю въ полномъ ихъ видѣ.

1.

Милостивой государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Я имѣлъ честь получить въ Заславѣ письмо отъ вашего превосходительства, но до сихъ поръ не имѣлъ удовольствія къ вамъ писать за болѣзнею, съ которою я довольно долго боролся—равно же при письмѣ вашемъ получилъ одинъ экземпляръ докладовъ высочайше конфирмованныхъ относительно заведенія суконныхъ фабрикъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, и которые экземпляры господинъ внутренныхъ дѣлъ министръ доставилъ вашему превосходительству, съ тѣмъ, чтобы вы разослали помѣщикамъ здѣшней губерніи. Я служу на сіе вамъ, милостивый государь мой, отвѣтомъ моимъ. Нѣсколько уже лѣтъ тому, какъ я предпринялъ было здѣлать испытаніе о заведеніи въ нѣкоторыхъ изъ моихъ владѣній суконныхъ фабрикъ; но по разнымъ обстоятельствамъ заведеніе сіе не имѣло желаемаго успѣха, ибо вмѣсто ожидаемой отъ того пользы

понесъ я нарочитой убытокъ; за всѣмъ тѣмъ, видѣвъ нынѣ высочайшее на таковос установленіе соизволеніе, я не оставлю, при первомъ удобномъ мнѣ случаѣ, здѣлать новое тому испытаніе, и какъ тутъ не имѣю я другой цѣли, окромѣ исполненія высочайшей воли, то и не нужно мнѣ какое либо отъ короны пособіе, почитая долгомъ моимъ и душевнымъ удовольствіемъ показать во всякое время вѣрноподданическую готовность къ исполненію его императорскому величеству угоднаго. Имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностію навсегда,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорной слуга

Graff Branicki.

Декабря 8-го дня 1808 года.
Бѣлая церковь.

II

Милостивый государь мой
Петръ Прокофьевичъ!

Условился я съ вами, почтеннѣйшимъ моимъ другомъ, во всякихъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, до должности вашей и моей относящихся, не вступая ни въ какіе формальные переписки, дружескимъ образомъ предварить, и потому вчерашняго числа имѣлъ я честь вручить вашему превосходительству поданные ко мнѣ прошеніи отъ помѣщиковъ графовъ Борженскихъ на помѣщиковъ Раковскихъ и Любовицкаго на Ивановскаго.

При пріемѣ таковыхъ прошеній хотя весьма мнѣ прискорбно было видѣть, что отчасти они противу васъ, милостивого государя моего, поданы были, хотя мнѣ весьма извѣстно, что на начальниковъ губерніи не мнѣ, яко губернскому маршалу, а высшему правительству жаловаться должно, однако-жъ видя съ одной стороны, что сіи помѣщики дворяне поѣздкою, которую предприняли въ столицу, нѣсколько разстроиться могутъ, а съ другой, что В. П. можетъ при самой даже невинности получить себѣ неудовольствіе, то изыскавъ послѣдніе средства къ примиренію васъ съ тѣми-же лицами безъ всякаго для васъ предосужденія, препоручилъ я дворянскому секретору о сихъ самыхъ средствахъ представить вамъ, моему другу, и потому безъ церемоніи усерднѣйше прошу васъ благосклонно выслушать его и рѣшительно со взаимною откровен-

ностію ему объявить о дальнѣйшихъ по симъ двумъ дѣламъ намѣреніяхъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и искренною привержимостію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, графъ Адамъ Ржевускій.

22 марта 1809 года, г. Кіевъ.

ПѢСЕННЫЙ ОТГОЛОСОКЪ ДАВНО МИНУВШЕЙ УНІИ [1]).

Журилася попадя та своею бідою:
Бідна-жъ моя головонько, що пішъ зъ бородою!
Охъ мині тяжко, охъ мині нудно,
Що пішъ зъ бородою—жити-жъ мині трудно!
Охъ, піду я до церковці Богу ся молити;
Якъ погляну на бороду, мушу ажъ умліти.
Охъ мині тяжко...
Охъ, піду я на хрестины—просять мене сісти,
Якъ погляну на бороду, тай не можу істи.
Охъ мині тяжко...
Хоць ты уберися въ дорогіи шаты,
Таки тебе не люблю—бо ты бородатый
Охъ мині тяжко...
Охъ, піду я къ протопопі, тай стану просити,
Щобъ позволивъ протопопа бороду голити.
Охъ мині тяжко...
„Охъ не можно, добродзійко, того учинити:
Якъ дознаетця владыка, буде мене бити!“
Охъ мині тяжко...
„Чи не можно, протопопе, того учинити:
Щобъ зо мною безъ бороды, въ люди-жъ причепити“.
Охъ мині тяжко...

---

[1]) Помѣщаемая пѣсня относится къ концу прошлаго столѣтія,—ко времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и возвращенія волынскихъ уніатовъ къ православію. Народная память отмѣтила это послѣднее событіе, окрасивъ своимъ обычнымъ юморомъ и это пристрастіе женщины къ внѣшности и измѣняемость ея вкусовъ. Борода—вотъ все, что затрудняло длл іерейскихъ женъ переходъ изъ уніи въ православіе.—Р е д.

„Ой, не можно, добродзійко, того не ведетця:
Якъ вінъ схоче усы втерти, вона обірветця".
Охъ мині тяжко...
Ой піду я та просити самого владыки,
Щобъ позволивъ добродзіямъ бороду голити.
Охъ мині тяжко...
Ось приходить добродзійка та въ ёго палаты,
Ажъ тамъ сидить попівъ зъ сорокъ, та всі бородати.
Охъ мині тяжко...
...Якъ зачали попадю кропиломъ кропити,
Приклякнула, присягнула, що „буду любити".
Охъ мині тяжко...
..."Теперь мині любо, теперь мині мило,
Попове кропило любити навчило!
Вже-жъ и не тяжко, вже-жъ и не нудно,
Хоць піпъ зъ бородою, жити зъ нимъ не трудно".

Записано въ селѣ Ивкахъ, на границѣ волынской и подольской губерній.

1883 г. 24 іюня.

Сообщ. **М. Крашановскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(пятый годъ).

"Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна на двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполнѣ обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріяломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій. (Въ 1883 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщено болѣ 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ «Историческому Вѣстнику» редакція пріобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40 гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера «Савонарола».

Для первыхъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ѳ. И. Буслакова, В. П. Буренина, А. Я. Буткевской, И. Д. Бѣлова, И. А. Бѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. П. Дубасова, Г. Г. Есипова, П. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, П. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. П. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Е. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, И. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчаниновой въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38 и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 42 экзем.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

„ВѢКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ“ будетъ издаваться въ будущемъ 1884-мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургѣ—15 руб. Полгода—8 руб. Съ Январьской книги журнала будутъ печататься: «Искалѣченный»—романъ В. Никитина. «Аракчеевщина»,—историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная ночь», разсказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмѣльницкаго»—В. И. Любича-Романовича. «Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова,» приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизъ де Сенъ-Вальо» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ риѳмованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная»—повѣсть К. Фофанова. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Кромѣ того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе разсказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и П. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наши новые беллетристы», «Значеніе Сатиры», «И. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла имѣются романы—съ шведскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Кромѣ этого, редакція будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не изданныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ «писемъ его къ друзьямъ».

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ал. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. Б. Богданова, Кочетова, двухъ Новицкихъ, О. Михнѣвича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоцѣнные документы предназначены для Спб. Императорской публичной библіотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ“).

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ **М. А. Филипповъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1884 году подъ новой редакціей, при новыхъ сотрудникахъ и въ увеличенномъ размѣрѣ.

Новая редакція поставила себѣ задачею сдѣлать изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ большой политическій органъ, руководимый яснымъ сознаніемъ государственныхъ и народныхъ интересовъ Россіи. Она разсчитываетъ, что газета будетъ отвѣчать настоящей минутѣ поворота отъ фразы къ дѣлу и удовлетворить настроенію общества, ожидающаго спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Газетѣ будетъ придана полнота, какъ въ обозрѣніяхъ и извѣстіяхъ политическаго и экономическаго интереса, такъ и въ хроникѣ общественной и городской жизни, въ литературныхъ фельетонахъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ искусству и наукѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ будутъ принимать участіе: *В. В. Крестовскій*, графъ *А. А. Голенищевъ-Кутузовъ*, *К. Н. Леонтьевъ*, *Б. М. Маркевичъ*, *Е. Л. Марковъ*, графъ *Е. А. Саліасъ*, *К. К. Случевскій* и др.

Условія подписки (съ казенными объявленіями):

	Безъ доставки.	Съ пересылкою и доставкою.	За границею.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	24 руб.
» полгода . . .	8 » — »	9 » — »	13 »
» 4 мѣсяца . . .	5 » 50 »	6 » — »	10 »
» 3 » . . .	3 » 75 »	4 » 50 »	7 »
» 2 » . . .	2 » 50 »	3 » — »	5 »
» 1 » . . .	1 » 50 »	1 » 50 »	3 »

Подписка принимается въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Троицкій переулокъ, домъ № 10.

Иногородные адресуются: Въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ Петербургъ.

Редакторъ издатель *В. Авсѣенко.*

„Русскій Сатирическій Листокъ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ раскрашенными рисунками и каррикатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. *Сатирическая хроника человѣческой жизни и ея явленій.* II. *Сатирическая литература.* III. *Московскій листокъ.* IV. *Петербургскій листокъ.* V *Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ.* VI. *Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще.* VII. *Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы.* VIII. *Корреспонденціи и сообщенія.* IX. *Смѣсь.* X. *Сатирическіе и юмористическіе рисунки и каррикатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ.* XI. *Объявленія.*

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ“ будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ“ подъ названіемъ „**Русскій Донъ-Кихотъ**“, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“, составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ“ выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка“: *на годъ* съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, *на полгода* 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: *на годъ* 7 рублей, *на полгода* 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близъ Плющихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Полушинъ.**

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОЛНА“

Роскошное еженедѣльное изданіе въ форматѣ большихъ иллюстрацій съ рисунками въ краскахъ (акварель) 50 номеровъ въ годъ или 1200 страницъ убористой печати.

Журналъ „**ВОЛНА**“ издается при ближайшемъ участіи лучшихъ художественныхъ и литературныхъ силъ. Каждый номеръ журнала будетъ заключать въ себѣ отъ 20 до 30 страницъ текста и картинъ въ краскахъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Вопросы и новости дня „обо всемъ и отовсюду". 3. Событія въ мірѣ политическомъ. 4. Лѣтопись литературы и искусства. 5. Операціи банковъ. 6. Земское дѣло. 7. Народное образованіе. 8. Судебная хроника. 9. Статьи историческаго содержанія и *иллюстрированные историческіе романы.* 10. Этнографическіе очерки (*повѣсти и разсказы изъ русской жизни*). 11. Справочный листокъ биржи и проч. 12. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. 13. Фельетонъ (обзоръ общественной жизни). 14. Театръ и музыка. 15. *Разсказы, очерки и описанія къ рисункамъ.* 16. Стихотворенія и поэмы. 17. Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ смѣси. 18. Почтовый ящикъ. 19. Частныя объявленія и, въ видѣ безплатнаго приложенія для годовыхъ подписчиковъ, *четыре сезона парижскихъ модъ съ картинами.*

Художественный отдѣлъ. На этотъ отдѣлъ редакція обращаетъ особенное вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщено до 300 оригинальныхъ картинъ, большаго формата, исполненныхъ красками по заказу редакціи извѣстными русскими художниками. Въ журналѣ **„ВОЛНА"** будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстраціи къ повѣстямъ и разсказамъ, картины изъ русской жизни, портреты выдающихся дѣятелей, копіи съ извѣстныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразные типы, множество виньетокъ и рисунковъ на злобы дня.

Всѣ годовые подписчики на 1884 годъ получатъ большую роскошную картину, отпечатанную масляными красками на холстѣ:

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЬ
И ПОЛОНЕННАЯ ИМЪ ЦАРЕВНА.

Оригиналъ картины написанъ по заказу редакціи художникомъ *К. В. Лебедевымъ.* Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы графа А. Толстого и изображаетъ **„Алешу Поповича"** на лодкѣ, среди камышей, играющаго на гусляхъ передъ полоненною Царевною.

Условія подписки: На мѣсяцъ—1 руб., на 2 мѣсяца—2 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ—5 р. и на 1 годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальниковъ.

За разсылку и упаковку преміи годовые подписчики благоволятъ прилагать 21 к.

Подписка принимается во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи.

Гг. иногородніе подписчики благоволятъ обращаться исключительно *въ контору редакціи: уголъ Никитской и Леонтьевскаго переулка, д. баронессы Корфъ, въ Москвѣ.*

Редакторъ-издатель **Н. У. Руссіяновъ.**

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 нумеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакціею А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обозр.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—**10** руб.; на **6** мѣс.—**6** р., на **3** мѣс.—**3** р. **50** к., на **1** мѣс.—**1** р. **50** к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за *строку петита*) принимаются *въ Тифлисѣ* исключительно *въ Газетномъ Агентствѣ В. Шавердова;* въ *С.-Петербургѣ-же и Москвѣ*—въ книжныхъ магазинахъ **«Новаго Времени»**.

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Каанова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочинина, А. Н. Плещеева, П. Ф. Тхоржевскаго, Гл. И. Успенскаго, Н. А. Шаврова.*

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммисіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Редакція.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

на 1884 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		*Съ пересылкою:*	
На годъ . . .	9 руб. 60 коп.	На годъ . . .	12 руб. — коп.
„ полгода . .	4 „ 80 „	„ полгода . .	6 „ — „
„ три мѣсяца.	2 „ 40 „	„ три мѣсяца .	3 „ — „
„ мѣсяцъ . .	— „ 80 „	„ мѣсяцъ . .	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью): на годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ Контору Редакціи „Варшавскаго Дневника“, въ Варшавѣ, Медов-я. 18.

Подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ Истомина и Карбасникова.

Редакторъ-издатель *П. Щебальскій.*

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГАММѢ:

1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.

2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.

3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговли, статистики и т. п.

4) Судебная хроника.

5) Театръ и музыка.

6) Мѣстныя экономическія и торговыя свѣдѣнія. Курсы, биржа.

7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставскою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Сакисчи.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

50 № № въ годъ).

Условія подписки:

За годъ	6 р.	— к.
За первое полугодіе	4 „	— „
За второе полугодіе	3 „	— „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „	25 „
За Апрѣль, Май и Іюнь	2 „	— „
За Іюль, Августъ и Сентябрь	1 „	75 „
За Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „	50 „

Помѣсячно:

За Январь	1 „	— „
За Февраль	„	80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяцъ	— „	75 „

Годовые подписчики получатъ литературный сборникъ, который будетъ вскорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли.“

Редакція имѣетъ въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель *П. Штейнфельдъ.*

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ“.

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р,, на 3 мѣс. 2 рубля.

„СВѢТЪ“

выходитъ ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и не бывалый успѣхъ и съ разу сталъ *самою распространенною газетою въ Россіи.*

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою: За годъ . . . . . 4 р.
» » » полгода . . . . . 2 »
» » » четверть года . . . . 1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„СВѢТЪ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ) . . . . . 4 руб.
» полгода (6 романовъ) . . . . 2 »
» четверть года (3 романа) . . . 1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Горохсвая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“** годъ VI.

большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ и РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ »Иллюстрированнаго Міра« заключаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, разсказы, сцены, стихотворенія, историческіе и біографическіе очерки, популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ

шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „Иллюстрированнаго Міра“ даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстраціи къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, карикатуры, модные рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ“ ежемѣсячно разсылаются безплатно »НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«—полный рукодѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію—прекрасную олеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семирадскаго*:

„ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА“

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра“ на годъ со всѣми преміями и приложеніями:

безъ доставки въ Спб. **6 р.**, безъ достав. въ Москвѣ **6 р. 50 к.** Съ дост. Спб. **7 р.** для иногородныхъ **8 р.** Загр. **10 р.**

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала* „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Невскому проспекту д. № 76 (уголъ Литейнаго пр.). *Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы*, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ настунающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «*Волжскій Вѣстникъ*» въ 1884 году будетъ выходить вмѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ безплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Іюля—по 2 рубля.

Иногородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «*Волжскаго Вѣстника*».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. Н. Загоскинъ.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ“.

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. **При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка** въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматическія

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Саліасъ*, *Н. С. Лѣсковъ* (*Стебницкій*), *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. Г. Вучетичъ*, *А. В. Круловъ*, *Д. А. Линевъ*, *С. Н. Филипповъ*, *Н. П. Тимофеевъ*, *Н. С. Стружкинъ*, *П. А. Олениннъ*, *В. В. Чуйко*, *В. Е. Ермиловъ*, *Н. Кульжинскій*, *М. М. Ивановъ*, *В. С. Баскинъ*, *Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполнѣ увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя А. Е. Саліаса, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всѣми приложеніями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкою и пересылкою 8 р.: на полгода безъ достагки 4 р., съ доставкой и пдресылкои 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и К° и Вольфа

Редакторъ-Издатель *О. М. Уманецъ.*

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получатъ безплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ потретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ заяв-

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м.—**9** р. **40** к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р.,, на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м.—**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.**: на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ",

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
»10 »	11 » — »	13 » — »
»11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
»12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ «**Нов. Тел.**» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, породовыхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вернеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставропольѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Ѳеодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(годъ IX)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Пріазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текущія явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца.	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абраміанъ.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ".

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, политипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около человѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Кайгородова** изъ жизни растеній. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Внѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ приложеніемъ, съ дост. и пер. **6 р.** — На годъ безъ приложенія, съ дост. и пер. **5 р.** — На ½ года безъ приложенія **3 р.** — за границу на годъ съ приложеніемъ. **8 р.**

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала* **«Родникъ»**, *Никольская площ., д. № 4*, и въ **отдѣленіяхъ конторы**: въ *С.-Петербургѣ* — книжный магазинъ Н. Фену и К°. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской, Воздвиженка, д. Армандъ. Въ *Харьковѣ* — книжный складъ при «Публичной библіотекѣ» А. Н. Гусева и К°, Московская, 7. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учрежденій. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемаго событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ. . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ. .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ.*

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходитъ 4 раза въ годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ каждая. Общее число листовъ годоваго изданія около 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Цѣна годовому изданію: *семь р. с.* съ пересылкою.

Адрессъ: Варшава, въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель: *А. И. Смирновъ.*

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры.** (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12** листовъ **литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12** листовъ **узоровъ**: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6** раскрашенныхъ **узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на переддиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.** Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА».** Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.	
На годъ безъ премій . .	6 р. — к.	7 р.	Съ преміями на 5 р. дороже; на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій.	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ".

Подписчики получатъ за ШЕСТЬ руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, **двѣнадцать приложеній** (**премій**) ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) **Большую олеографическую картину.**

2) }
3) } **Два акварельныхъ пейзажа.**

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) **живописной Россіи**: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе.**. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый и второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одиннадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія*,—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»* —**семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»* —**пять руб.**, *за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»* —**пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и разширенной программой вступитъ въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: **Съ доставкою на домъ** въ городѣ на годъ **9 р.**, полгода **5 р.**, трй мѣсяца **3 р**, одинъ мѣсяцъ **1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднимъ** на годъ **10 р.**, полгода **6 р.**, три мѣсяца **3 р. 50 к.**, одинъ мйсяцъ **1 р. 25 к.**

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ каррикатурами

„ПЧЕЛКА“

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами каррикатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которомъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-литературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: **для городскихъ подписчиковъ** съ доставлою на домъ **6** р., полгода **4** р., для подписчикоаъ «Одесскаго Листка» на годъ **5** р., полгоъа **3** р. **50** к. **Для иногороднихъ подписчиковъ** съ пересылкою въ бандероляхъ: нв годъ **7** р., полгода **4** р. **50** к., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ **6** р., полгода **4** р.

Требованія и деньги адресовать на имя **В. В. Новооцкаго**, въ контору редакціи „Пчелки“: въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-пздатель **В. В. Навроцкій.**

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: **въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, **въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер**, **домъ № 3, кварт. № 5.**

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, *7 РУБЛЕЙ.*

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ **«Орловскій Вѣстникъ»**, болховская, д. Зальменъ, и въ редакціи—зиновьевская улица. д. Чудинова.

Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовѣ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» полгода	4 » — »	» полгода	4 » 50 »
» 3 мѣсяца. . . .	3 » — »	» 3 мѣсяца	3 » — »
» 1 мѣсяцъ. . . .	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ.* Издатель *М. Поповъ.*

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.* 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.* 3) Церковныя *слова, поученія* и другія правоучительныя произведенія. 4) *Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовнства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.* 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и дру-

гихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11 Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы. а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: *съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ;** съ пересылкою за границу **восемъ рублей.** Адресоваться: **въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели:
А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

„ИСКУССТВО“

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: Н. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашировъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родославскій, В. Д. Спасовичъ, И. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. Н. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала *«Revue politique et litteraire»*, *заключая въ каждомъ нумерѣ отъ 24 до 32 страницъ*, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода.	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца.	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ вѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ ,въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ.

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты *«Эхо»* опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не боращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы разширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней **„Чиновное болото"**, **„Прологъ къ роману"** *М. Н. Альбова.* Повѣсть **„Въ полутьмѣ"** и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:		За границею:	
На годъ	10 р.	На годъ	16 р. — к.
„ полгода	6 „	„ полгода	9 „ — „
„ три мѣсяца	8 „	„ три мѣсяца	5 „ — „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	„ одинъ мѣсяцъ	2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № 27, въ Русской Скоропечатнѣ" К. И. Купа).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургѣ*—въ главную контору „ЭХО".

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ."

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,

будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же оттдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останетея вѣрною разъ принятому пути,—мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники", дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:		съ пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца.	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца.	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ.	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ.	1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ ОРЕНБУРГЪ, въ редакцію гатеты **«Оренбургскій Листокъ»**, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** *Физіологія* (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень.** *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра**, **Генсмеръ**, **Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигіенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ"

ТРЕТІЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и разсказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библіографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ **«Другъ женщинъ»**: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева, Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**, въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Боейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С.-Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „*ВОЛЫНЬ*“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородоныхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи* **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія,“ съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 г,ду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа*—«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Всѣмъ подписчикамъ въ теченіи года вышлется:

1) **52 еженедѣльныхъ нумера**, каждый въ два большихъ печатныхъ листа, съ 5—6 рисунками въ текстѣ.
2) **12 ежемѣсячныхъ книжекъ** въ 8-ю долю, объемомъ въ 10 печатныхъ листовъ
3) **12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ»**.
4) **Безплатная премія**,—олеографія съ картины извѣстнаго художника **В. Е. Маковскаго**,

„МАЛОРОССІЙСКІЙ ДѢВИЧНИКЪ“.

(Размѣръ преміи: 20 верш. длины и 13 верш. ширины).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: За годъ **8** р., за полгода **4** р. **50** к.

Безъ доставки и пересылки: За годъ **6** р. **60** к., за полгода **4** р.

За границею; за годъ—**12** руб., за полгода—**6** руб.

За пересылку преміи страховою посылкою **60** к.

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Колокольной, домъ Боборыкиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А. МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ“, ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія“, рядъ разсказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно“ (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ“; И. СЕВЕРИНА, „Врали“, комедія; П: ПОЛЕВАГО, „Шуты и скоморохи“, картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ“, ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ“, (центры умственной жизни;) А. СИМОНОВОЙ „Чья возметъ“ повѣсть, А. КРУГЛОВА „Разсказы изъ народнаго быта“; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда“, большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не ласточка“, разсказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ“, поэма; Г. СЕНКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ“, историч. романъ“; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Американки“ изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ“, изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза“, очерки; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искупленіе“, ром. съ илюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ **«Свѣтъ и Тѣни»**—журналъ преимущественно художественный—издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ **«Мірской Толкъ»**, обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100 №№** въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключая въ себѣ болѣе **800** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминованныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100—на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину—политическаго характера. Съ первыхъ-же нумеровъ журнала **«Свѣтъ и Тѣни»** начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа **«Бѣлая невольница»** *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ **«Библіотекѣ Мірскаго Толка»** редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ другія руки.

Въ теченіи года 50 нумеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семью красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	8 „	— „ — „
„ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки кромѣ вышеуказанныхъ—не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда-бы ни подписались, получаютъ всѣ нумера журнала, начиная съ перваго, равно какъ безплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов. императ. театровъ **М. П. Садовскаго.**

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника» съ десятью художественно выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія сущеетвованія «**БУДИЛЬНИКА**», въ 1884 году изданъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», въ который войдутъ лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ «БУДИЛЬНИКѢ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также получить «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода безплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстриров. ком. Бомарше «Севильскій цирюльникъ»—1 іюли, а «Альбомъ каррикатуръ»—1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ». Москва. Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. иногородные подписчики, желающіе получать «БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо въ главную коптору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ.*

Подписка на 1884 годъ. Семнадцатый годъ изданія газеты

„НЕДѢЛЯ“

Съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ.

Въ 1884 году газета „Недѣля“ будетъ выходить, какъ и до сего времени, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ. „Журналъ романовъ и повѣстей“, составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ „Недѣля“, будетъ выходить ежемѣсячно книжками, всего въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ. Въ составъ „Недѣли“ входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія-же статьи по вопросамъ внѣшней политики; III. Систематическія обозрѣнія текущихъ событій и явленій въ Россіи; IV. Обозрѣніе заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи научныя, преимущественно соціальнаго характера; VI. Статьи и изслѣдованія, касающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VII. Статьи по разнымъ частнымъ вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городскаго самоуправленія, народ-

наго хозяйства и т. п. VIII. Художественно бытовые очерки и разсказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь выходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ разсказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ „Журнала романовъ и повѣстей“ входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя въ теченіе года составляютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обѣихъ изданій вмѣстѣ, то-есть „Недѣли“ съ приложеніемъ „Журнала романовъ и повѣстей“, **8** рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ издатель **П. А. Гайдебуровъ.**

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зарисѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круговъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, П. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. П. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. П. Сергѣевичъ, Д. П. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору *«Наблюдателя»*. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель *А. П. Пятковскій.*

„КРАЙ“,

польская газета, политическая, общественная и литературная, будетъ издаваться въ Петербургѣ въ будущемъ 1884 г. по прежней программѣ, подъ редакторствомъ *Эразма Пильца* и при сотрудничествѣ: *Ад. Аснука, Іос. Длугота, кс. Добкевича, Т. Т. Ежа, Ал. Ельскаго, Фр. Глинскаго, Каз. Ярошовскаго, д-ра Антона І., Я. Иловскаго, Мил. Котарбинскаго, Ю Ляскарыса, гр. Карвицкаго, І. І. Крашевскаго, В. Спасовича, Генр. Сенкевича (Литвоса), Рож. Вержхлейскаго, Іос. Шишло, Яна Захарьясевича, Т. Ходи* и друг.

«**Край**» обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводныя статьи по текущимъ вопросамъ, политическимъ и общественнымъ; 2) Политическое обозрѣніе; 3) Славянская хроника; 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 5) Литературный отдѣлъ (повѣсть, стихи, критика), 6) Обзоръ печати русской и польской; 7) Петербургская и внутренняя хроника; 8) Библіографія; 9) Экономическая и торговая хроника; 10) Объявленія.

«*Край*» издается еженедѣльно по воскресеньямъ въ объемѣ 24 стр.

ПОДПИСКА въ Петербургѣ на годъ 8 р., на 3 м. 2 р. съ пересылк. по почтѣ: на годъ 10 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 коп. Объявленія по 15 коп. со строки. Рекламы (въ текстѣ) по 30 к.

АДРЕСЪ редакціи и конторы: Площ. Бол. театра, д. 10. Варшавское агентство «Края»: Сенаторская, № 18 (Райхманъ и Френдлеръ).

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА“

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многознаменательный для галицко-русскаго населенія эпиграфъ:

Се русска рада, послѣдна воля:
Держѣмся купы, а буде доля.

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. вкрались слѣдующія опечатки, которыя спѣшимъ исправить:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 613. Образовались	организовались.
Комчакъ	Колпакъ.
— 611 и 612 юго-восточной границѣ	сѣверо-восточной.

БИБЛОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга: «*Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы въ городѣ Вильнѣ.* Историческое изслѣдованіе. Съ восемью рисунками и разными свѣденіями, касающимися г. Вильны. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ, законоучитель виленскаго учительскаго института и гимназіи. г. Вильна. 1883 года».

Содержаніе книги: Виленская икона Богородицы Островоротная, ея наружный видъ и обстановка въ часовнѣ; поступленіе иконы въ г. Вильну и судьба ея здѣсь до перехода въ вѣдѣніе уніатовъ; нахожденіе ея у уніатовъ и переходъ къ латинянамъ, судьба иконы въ вѣдѣніи латинянъ, съ Островоротною часовнею, до настоящаго времени.

Рисунки: 1) Икона Благовѣщенія Богородицы, Корсунская, Островоротная, именуемая Отробрамскою, находящаяся на Острыхъ воротахъ г. Вильны. 2) Островоротная башня въ г. Вильнѣ, съ южной стороны, отъ желѣзной дороги. 3) Икона Богородицы Одигитріи, находящаяся въ главномъ храмѣ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. 4) Островоротная часовня Богородицы въ г. Вильнѣ, съ прилелающими къ ней зданіями. 5) Внутренній видъ Виленскаго мужскаго Свято-Троицкаго монастыря со стороны зданія Литовской Духовной Семинаріи, находящейся въ семъ монастырѣ. 6) Православный мужской Свято-Духовъ монастырь, въ которомъ почіютъ мощи святыхъ мучениковъ Литовскихъ, чудотворцевъ Виленскихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, находящійся вблизи Острыхъ воротъ г. Вильны. 7) Свято-Николаевская приходская церковь въ г. Вильнѣ съ часовнею при ней во имя архистратига Михаила. 8) Памятникъ полковнику Казанскаго полка Дѣеву, убитому при Острыхъ воротахъ г. Вильны 31-го Іюля 1794 г., при усмиреніи возстанія Поляковъ,—вблизи большой дороги къ г. Ошмянамъ, на могилѣ покойнаго.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

Сладъ изданія: у автора-издателя, въ зданіи Учительскаго Института, на Большой улицѣ, въ г. Вильнѣ.

Тамъ же можно получить книги того-же автора: «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы въ г. Ченстохове». Цѣна 10 коп. съ перес. и: «Почему въ православіи крестятъ именно погруженіемъ въ воду» —10 коп. съ перес. Изображенія св. Кирилла и Меѳодія и ченстоховскаго православнаго храма ихъ—5 коп. съ перес.

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *не точнаго* и *не полнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.